

Письма русских писателей XVIII века

**М. Н.
МУРАВЬЕВ**

письма отцу и сестре
1777—1778 годов

ImWerdenVerlag
München 2007

© Из книги „Письма русских писателей XVIII века“. Л., Наука, 1980. Стр. 259-377. Публикация [Л. И. Кулаковой]
и В. А. Западова
© «Im Werden Verlag». Некоммерческое электронное издание. 2007
<http://imwerden.de>

8 мая 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Развертывая сие письмо, вы изволите угадать половину его содержания, а половину нет. Что я в Москве, это правда. Но в которой горнице сию?.. наперед узнаю, что неправда. Я живу у Петра Семеновича,¹ в задней горнице, и постеля моя на лежанке, довольно высокой. Весь дом переделан и так хорош, как игрушка. Ежели бы я хотел доказать, что в своем слове прав, я бы еще предложил вам нечто. Например: о чем я теперь говорю? Пряжкой ли вы изволите парик застегивать или завязкой. Передо мной стоит парукмахер ген<ерала> Афросимова, который поговорить не любит и просит за оба парика, последнее слово, четырнадцать рублей. Но чтобы перестать врать, так я пойду опять назад и зачну снова. Вы изволили видеть, как я поехал. Невступно в 12 часов примчался я в Городню, чтоб разбудить трех мужичков, которым и в голову не впадало, что мне надобно ехать в Москву. Староста ямщицкий не любит, чтоб его будили, и взял с нас пеню за то, что рано встал, но я хотел бы найти кого-нибудь для любопытства, кто бы заснул с городнецким ямщиком. Это все рассказывать весьма нужно, но, еще я думаю, и забавно столько ж. В одиннадцать часов езды пробежал я сто верст. Но тут потише. На двух последующих станциях не нашел лошадей. Кое-как вымоля, бранью взял и мало толику палкой. А с Черной грязи ехал без ямщика, для того что он убежал в лес. — В самое сие время прогремел здесь гром. Все утро лил сильный дождь. А вот и еще дождь, а я хотел ехать обедать к Майкову.² — Сильный гром. Льет величайший дождь, остался я. Дождь отнимает силы писать.

Где я эдак переучился врать? Мне много писать важного, а я мелю чепуху. Вы не изволите знать, что дядюшка Матвей Артемонович меньшей³ здесь. Я у него ночевал и теперь только домой пришел. Он очень опечален, в Суздале весь распродался и едет налегке. Отправится в Тверь, конче, завтра. Нынешний день кушает у Федосьи Алексеевны,⁴ а я у ней обедал вчерась. Она-то мне и сказала об нем. Федосья Алексеевна кланяется как вам, так и сестрице. И она также не очень весела. А дядюшка живет в доме Киреевского,⁵ зятя сестры Федосьи Алексеевны. Он немножко раздражен на Ивана Матвеевича⁶ и, как кажется мне, хочет скрыть свою скуку, но не может. Ко мне очень ласков. Здесь купил карету в 120 р. и едет на своих.

С университетскими всеми виделся, которыми также обласкан. В субботу был в Собрании⁷, где читал свою диссертацию⁸ и еще оды. Все сие так, как и две прежние пиесы, будет внесено в четвертую часть, которая еще не напечатана. Диссертацию, что касается до содержания и расположения, главная часть сочинения, ни словом не критиковали. Все касалось до риторического выражения мыслей и свойства языка. Некоторые им казались немножко новы и смелы. Но как это скрыть в стихах? В одах не заметили они ни одного слова или мысли, которая бы была им странна. Куратор⁹ был ими тронут и сказал мне, что я имею дар в лирическом. Он также благодарил меня вообще за пиесы. И просили, что ежели есть у меня еще из Горация переведенные, чтоб я им их сообщил. Тверскую историю также отдал, и она теперь у Миллера.

Они думают ее напечатать особо с Чигиринским походом.¹⁰ Всего смешнее, как дело зашло о Ломоносове, и Мелиссино доказывал Миллеру, что он отнюдь не занимал у Гинтера, немецкого стихотворца,¹¹ и просил меня прочесть приведенный в диссертации пример: «Не мрак ли в облаках» и пр.¹² Я стал громко читать, чтоб слышно было Миллеру, и как дошло до того: «На то ли вселюбезну Анну» и пр., все обернулись на меня, и я замолчал, а Мелиссино с Миллером потупились и стали говорить тихо.¹³ Простите мне, батюшка, что я к вам нынче так вздорно писал. Это только для того, чтобы хоть вас рассмешить. Нижайше прошу, будьте спокойны и веселы. Я целую с истинным моим почтением ваши руки и остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.
1777 года мая 8 дня. Москва.

Матушка сестрица, не именинница ли ты нынче? Мне это так на ум вспало. Ежели так, от всего сердца поздравляю.¹⁴ *Αργωρος*.^{*} Я вчера был в театре: представляли «*Le bourru vertueux*»,^{15**} а петит пиес: «Принужденная женитьба».¹⁶ Все актеры так возглашают *affecté*... «драж... жашшиймой!» etc.^{***} И Дмитревского¹⁷ нет. Слуга в петит пиес не смешон даже, а уж *burlesque*,^{****} как на игрище. Не прогневайся, что мало местечка. Где ж мне взять? Ах! матушка, пожалей. Впервые поеду на дрожках. А то раз в карете Федосьи Ал<ексеевны> ездил, а в театр в дядюшкиной. *Je baise votre petite main*.^{*****} Голубушка моя! Татьяна, свет Петровна,¹⁸ что ты забыта здесь, рука моя виновна. Не прогневайтесь: это, право, для вашей милости с почину стало. А то кусок хазовой.¹⁹ К сырсаку²⁰ применялись. Просят рубль двадцать копеек. *Valeas et*^{*****} шалеас. Ванька долгой пошел в деревню, и камзол ему куплен.

Перевод:

* Кстати.

** «Добродетельный ворчун».

*** деланно... и т. д.

**** груб.

***** Целую вашу ручку.

***** Будь здорова и (*латин.*).

2

11 мая 1777

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Ваше милостивое от 8 числа писание я получил от Изъединова,¹ за которое приношу мою благодарность. Я вижу из него, что ко мне есть еще письмо и через почту, но я еще его не получал и для этого теперь же поеду на почту справиться. Дядюшка Матвей Артемонович нынешнее после обеда отправился в дорогу, и так вы будете иметь гостя в субботу. Я поеду отсюда послезавтре часу в десятом ввечеру, ежели только помешательства не сделают парики, которые, однако, сделать к сроку обещали. Анисим Титыч² тому назад недели три как болен подагрой, однако теперь уж гораздо лучше и прохаживается. Тетушка Федосья Алексеевна, у которой я раза два обедал, приказывает вам свое почтение. Третьегодня был я почти целый день и обедал у Антона Алексеича.³ Он вам приносит свое почтение. У него я набрал столько книг, что я счет потерял, и теперь их разбираю. Василий Иванович⁴ попрекал мне, что я не стал у него. Он тотчас узнал, что надписи мои,⁵ так, как и Антон Алексеич. Яков Бо-

4

рисович⁶ принял меня очень ласково, отвез в карете; нынче прислал мне ее на целый день. У него я и обедал нынче. У дядюшки я ночевал две ночи и почти во все это время был. Только сделайте милость, не ожидайте меня прежде как ввечеру воскресеньем, затем что я и сюда приехал в семь часов. Проклятые две ближние станции уведут по крайней мере четыре лишних часа. Я вас нижайше прошу быть веселыми, и ежели Бог совершит мои желания, так вы будете здоровы. Простите мне, батюшка: я спешу писать и сам лучше все расскажу, нежели через письма. Я ожидаю с искреннейшим почтением вашего родительского благословения и остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший слуга и сын

Михайло Муравьев.
1777 года мая 11 дня. Москва.

Матушка сестрица! все ли ты здорова? весела ли ты? Я тебя прошу для твоего брата, которого ежели ты любишь, так и послушаешь, не будь скучна. Я здесь, когда у меня спрашивают, каково в Твери? лгу на ваш счет и иногда идучи выдумываю. Куды как весело? *Faites, ma chère, que notre papa ne s'ennuie pas. Je vous prie, je baise votre main de tout mon coeur.** Я нынче у Мелиссина опять говорил по-италиански с греческим архимандритом.

Матушка Татьяна Петровна! Здравствуй!.. Прощай.

Перевод:

* Постарайтесь, любезная моя, чтобы папенька наш не скучал. Прошу вас. От всего сердца целую вашу ручку.

3

26 июля 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Я не знаю, получите ли вы или, по крайней мере, как скоро получите письмецо сие, которое пишу из Хотиловского яму и посылаю с извозчиком к Миллеру¹ в Вышний Волочок, чтоб он его к вам привез. Дорога моя до Вышнего была довольно хороша. В одиннадцать часов приехал я в Торжок и пил кофе в тамошнем трактире; оттуда отправившись, часов восемь в вечеру приехал я в Вышний. Дождь шел беспрестанный, и солнца я не видал, выехав из Твери. Перед Вышним, не доезжая верст за десять, зачала ломаться шина на правом переднем колесе; с нуждою его перевязывали, гвозди повыскакали, и оно совсем отдираться стало; в другом колесе выскочила чека. Кое-как доехали в город и остановились у кузниц, которые на краю города. Призвали кузнецов: придачи к нашей шине просят полтину.² Мы подавать двадцать копеек и так далее, ничто не помогло: на чем остановились, — напрасно бранились, напрасно кричали, — дать принуждены. Между тем, как я обмок и озяб и плащ до половины был забрызган, вздумал я идти в трактир и плащ скинул. При кибитке остался Ванька, а я с ямщиком пошел в трактир, где подали мне чаю. Между тем колесо поспело, и ямщик, который, проводив меня, шел назад к лошадям своим, встретился уже с Ванькою, который кибитку везет к трактиру и к почтовому двору, который тут напротив. Покуда зачали мазать колеса, Ванька пошел с старым ямщиком ко мне в хоромы о прибавке денег к прогонам спроситься. Пришел назад — плаща уж и нет. Вот какое наше несчастье! Милостивый государь батюшка, не извольте на нас прогневаться. Мы не знали и теперь не знаем, что делать. Тьма такая, что хоть глаз выколи; мне сказали, я прибежал, уж никого нет у кибитки, дождь идет ужасный, Ванька пошел к ямскому

управителю, который судил, судил, да сказал, что ему делать нечего; и так мы погоревали, да и поехали, я думаю, часу в первом ночи. Всю ночь ехали до Хотиловского, где я пишу: тридцать шесть верст, дорога прескверная. Нижайше прошу, батюшка, отписать в Вышний к городничему Ивану Крестьяновичу Гартунгу, чтобы он публиковал через полицию о плаще, что, ежели кто найдет, к нему бы приносил, или бы и приказал поискать по избам. Мы думаем, не сронил ли Ванька его, как ехал из кузниц к почтовому двору. Но он говорит, что помнит его, уж приехавши к почте. Нижайше прошу, батюшка, простите мне мое несчастье и сами не сокрушайтесь. Я, слава Богу, здоров и только о том печалюсь, что вам дал причину сокрушаться. В прочем, прося вашего родительского благословения и желая усерднейше вашего любезного здравия, остаюсь навсегда с глубочайшим почтением, милостивый государь батюшка, ваш нижайший слуга и сын

Михайло Муравьев.
1777 года июля 26 дня. Тверь.

Матушка сестрица Федосья Никитишна, сделай милость, не печалься, матушка, обо мне и попроси батюшку, чтобы он не печалился. Голубушка! видишь, какое мое несчастье. Право, ума не приложу. Но я буду утешен, ежели узнаю, что батюшка на меня не гневается и вы не скучны. Дай Бог, чтобы вы не приметили моего отсутствия. Баба здесь принудила меня приказать сварить молока: не отговоришься на большой дороге. Матушка, голубушка, что мне делать? Пожалуй, попроси батюшку, чтобы послал в Вышний к городничему. Люби меня, матушка, и не скучай. Фавушку не оставь, матушка.

Татьяне Петровне мой поклон. Видите, каким помелом пишу; право нельзя.

4

31 июля 1777

Санктпетербург 1777 г. июля 31 дня.

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Наконец имею удовольствие донести о моем в Петербург прибытии. Приехал я вчера по утру, часу в осьмом, слава Богу, благополучно, для того что маленькие беспокойства и замедления, в дороге почти неминуемые, на счет противного ставить почти не можно. Павла в Крестницах покрали на четыре рубли: тут принужден был простоять — два дни меня дожидался; однако не дождался. Я его нашел в Бронницах плачущего. Нашлись люди, которые, сжалясь на слезы его, овса и сена по несколько ему давали, так лошадь не исхудала. Сколько стоило мне труда сыскать кого-нибудь из бронницких ямщиков, чтобы съехать на Полосы! Это было после обеда 27 числа. День был прекрасный, так все были на сенокосе. Особливо же как время стоит дождливое, так эдакова дни им ни за что променять было не можно. Почтовый сержант, спасибо ему, зная приключение Павлушкино и наслышавшись, может быть, о дядюшке, много мне помогал. Он, наконец, нашел мне богатого мужика, который взял дорого, да делать было нечего. Показалось, так будучи близко и ваше письмо к тому же имевши, не заехать было бы не рассудительно <и> скупиться, дал 1.80 коп. и в тот же вечер приехал на Полосы. Принял дядюшка¹ довольно ласково. Он только что четыре дни как приехал с Ряжску, и упражнение все его состоит теперь в экономии. Сено грабил сам. У него один полевой сержант, дворянин, и плотничный мастер с женою и дочерью. Вот сколько обстоятельств! На другой день так

мы разговорились о тверском житье, о воспитании Ивана Матвеевича,² так ко мне был милостив, что пересказать вдруг не можно. Я ему писал письма кое-какие, — к Олсуфьеву,³ напр<имер>. Дал мне для перевозу к Ивану Матвеевичу ассигнациями 200 руб., небольшое ружье, атлас и книгу архитектурных рисунков. Спрашивал о вас, о сестрице; как я зачал говорить про долг наш, он ничего не отвечивал. Что касается до дядюшки Матвея Артемоновича меньшого, я, говорит, не знаю, что делать, деньги у меня теперь все по людям, четырнадцать тысяч у Яковлева, семь тысяч у <пропущено слово> как у архерея. — Напрасно говорят, что переменение климата имеет влияние и на свойства наши: и под петербургским небом столько же я люблю останавливаться на подробностях, как и при волжских берегах. Хотя и поневоле, я перебегу несколько приключений дорожных и мало значащих, чтобы поберечь места петербургским. Вчера был все дома. Иван Матвеевич,⁴ будучи квартирмейстером и, следовательно, имея нужду в верховой лошади, приборе и пр., а будучи не в состоянии жалованьем исправиться, сказывается больным и не живет в лагере. С ним препроводил я день. Нынче, в моем дезабилье — для того, что еще мундира не было, — ходил к Сергею Александровичу,⁵ который вам за письмо благодарит и мне, сколько силы будет, помогать обещался. Спрашивал, для чего я еще не остался: отсрочили бы. Судили про подполковника.⁶ Служить очень не авантажно: сам всякий день и очень рано в строю, и бегаёт, как ефрейтер, строг и горд до чрезмерности, и принуждением выше сил отнимает охоту и рвение к службе. Был потом у Леонтьева,⁷ он просил ходить к себе, разговаривал о Твери. Подполковник поехал в дивизию и будет в четверг. Обедал с Иваном Матвеевичем у Аннибала⁸ весело и с десятком италианцев. Иван Абрамович вам приказывал засвидетельствовать свое почтение, меня просил ходить часто к себе. Бумага моя не будет с мой день, и вечер остается неопи- санным. Был у Миллера,⁹ у Петрова¹⁰ с письмом был дядюшки, да не застал, пришел домой. Павлушка приехал благополучно, и теперь разбираемся. Целую вашу родительскую руку и остаюсь на веки ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

Матушка сестрица, Федосья Никитишна, желаю тебе от всего моего сердца, чтоб ты была здорова и довольна собою и мною. Вот, у вас на той стороне не скушно. Я теперь где иду по улице, так сердце tic-toc, tic-toc. Скоро пройдет эта глупость, чуть ли не завтра, как скажут: нутка, покажи, парень, свой провор. Est-il possible que notre cousin me demandait entre autres choses: «Est-il vrai, dit-il, ce que j'ai entendu, que l'on recherche déjà votre chère soeur?» — «Qui vous l'a dit, mon Dieu?..» — «C'est Werdereïfsky». ¹¹ — Adieu.*

Иван Матвеевич хотел к вам нетерпеливо писать, да его увел один италианский с Аннибалом живущий офицер.

Татьяне Петровне поклон.

Перевод:

* Поверишь ли, наш кузен спросил меня между прочим: «Правда ли, — сказал он, — то, что слышал я, будто бы уже сватают милую вашу сестрицу?» — «Кто вам это сказал, Бог мой?..» — «Вердеревский». — Прощай.

1777 год. Санктпетербург, августа 3 д.

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Я думаю, что вы уже изволили получить одно мое письмо, хотя и не в настоящее время. Понедельничная почта упредила его, так оно послано на вторничной. И я боюсь, чтобы сие замедление уже не приключило вам беспокойства. В чем у вас, батюшка, нижайше прошу прощения. Ваше милостивое письмо от 26 и<юля> я получил третьего дня и уже некоторые письма разнес. Я не могу не быть доволен приемом господ майоров. Федор Яковлевич по-старому ласков: расспрашивал у меня о вас и уверял, что он всегда рад будет оказать свое усердие вам в рассуждении моей пользы; потом спросил у меня, явился ли я к Николаю Васильевичу, — а это было в самый день моего срока, так я сказал ему, что я уже не один раз был у него и паспорт свой уж отдал капитану-поручику князю Александре Ивановичу Лобанову-Ростовскому.¹ Для того что нынче в Кадетской роте и при школе офицеры, и сей отправляет все полковые нужды по роте. Он родной племянник жены нашего подполковника и человек, как сказывают, взыскательный; но я еще до сих пор причины не имею пожаловаться, будучи им принят учтиво, и теперь еще отнюдь не обеспокоен. Я подал также Федору Яковлевичу письмо от дядюшки Матвея Артемоновича; он, прочетши, сказал, что дядюшка сам, будучи здесь, не мог выпросить Ивана Матвеевича у князя в сержанты, так напоминание от меня еще будет слабее; не лучше ли подождать до тех пор, как вступит в службу. Г. Шипов² приказал вам благодарить, и как он говорит обыкновенно ласково, так и сказал, что во всем, где только он будет мне полезен, я могу требовать от него всякого вспоможения. Спрашивал, давно ль вы в Твери и пр. Князь Петр Алексеевич³ приказал вам кланяться и также уверял в продолжении своей благосклонности. Он уж ныне не очень входит в полковые дела, хотя еще иногда и дежурит. Государыня, сказывают, милостиво с ним разговаривая, между прочим сказала, что она имеет для него особое место и что он может теперь не столько в полку трудиться. Подполковника ждали вчера из дивизии. У Федора Михайловича⁴ я обедал третьего дня, но как к нему приехала сестра Татьяна Михайловна Флорова-Багреева⁵ и поэтому они все новоприезжими заняты, так я и не успел с ним переговорить о перстне, что меня препятствует так скоро отправить Павлушку. Нынешний день только убрался идти, чтоб разносить письма, дождь пошел и поневоле остановил дома. Флорова-Багреева вам кланяется и извиняется, что не заехали, будучи нездоровы, хотя и была намерена неотменно. Вчера сзнакомился я с Поповым⁶ и был у него с письмом Киприана Ивановича,⁷ которому я и благодарю за сей случай и прошу объявить мое почтение. После обеда иду на Васильевский остров к Ивану Матвеевичу с письмами и, ежели удастся, зайду к Докучаеву⁸ для перемены векселя. Чтоб Павлушке дать между тем упражнение, я купил несколько товару, и он шьет сапоги для Ваньки. Строи в кадетской роте на сих днях кончатся, и ежели есть, так уже только, как говорит капитан-поручик, для смеху.⁹ Как я был последний раз у Николая Васильевича,¹⁰ так он отдавал ротному писарю переписывать не знаю какие-то установления для нашей школы. Сколько можно сначала приметить, Ник<олай> Вас<ильевич> человек очень медленный и нерешимый. Он еще и в свою контору ездит. Сергей Александрович перенес всю сию перемену так, сказывают, что не дал приметить своего упадку. Списки истории,¹¹ которую преподавал в школе Еллерт, бывший тут учитель, погубили его в мыслях кн. Николая Васильевича.¹² У меня теперь столько, хотя маловажных, известий, что, наполнив ими письмо, еще множество их в остатке имею. Но как их истощить не можно, то лучше буду говорить с вами о том, что меня более касается.

Я слава Богу, здоров и живу с Иваном Матвеевичем; упражнения мне никогда не достанет, но только нет довольно времени. Я хотел бы теперь у всех быть, у кого надобно, да никак скоро успеть не можно. Я полагаю надежду на Бога, которого о том только и прошу, что вы будете здоровы и сколько можно не скучны. Общих здешних новостей я почти не знаю. Нижайше прошу, милостивый государь батюшка, о продолжении вашей ко мне драгоценной милости. А я с глубочайшим моим почтением уповаю вашего родительского благословения и остаюсь на веки, милостивый государь батюшка, ваш покорнейший слуга

Михайло Муравьев.

Матушка сестрица Федосия Никитична! За ваше любезное писание приношу мою благодарность. Строки сии не могут уже мне дать знать ничего нового. Я знаю ваши мнения, ваши чувства. По крайней мере, льщусь так: вы любите меня и вы знаете, что бы я вам не поверил, ежели бы мне утверждали противное. — Прости, матушка сестрица, я чувствую, что это гордо. Мое заблуждение велико. Тот не заслуживает любви вашей, кто цены ее не знает: я ее знаю. И прошу вас, матушка, меня любить, хоть только для того, что твоей души это достойно, это сродно. Ну! Я заврюсь. Прощай. *Que notre cher père ne s'afflige pas: faites-moi cette grâce.**

Татьяне Петровне поклон. Елагина¹³ ни Муравьевых¹⁴ нет в Петербурге.

Я вам, милостивый сударь дядюшка, имею честь донести, что я, слава Богу, здоров и приношу мою нижайше благодарность за ваше ко мне напоминание, и прошу покорно и впредь меня своею милостью не оставить. Остаюсь с моим должным почтением навсегда покорный слуга

Иван Муравьев.

Я вам, матушка сестрица, сие свое покорное почтение приношу и остаюсь навсегда ваш покорный слуга

Иван Муравьев, князь Акоповский,
а как княжество в Польше, так за незнанием языка не еду туда.

Перевод:

* Пусть наш дорогой батюшка не печалится: сделай мне такую милость.

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Нынешнюю почту не имел я счастье получить от вас писем и не знаю, дошли ли к вам мои два, отсюда писанные. Первое не успел я в настоящее время отослать на почту в понедельник и отослал уж во вторник, для того что на немецкой в вечеру не приняли. Я опасаясь, чтобы сие неполучение в настоящий срок не приключило вам тщетного беспокойства и прошу в том извинения. Я, слава Богу, здоров; упражнение мое состоит по большей части в разнесении писем, которого еще и теперь не кончил. Многие живут по дачам, других не застаю, а при том же и не многих разом обойдешь по утру. Князю Александру Алексеичу¹ успел письмо ваше подать перед тем, как садиться в карету. Князь Михайло Мих<айлович> Щербатов² довольно хорошо меня принял и приказал вам кланяться; быв у него, заходил к его сыну, который мне прежде знаком. От Завороткова³ слышу, что наш капитан-поручик после, как я у него был, хорошо обо мне отзывается: это меня немножко порадовало и потому, что о нем

сказывают, будто он строг, и потому, что он подполковнику родня. Князь Николай Васильевич третьего дня поутру уехал к Никите Ивановичу Панину, и я часом опоздал его застать для того, что прежде был он в дивизии. Завтешний день вступят кадеты в школу. Дежурить будут у нас офицеры, а при них сержант, унтер-офицер и ефрейтер. Нынче был между прочих и у Анны Андреевны,⁴ которую раза по два не заставлял дома. У ней сидел долго и разговаривал. Она мне предлагает ехать с ней на завтешний день в Петрушкино. Видно, что Барышникова⁵ нет. Я не знал, что ей на это сказать, однако обещал стараться получить позволение. Она просит, чтоб я к ней часто ходил и по обыкновению ласкова. Живет теперь в доме Александра Андреевича⁶ для того, что свой каменный в Большой Морской переделывает. Александр Андреевич и с женою уехал в деревню. Между тем, как я ходил по утру, ко мне приходил Ханыков,⁷ с которым я еще не успел видеться и который, я не знаю почему, спроведал, что я здесь. Также прислал ко мне Николай Иванович Новиков просить к себе, не знаю для чего. Но без меня не спросили, где он стоит, и так я послал проведать. Дни с четыре тому назад, как я нечаянно встретился на улице с Николаем Александровичем Львовым,⁸ который тогда дни два еще, как приехал из чужих краев, живет по-прежнему у Бакунина,⁹ который в отсутствие Никиты Ивановича сам по иностранным делам своего департамента докладывает государыне. Николай Александрович очень доволен своим путешествием: он имел случай удовольствоваться свое любопытство, особливо в художествах, которым он и учился. Михайло Федорович¹⁰ прислал прошение о увольнении его еще на зиму, что^{<бы>} лечение свое кончить путешествием в Италию по совету докторов. Хемницер с ним: он, сказывают, прогуливался в Париже с Руссо. Государыня вчерашний день изволила приезжать в Петербург для Преображенского праздника и кушать в Летнем дворце, откуда через сад проходила на набережную пешком. Недавно видел я стихи г. Рубана к Семену Гавриловичу Зоричу,¹¹ за которые получил от государыни золотую табатерку с 500 червонных. Не можно вообразить подлее лести и глупее стихов его. Зачинает с Илии пророка, которого равняет шведскому королю, а Зорича Елисею. Пишет, что, как шведский король облек его геройскою славою, Зорич наш и удивился. Какая прекрасная поза! Я бы хотел посмотреть: просит Зорича, чтобы он явленную добродетель всегда оказывал и продолжал. — Нельзя всего перечесть. Со всякого стиха надобно разорваться от смеху и негодования. В Тверской семинарии лучше делают стихи. Шведский король, сказывают, отозвался к государыне, что он ее волю исполнил, дав Зоричу орден Меча; но как она известна, что это первенствующий орден, так с тем, что он надеется его видеть скоро в чине, достойном оного. Я нынче так, как и всегда, заговорился. В прочем, прося усерднейше Бога о здравии вашем, желаю получить нетерпеливо ваше милостивое писание и в надежде вашего родительского благословения остаюсь нав^{<еки>} с глубочайшим почтением, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михаиле Муравьев.
1777 года августа 7 дня. С. Петербург.

Милостивая государыня матушка сестрица, Федосья Никитишна! Вот изволите видеть, как я поживаю! Вить видно, что я... я; а больше ничего. Из полку меня тронуть боятся. На караул у нас не ходят. Авось ли проживем. Вчерась и третьегодни обедали мы с Иваном Матвеевичем у Ивана Матвеевича на Васильевском славном... О Тверь! и славная нагорна сторона, ты Волгой матушкой, не чем же вить, славна; славна, славна и здесь не слышна <поливою>, покорный ваш слуга, с Фонтанкой и Невою... В Париже нынче мужчины убираются в две пукли в ряд над ухом и третью, как женщины носят, висячую за ухом. Это постоянные, а щеголи по восьми на стороне. Кошелек сплюснен с обеих сторон и близко подвязан. Пряжки серебряные через всю широту ноги, плоские, толстые, параллелограмом. — Анна Андреевна спрашивала о вас, привыкаете ли

вы ко Твери, не скучно ли и играете ли на клавирах; мне говорит, что она радуется будто, видя, что я не так углублен в стихотворство. Это что за задача?

Татьяне Петровне мой поклон.

7

10 августа 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Тотчас после отправления моего прежнего письма получил я ваше с приобщением другого, от Тимофея Ивановича¹ к его племяннику, которое я и отнес. По отпуске того письма вы еще не изволили получать ни одного от меня, а я и с дороги писал к вам дважды: один раз из Хотиловского яму, с трактирщиком Миллером, другой из Валдай. Павлушка все еще здесь: медленность сия происходит от Федора Михайловича. Вчерась нарочно затем пошел я к нему обедать: говорит, что недосуг ему, за домашними хлопотами и для того что у него гости, переговорить с ювелиром. Пятьдесят рублей он уже уступил и с тем, что ежели еще не нравится перстень, так он его берет назад. Федору же Михайловичу кажется, что тут передано 20 или 30 рублей, за эту сумму и отдавать назад, казалось бы, не для чего. Что касается до серег, рассказывает Федор Михайлович, все ценят их здесь в тысячу рублей, и сама княгиня Юсупова, которая всегда весьма дешево покупает бриллианты, за находку почитает купить сии за 800. Мария Ивановна² приказала отписать, чтобы их иначе и не писать за сестрицею, как в тысяче рублей, что никто за обман почесть не может. Нынче должен я еще к нему идти. До сих пор не имею я еще никакой должности, но в понедельник вступят в школу. На сих днях отпросился было я на день у капитана-поручика, чтобы ехать на дачу с Анною Андреевной, но, пришедши к ней рано, ее уже не застал и остался дома. Вместо того то утро просидел я у Новикова. Тогда же был у князя Козловского: он принял меня очень учтиво и предлагал мне свои услуги, ежели я хочу перейти в другой полк или чего другого от него потребую. Стороною слышу я, что он друг Зоричу. «Ученые ведомости»³ еще по сих пор не выходили; а нынешнюю неделю выдет их четыре нумера, и как я слышал, то сим они и кончатся. Издатели их неизвестны и не хотят открываться. Я не спрашивал Новикова, но Херасков говорит, что он отпирается. У Хераскова был нынешнее утро: он по-прежнему ласков и просил меня к себе ходить. Приглашает меня также приступить к собранию, которое издавать будет Ежемесячное сочинение, состоящее из переводов, которых вообще материя должна принадлежать или к морали, или к истории.⁴ Новиков предложил мне переводить Боэция консула римского о утешении философии, сочинение, смешанное с стихами и с прозою.⁵ Херасков проживет здесь до декабря. Спрашивал меня о надписях, о которых, говорит он, тотчас узнал, что мои. О Майковых⁶ говорит: не так-то чтобы. Майков издал пастушескую драму, «Деревенский праздник» в двух действиях. Прасковью Глебовну⁷ раз шесть или семь не могу застать дома, и письмо принужден был отдать девке. Она живет у Полторацкого⁸ во флигеле, где мы жили. Вчерась у Федора Михайловича взял я 25 рублей из числа оставшихся 214 руб<лей>. Он давал мне и сто рублей, да я попросил двадцать пять. Я по списку 79-тый человек. Строи уже кончились. Вот сколько написал я вздору о себе, и тут еще не все; но я никогда не кончу, ежели все писать. Каково вы изволите поживать? Мне нельзя требовать так же по денно знать, где вы были и что делать изволи<ли>, но, по крайней мере, нижайше прошу уведом<лять> вообще. Я вить теперь сам тверитянин и принимаю более участия в ее приключениях. Лучше, нежели знать об этом, хотел бы я знать о вашем мне драгоценном здравии. Дай Господи, чтоб оно ненарушимо было. В прочем, прося вашего родительского благословения,

остаюсь навсегда с искреннейшим почтением и преданностью, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.
1777 года августа 10 дня. С. Петербург.

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Желаю вам от сердца удовольствия и здравия. Дай Бог! чтоб вам час от часу неприметнее казалось мое отсутствие. Я счастлив чрезмерно, что могу говорить так гордо, а за сию гордость должен благодарить вам. Ежели будете писать в Берново,⁹ отпишите мое нижайшее почтение. Особенно Любви Федоровне.¹⁰ Сколько бы она меня обязала, ежели бы вздумалось ей погостить в Твери!.. Вышедшее сочинение Мармонтелево «Les Incas»¹¹ * я еще не читал. Говорит Михайло Матвеевич, что слог прекрасен, но целое и расположение не могут в своем роде равняться со сказками. Оно в прозе, хотя и стихотворческое. Есть трогающее, и очень. Прощайте. Татьяне Петровне приношу мое благодарение за старание о Фавушке и за известие о Бижутке; но жива ли она?

И я вам, милостивый государь дядюшка, при сем свое почтение приношу; то же и сестрице Федосье Никитишне, прося меня <в> своей милости содержать и оставить. С моим должным почтением, милостивый государь дядюшка, покорный слуга

Иван Муравьев.

Перевод:

* «Инки».

8

14 августа 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович! Вот уже тому две недели, вчерась минувшие, что я живу в Петербурге, а вас не вижу уже близко трех недель. Во все это время получил я от вас только два письма. Не подумайте, батюшка, чтобы я осмелился вам в этом упрекать. Нет, мне только прискорбно то, что я не известен о вашем здравии. Вы сами изволили меня приучить к вашим письмам: так, когда не получаю, вздумается иногда, что вы на меня гневаетесь. Я оставил вас столько ко мне милостивым, что перемены так скоро я не опасаюсь. Вы совершите мое искреннейшее удовольствие, когда в этом сами уверить изволите. Я не могу теперь много писать по моему обыкновению затем, что боюсь опоздать на почту. Ювелир перстень принимал без малейшей отговорки. Двадцать человек, говорит он, будут на него охотников, а я только вам (т. е. Федору Михайловичу) в угодность так уступил. Деньги подождать полторы недели. Итак, мы рассуждали потом с Федором Мих<айловичем> еще о перстне. Я Павлушку столько остановил для перстня, а теперь еще ждать. Он показывал перстень Татьяне Михайловне. Она говорит, что недорого. Я также носил его к Прасковье Глебовне: у нее точно такой дан 250 руб., и говорят — еще не дорог. Мы решились, наконец, его оставить. Павлушку отправлю завтра, что свет. С ним посылать перстень поопасся по нынешнему воровскому случаю по дороге. А берет у меня его Татьяны Михайловны сын Аполлон Никифорович Флоров-Багреев. Он едет через Тверь. В школу вступили нынче: нам воля, ежели хотим и где хотим, учиться. Вчерась обедал я с Лепехиным¹ у Прасковьи Глебовны. Нынче у Хераскова, который вам кланяется. Он до меня очень добр, всем домом я обласкан, больше быть нельзя. В прочем, прося вашего родительского благословения

и желая ненарушимого здравия, с глубочайшим почтением остаюсь, милостивый государь батюшка, ваш нижайший слуга

Михайло Муравьев.
1777 года авг. 14 дня. С. Пет.

Матушка сестрица, желаю здравствовать. Люби меня, ежели ты любишь напоминания. Я всякий день в делах — и в каких? Туда, сюда. И веть ради. У Хераскова <столько новых книг, брошюр. Г. Дорат выдал комедию «Les prôneurs»,^{2*} где всех писателей портреты ругательные>.

Сестрица! Нынче барыни носят высоко тупей по-мужскому. Он весь ровен, рогов нет назади, верх немного вперед выгнут. — Фавушку береги, матушка, да вели вымыть.

Здесь в Питере английская герцотиня Кингстон.³

Татьяне Петровне поклон.

Перевод:

* «Пустомели».

9

15 августа 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович! Ваше милостивое от 9 числа сего месяца пущенное письмо получил я только теперь. И приношу за него мое нижайшее благодарение. Павла, наконец, отправляю. Я его задержал долго и без пользы. Во вчерашнем письме моем увидеть изволите прежде получения сего, что ювелир перстень берет очень охотно назад, но что я немножко остановился на том, отдавать ли его или нет. Федор Михайлович заключает также по скорому его согласию, что неотменно перстень цены своей стоит. Все, которым он показыван, того же мнения. У Прасковьи Глебовны словно такой же перстень дан двести пятьдесят рублей. И еще доставлен он ей как недорогой. Татьяна Михайловна Флорова-Багреева так же судит. Мое затруднение в том, скоро ли найдешь перстень, найдешь ли ровно в ту цену, — а покупать вить положено неотменно. При том, чтоб и совсем не быть обманутым, думая купить дешево. Что касается до серег, то сказывал Федор Михайлович, что Измайлов, который сам знаток, призывал другого ювелира и заказывал точно такие же себе сделать. Ювелир попросил 1300 рублей, и доторговались до 1200. Вы изволите писать, чтобы перстень мне до своего отъезду оставить. Но как это будет долго, то я отваживаюсь послать его с Аполлоном Никифоровичем Флоровым-Багреевым. Он едет через Тверь, а отправляется завтра, ежели не отложит. Что касается до денег, украденных у Павлушки, то это сущее несчастье и которого предупредить почти было не можно. Украдено же 3 рубли и 75 копеек. О хозяине сказывают обыватели, что человек добрый, а кладут вину на присяжного ундер-офицера, который у него поставлен. Павлушка сам помнит, что, как он на кибитке вынимал деньги из мешка и пошел с ними за дегтем, жена этого присяжного высматривала из сенного окошка. Как все это принадлежит к обстоятельствам моего путешествия, то я вас прошу все это мне собственно простить, чтобы не понес бедный человек вашего гневу для меня. Вчерась приехала Христина Матвеевна Аннибальша,¹ и Иван Матвеевич зовет меня сегодня к ней. Обедал я вчерась у Михаила Матвеевича Хераскова, где были также Петр Матвеевич² с женою и княжна Урусова.³ Случай быть у него часто льстит мне особливо, и он же обхождением своим столь обязывает, что я заслужить не в состоянии. Отзывается обо мне более, нежели я могу же-

лать. Просил принести к себе начало Нарвской поэмы, о которой я еще в Москве ему сказывал, также и мою трагедию, о которой они все у меня спрашивают.⁴ Даже жена его столько интересуется мною и не иначе поступает, как со знакомым дома. Княжна хочет переводить в наш журнал небольшие отрывки поэм, переведенных на французский с древнего галлического языка в Шотландии.⁵ Михайла Матвеевич хочет видеть из них некоторые и моего перевода. В сей журнал я уже зачал первую книгу Боэция о утешении философии, по предложению Ник<олая> Иван<овича> Новикова. Если я не буду уметь препровести весело моего времени теперь, то виноват буду я. Михаиле Федор <овичу> Соимонову отсрочено на год еще, и к полному жалованью, которое он имеет, государыня пожаловала 5000 р. При сем посылаю портрет короля шведского, который, сказывают, не очень схож. Мне его подарил Головин⁶ С Иваном Иван<овичем> Лепехиным обедал я третьего дня у Прасковьи Глебовны. Она очень слаба и кашляет часто. Иван Андреевич в деревне и с детьми. Как порасскажет несчастья, в эти времена с нею случившиеся, надобно ужасаться. Самойлов⁷ им сделался неприятелем. Все люди их были опасно больны и большой сын. Пятеро из людей умерли, в том числе и Андревна. — Варвару Егоровну Головцыну, говорят, будто сватают за Алексея Ивановича Корсакова.⁸ Егор Андреевич писал сюда к своим приятелям, чтобы быть ему в городе наместником: отказано. Праск<овья> Глеб<овна> подала письмо Зоричу. Сказывают, будто он вступается и делает милости. Это за ним, сказывают, исстари водилось. Хоть последнее возьми. В Сенате эсекutory пожалованы новые; между прочими один Козодавлев⁹ из протоколистов сенатских по просьбе князя Григорья Григорьевича.¹⁰ Я бы писал более, но чтобы не опоздать отправление Павлушки, оканчиваю, прося вас нижайше не оставить меня вашею родительскою милостью и благословением, и остаюсь с глубоким почтением навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.
1777 года августа 15 дня. С. Петербург.

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Вы меня attendrissez;* можно ли, чтобы я puisse contribuer quelque chose à votre tran- quillisation? Ô ma chère! une si charmante image pourrait-elle m'être permise? Vous vous souvenez de nos entretiens pendant le café! Puissiez-vous vous souvenir toujours ainsi d'un frère qui vous aime tendrement! ** Я к вам посылаю «Луцилию», «Гуруна», «Силвана» и «Земиру и Азора»,¹¹ pour que vous puissiez vous souvenir d'un frère qui vous aime tendrement.*** Простите, матушка, что я не успел их переплести: это оплошность. Soyez tranquille et vous saurez, que vous êtes vertueuse: telle cause, tel effet. La tempête des passions violentes ne pourrait jamais produire autre chose dans notre âme que l'agitation et point de calme.**** Нынешнего году издана эпистола Вольтера к парижанам,¹² где заставляют его раскаиваться во всех его поступках и доказывают, что, читая его, дремлют. Кончится вот чем:

Renversez ma statue et brûlez mes ouvrages.*****

Еще пьеса чудная, где кто-то влюбился в «Новую Гелоизу», в весь роман, и хочет, чтобы никто им не пользовался, кроме его. Критик присовокупляет, что это, может быть, не понравится Жан Жаку Руссо и что ежели автор влюбится во все древние медали, захочет также один их иметь.¹³ Дорат выдал комедию «Les prôneurs» и пьесу «Épître à l'ombre d'un ami»,^{14*****} это к г. Колардо, славному писателю героид, который в начале прошедшего года умер. Ну, матушка, будь здорова. Прощай.

Матушка, Татьяна Петровна, благодарствую за приписание и уведомления и остаюсь ваш покорный слуга

М. Муравьев.

Перевод

* трогаете.

** чем-нибудь способствовал вашему успокоению? О, любезная моя! Столь прелестный образ может ли мне быть дозволен? Помните ли вы ваши беседы за кофею? Если бы и вы всегда помнили брата, который нежно вас любит!

*** чтобы вы могли вспоминать нежно вас любящего брата.

**** Будьте спокойны, и вы будете добродетельны. Какова причина — таково следствие. Буря неистовых страстей никогда не приносит нашей душе успокоения, но лишь тревогу.

***** Ниспровергните мою статую, предайте огню мои творения.

***** «Послание к тени друга».

10

17 августа 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Третьего дня, то есть во вторник, отправился отсюда Павлушка; а нынче хочу я отнесть перстень к Аполлону Никифоровичу Флорову-Багрееву, который едет через Тверь и отправляется сегодня. Ежели же не отправится еще зачем-нибудь нынче, то отпишу к вам на следующей почте. О себе доношу, что я, слава Богу, здоров и доволен. Письма свои я еще не совсем разнес. Живем мы с Иваном Матвеевичем, слава Богу, спокойно. Он меня иногда не выпускает из кабинету и велит дело делать, которое я взялся. Я ему за это очень благодарен. Сам он беспрестанно читает Плутарховы жизни и Корнелиевы трагедии. Здесь были дней несколько ясных и хороших. Третьего дня стоял ветер, вчерась и более того, а нынче тише. Вчерашний день был в немецком театре: представляли переведенную с аглинского комедию их славного сочинителя г. Кумберланда, называемую «Американец».¹ Действие в Лондоне; сей дикий приезжает к своему корреспонденту и другу, в котором, на конце пиесы, находит себе отца. При самом въезде в Лондон все ему странно, все его поражает. Приходит в трактир: хитрая хозяйка скучает ему своими учтивствами и ставит ему сети. Он помогает богатством своим бедному и честному капитану: сей не может поверить его щедрости. «Как? — спрашивает у него дикий, — разве у вас странно делать добро людям, когда есть из чего?». Добродушный и грубый обнищальный гренадерский майор делает смехотворные явления в продолжении пиесы. Выгоняет из дому скупой и немилосердой вдовы плута приказного, который, будучи душеприказчиком ее мужа, отказавшего все свое имение родному племяннику, сыну бедного капитана, стоворился ей выдать духовную за пять тысяч стерлингов. Дикому предлагают дуэль. Наконец, все кончится счастливо, и сей пылкий, ветреный, но добродетельный американец женится на дочери того бедного, но теперь уже обогатившегося капитана, которому он благодетельствовал. Образ, которым он в нее влюбился, столько же странен, как и все его поступки. Он проклинает себя тысячу крат, зачем он вздумал выехать из-под экватора в столь хладную и нравам его противную землю. Говорит, совсем накрывшись. Множество чувствий натуральных и трогających рассеяно в пьесе. Характер отца умный и сострадающий и который хочет испытать сына своего, не открываясь ему, чтоб он действовал свободно. — Сказывают, что будто Иван Иванович Шувалов возвращается в Россию.² Я думаю, что я уж писал к вам о слухе, который здесь разнесся, что Сумароков умер.³ Приехал сюда один офицер, который его отчаянно больна оставил. Незадолго перед смертью женился он в деревне на третьей жене, которая покойной

племянница. Зять его Княжнин прощен и получил назад чин.⁴ Он теперь при Иване Ивановиче Бецком переводчиком. «Ученые вед^{омости}» все еще не выходят и сим полгодом кончатся: издатели не сдержали своего слова Миллеру.⁵ Я не обязан еще никакой должностью ни от роты, ни от школы: нас оставлено на воле. Если мне удастся, то я постараюсь начертить план фортификационный или окончить старый. В школе дежурят понеделно офицер, сержант и ундер-офицер. Положение офицера немножко скучно и жалко. Он должен перекликать и пр. Сколько помню, так я исчерпнул материю письма <сего> и оканчиваю оное моим ревностнейшим желанием вашего драгоценного и сестрицына здоровья. Я прошу вашего родительского благословения и милости. С искреннейшею преданностью и почтением, милостивый государь батюшка! ваш нижайший слуга и сын

Михайло Муравьев.
1777 года августа 17 дня. С. Петерб.

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Сколько бы желал я поговорить с вами к удовольствию моего сердца! чтобы чувства его ничего не потеряли в изъяснении! Я не имею нежной и сладостной кисти сочинителя «Инков». Маленькая бумажка должна их ограничивать: час почты рушит минуты сего приятного забвения, которое меня единственно отдает вашему присутствию и беседе. Простите мне, матушка сестрица, и не думайте, чтобы вы далеки были от моего воспоминания, когда перо мое скупо иногда в чертах своих. Природа человеческая должна бы быть очень сожаления достойна или бы я ею должен был играть, если бы не слушал я ее гласу к вам и не было бы во мне впечатлено нежнейшей любви к вам. Наконец, я тысячу раз сказал, изъяснение чувства очень трудно, и в самое то время, когда оно, кажется, преходит его пределы, еще его не досягает. Столько-то нежны его краски. Но я рассуждаю вместо того, чтоб писать к вам. Меня одно то обнадеживает, зная ваше сердце, что, что бы я ни написал, вы сделаете и натуральным и приятным, когда будете читать. Je gagne lorsque c'est vous qui jugez ma cause: mon juge est un avocat intéressé qui plaide pour moi et le croit faire pour lui-même.* Мармонтелево сочинение «Инки» переводит, я думаю, Марья Васильевна Сушкова, бывшая Храповицкая.⁶ Хераск^{ов} сказывал, что он слышал, что некто Львов перевел его половину.⁷ Будь здорова и довольна. Ежели веселит общество, будь счастлива в нем. Будь счастливее дома. Прощай.

Матушка Татьяна Петровна, здравствуй, пожалуйста, не забудь Фавушку и меня. Я часто, вставая или садясь на стул, боюсь ногой убить Фавиньку, будто он еще лежит под столом.

И я вам, милостивый государь Никита Артамонович, остаюсь завсегда с моим должным почтением. Ваш покорный слуга

Иван Муравьев.

Перевод:

* Я выигрываю, когда меня судите вы: судья мой — заинтересованный адвокат; он защищает меня, думая, что делает это для самого себя.

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Сей господин вручитель, Аполлон Никифорович Флоров-Багреев, сделал мне одолжение принять на себя доставление к вам перстня. Я прежде писал к вам, милостивый государь батюшка, о причинах, которые решили меня его оставить. Но если вы

изволите его охотнее назад отдать, время еще не потеряно и ювелир его всегда принимает. Я не пишу более с сим случаем для того, что я писал нынче по почте и, чаятельно, то письмо скорее получить изволите. Я не мог найти хорошенькой коробочки, куда положить, и принужден был употребить худо выдолбленную.

На всех сторонах ящичка по связкам ниток положены печати нашего герба, и крышечка утверждена гвоздиками. Бриллиант в двух бумажках, в хлопчатой бумаге, внизу подостланы охлопки. В прочем принося мое нижайшее почтение как вам, так и матушке сестрице Федосье Никитишне, остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.
1777 года августа 17 дня. С. Петербург.

12

21 августа 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович! Сей час получаю я ваше наполненное милости письмо, от 16 числа сего месяца пущенное, за которое так, как и за приобщение письма Афанасья Матвеевича,¹ приношу мою искреннейшую благодарность. Я краснеюсь против своей воли, когда вы увольняете меня от писания к вам дважды в неделю, чтоб не делать лишней траты моего времени. Сим самым вы заставляете меня стараться о употреблении его как можно полезнее. Но мое сердце раздираемо бывает, когда вы сами силу ваших ко мне милостей унижать изволите, что будто, кроме бесполезной ласки, вы иначе в пользу мою ничего сделать не можете. Как будто бы то, что я имею, чем наиболее жизнь моя может быть приятна мне, все, наконец, что я своим называю, не было ваше. Я на сие ответственать ничего не имею. Дайте мне времени чувствовать великость сих благодеяний и стараться их сколько-нибудь заслужить, прежде нежели оне вам покажутся малы... В прошедшую пятницу был я в придворном театре и нашел там Вейдемейера² и Тургенева,³ который уже пожалован майором, и простоял с ними вместе. Перстень отправил я с Аполлоном Никифоровичем Флоровым-Багреевым. В четверг он не уехал еще, как я прежде писал: я видел его в театре в пятницу, и он хотел выехать в субботу по утру. Красильников⁴ все сие лето в Петербурге не был, а думают, что, конечно, в будущем месяце он будет, чаятельно-де теперь он на Ладожской ярманке. В субботу обедал я с двумя Иванами Матвеевичами у Олены Петровны Яковлевой, которая вам свидетельствует свое почтение. О Захаре Матвеевиче⁵ говорит братец, что просить бесполезно, для того что он чрез то самое, что в Москву командирован, введен в комплект и никто из офицеров не захочет быть вытолкнут отсюда. В Кры<м>-де командировки не будет. Однако все бы об этом подумать. Иван Матвеевич нынешнее лето не был в лагере, затем что денег нет. Ему надобна, по квартирмейстерскому чину, лошадь и пр., а взять негде, так сначала был он в отпуску и жил в Сюйде, а теперь репортуется больным. Павлушка отправлен мною отсюда в Успенъев день после обеда, то есть 15-е число. Как-то, даст Бог, дойдет, а то прежде сего по дороге пошаливали. У нас здесь пронеслось, будто бы дядюшка Матвей Артемонович меньшей поехал к вам в Тверь. Нынешнее утро был я в Академической библиотеке и взял стихотворения барона Кронегка,⁶ которые читаю. В прочем прося усерднейше Бога о вашем драгоценном здравии и наде<ясь> продолжения ваших милостей и родительского благословения, остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.
1777 году авгус. 21 дня. С. Петербург.

17

Матушка сестрица Федосья Никитишна!

Ваше письмо, так я нынче должен назвать полторы страницы, которые вы ко мне писали, наполнили меня тем чувствием, которое его писало. Всякий раз чувствую я это, когда получаю тверские письма. Любезная, нежная сестра, ты заслуживаешь брата, который бы столько чувствовал дарования, которыми украшена душа твоя, и цену чувствий, ею обладающих, как я, но который бы умел любить лучше меня. Душа твоя имеет нечто важнее и основательнее, нежели моя. Ты мне приписываешь, что будто мог я ее успокоить своими советами. Я почти осмеливаюсь сказать, что ты мне льстишь... Прости мне, сестрица, я сделал себе насилие написать это слово, которое тебя огорчит. Могу ли я льститься, чтоб... я знаю силу убеждения, свойства души твоей, готовой прилепиться ко всему тому, что она темно сама в себе чувствует. Она не может не плениться чертами добродетели. Ежели мои разговоры могли это сделать, я почитаю их для меня благополучными. Ты отдай мне этот долг и взаимно представь мне тихую добродетель, первую владычицу сердец, чтобы мое видело черты ее, написанные рукою, ему любезной, и тем легче последовало ее наставлениям. Напиши мне кистию природы и невинности картину дружбы, какие цепи связывают друзей. Представь мне человечество, которое возглашает мне, что я рожден ему помогать, что нищий требует моего взору, что я пожалею брата своего в злодее. Начертай мне из легка ту завесу ... для того что Творец природы не может быть ею созерцаем, ту завесу, за коей ищет Его мудрец, благоговейно ему поклоняясь. Изобрази мне мрачными красками терзания насильных страстей, за ними следует угрызение, которое никогда не умирает, и злодействие, ожидающее заблудших в свое объятие... Я поцелую черты руки твоей, и, может быть, добродетельная слеза упадет на них. Мое сердце приблизится к добродетели. Прости. Я тебя люблю от всего моего сердца. Поклон мой тем, кто спросят. Василью Ивановичу Чаадаеву и, ежели приехал, Ивану Ивановичу.⁷ Фавиньку, пожалуйста, не забудь, сестрица. Татьяне Петровне мой поклон. Желаю ей здоровья, веселья и ... сна.

13

24 августа 1777

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович! Все ли вы в добром здорвье; я, слава Богу, здоров. Желаю от всего моего сердца, чтобы вы свое время сколько-нибудь веселее препроводить изволили. Я надеюсь, что наполненный милости родитель и искренно меня любящая сестра в печали, в радости, дай Бог! чтоб в печали не довелось, всегда и меня вспомнят. Я живу здесь и кажется, что живу, чувствую, хотя времени моего и не всегда расположить умею. В школу я свою ни ногой. Сижу дома, читаю или перебираюсь в своих бумагах; ежели выду, и выхожу нередко, тысячу мест входит в голову, где еще быть надобно. Праздность эдакую терять не надобно, но не знаю, как пользоваться. Нынче был у Вейдемейера и Тургенева, у которого взял Петрова перевод двух песен «Энеиды». Все после обеда читаю своего Виргилия и сержусь на себя, что он так хорошо писал. Здесь опять дожди зачинаются, и время пасмурно. Во вторник была русская комедия «Так и должно».¹ Новый актер и новая актриса² явились на театре. Оба незавидны. Я был у Дмитревского во время балета за кулисами. Он был совсем одет, чтоб играть петит пьес; однако не играли. Вот о какой важности разговариваю я с вами, милостивый государь батюшко! Но это и письмо писал я для того только, чтоб с вами разговаривать. Если б мог я изъяснить чувства нежнейшие моего сердца! Мое к вам усерднейшее почтение! Если Бог веселится счастьем своих

тварей, то и родитель, таков, как вы, должен быть чувствителен к удовольствию детей своих. Но я недостойн принести вам сие удовольствие. Я целую ваши руки и, прося вашего родительского благословения, остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.
1777 года авгус. 24 д. С. Петерб.

Матушка сестрица, если хочешь меня одолжить чем-нибудь и услышать просьбу отсутствующего, будь довольна собой, будь весела. Я тебя люблю, и дай Бог! чтобы сия любовь была утешением моей жизни, чтоб сие чувство возобновляло живость сердца моего. Время течет; останавливай его. Всякая минута, которую в свою пользу употребишь, не вечно для тебя пропала. Чувствуй свое бытие, дай упражнение своему сердцу, любя ближнего, Бога, родителя, сродников, друзей, ежели они есть, и приготавливая душу свою несть несчастье и счастье.

Татьяна Петровна, здравствуй. А Фавушку, пожалуйста, не забудьте.

14

28 августа 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович! Нынче ожидаю я вашего письма: обыкновенно приносят ко мне в понедельник, и поздно. От этого случается, что и хотел бы на что скорее ответить, да письмо уж услао. — Нынешний день только застал я Якова Ефимовича¹ в его мызе для того, что прежде и приезжал, так был в Сарском селе, где он почти по неделе живет. Я зашел, он был в зале и читал просьбы нескольких мещан, которые тут были. Я подаю ему письмо; он, взяв меня за руку, ведет в свои покои, говоря по-французски, что со мной имеет говорить. В третьей оттуда горнице, где его спальня, подал я ему письмо. Прочитав его, говорит мне, что он сам на него будет вам отвечать, чтобы и я между тем уверил вас, что он служить вам старается. Потом, продолжая тоже по-французски, сказал, что он смотрит случая в вашу пользу, но обещать не может. Я ему отвечивал также по-французски, что вы для того только и писать к нему изволили, чтобы напомнить, и тем кончился разговор. По моему счету, должен быть уж теперь Павлушка в Твери: он пошел отсюда 15 чис<ла>, также и Аполлон Никифорович Флоров-Багреев, с кем я бриллиант отправил, должно думать, что в Тверь уж приехал. Ему уж нынешний день неделя в пути. При сем посылается письмо от Конева и Попова. Новый вексель следующим образом написан: «Вологда, мая 30 дня 1777 года, вексель на 493 р. 27 коп. в двенадцать месяцев, считая от сего тридесятого числа мая тысяча семьсот семьдесят седьмого года, по сему нашему одинакому векселю повинны мы заплатить его превосходительству действительному статскому советнику господину Никите Артемоновичу Муравьеву или кому он прикажет серебряною российскою монетою денег чтыреста пятьдесят три рубли двадцать семь копеек: толикое число мы от его превосх<одительства> получили сполна. Векселедавцы Петр Филиппов Попов купец вологодский, Петр Стефанов Конев купец вологодский». О Красильникове я уже писал, что его ожидают будущего месяца. Кибитку продали мы только вчерась и взяли семь рублей с половиной; давали очень дешево. За коляску нашу дают восемь рублей, так, как и за карету Прасковьи Матвеевны. Письмо мое более похоже на ведомости, нежели на что другое; если бы ведомости сии были важны. Я живу спокойно, безызвестно и ежели представляю Тверь, так только с хорошей стороны для того, что вы в ней живете. Сколько бы я счастлив был, если бы ваше житье в Твери было сколько-нибудь менее скучно. В прочем я про-

шу усерднейше вашего родительского благословения. Остаюсь навсегда, милостивый государь батюшко, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.
1777 года августа 28 дня. С. Петербург.

Милостивая государыня, матушка сестрица Федосья Никитишна! вы, конечно, ожидаете своей череды и думаете: от меня что-нибудь услышите. Ah! ventre, ah! déluge! que je me veux du mal pour ne pas savoir écrire!* Вы обманетесь и не прочтете ничего. Ну, сударыня, ни слова о том, будто я тут n'y entre pour rien!** <Тезке> каково у вас, так ли, эдак ли? Что пользы, что я прожил десять месяцев в эдаком, я хотел было сказать, проклятом городе, но нет, я очень учтив, чтоб это сказать, je suis trop bon, et <cette ville> n'est pas tout-à-fait mauvaise...*** Прошедшую пятницу обедал у меня Ханыков и просил меня изо всей мочи в театр, но я поупрямился. А представляли, сказывают, «Дезертера».² Нынешние два дни читал я прекрасную книгу: «Considérations sur... la grandeur et la décadence des Romains» par mr le président Montesquieu, son «Temple de Gnide», petit poème en prose, joli au possible, ses fragments sur le goût etc.³ **** Это такие книги, qu'il faut relire, quand on les a lus.***** Возьмите, матушка, у Александры Алексеевны «La Henriade» ***** и Сумар<оковы> комедии. Md. Bastidon⁴ m'a dit, la première fois que j'étais chez elle, que mr Balk⁵ s'est chargé de payer pour sa plume et les... perles (бусы) et n'en a rien fait. Cela monte je crois à quelques six roubles et...***** у меня давно уже Мармонтелевы «Инки», и я хочу давно что-нибудь выписать из них для вас. Прощайте, будьте здоровы.

Матушка Татьяна Петровна, здравствуй.

И ваш покорный слуга И. Муравьев. Сестрица, видите, что Ив<ан> Матв<еевич> вас особливо помнит.⁶

Я вам, милостивый государь дядюшка, имею честь донести, что, слава Богу, <я> остаюсь вам с моим должным почтением ваш, милостивый государь дядюшка, навсегда покорный слуга

Иван Муравьев.

Перевод:

* Ах, черт возьми! Как я зол на себя, что не умею писать.

** не при чем.

*** я слишком добр, да и город этот не совсем плох...

**** «Размышления о ... величии и падении римлян» г. президента Монтескье, его «Книдский храм», маленькую поэму в прозе, до невозможности прелестную, его фрагменты о вкусе и т. д.

***** которые надо перечитывать, если даже их и читал.

***** «Генриаду».

***** Г-жа Бастидон говорила мне, когда я впервые был у нее, что г. Балк взялся заплатить за ее перо и ... бусы и ничего не сделал. Это обойдется, я думаю в какие-нибудь шесть рублей я... <припечатано сургучом>.

31 августа 1777

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович! Я должен просить извинения, что движением чувства, которого я не мог умерить, жалуясь, что редко получать могу ваши милостивые письма, встревожил я вас нечаянно. Вы изволите налагать на себя труд писать ко мне дважды в неделю: это мне новая милость, и изъявления любви, ее сопровождающие, объемлют все мои ощущения и не дают желаниям места. Но я вместе и постыжден сею милостью: я боюсь не принять ее, однако ж и совещусь, что отягощаю ваше снисхождение, что это делаете вы для меня. Мне должно искать вашей угодности. Всякий лишний труд, который вы принимаете для меня, должен буду я себе упрекать. Один раз будучи извещен, столько же будет мне счастлива та неделя, которую вы благополучно препроведете, и я всегда то же место занимать буду в сердце вашем. Я прошу усерднейше Бога быть сколько-нибудь достойным тех уверений милости, которые вы мне делать изволите.

Не знаю, что сделалось с Павлушкой, что он еще в Тверь не бывал: по моему счету должно бы быть ему 26 число. Также и Флорову-Багрееву. Вексель я уже переменял и копию с него вместил в прошедшем письме. О Красильникове я писал, что его в сентябре ожидают.

Вчера, т. е. в Александров день, государыня одна быть изволила в Петербурге.¹ А великий князь по причине беременности великой княгини не выезжает из Сарского села. Церемонии не было: государыня ехала в карете, также и кавалеры, в их платье. Пожалованных не слышать.

Покорно прошу прислать к подполковнику другое письмо, для того что первого передать я не успел. А его ждут к 10 сентября, может быть, и позже.

Здесь дни стоят довольно ясные. Маленький Иван Матвеевич свидетельствует вам свое почтение, так как и большой, которого нет дома. Он сегодня пошел явиться в полк. Дядюшку Матвея Артемоновича большева здесь скоро ждут. Помнится, что прежде сего я еще не писал к вам, что старик Эйлер женился на молодой: уж давно.

В прочем, прося Бога о вашем драгоценном здравии, с глубочайшим моим почтением навсегда остаюсь, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года авг. 31 дня. С. Петерб.

Матушка сестрица! Голубушка Федосья Никитишна!

Что я должен тебе отвечать на тысячу бумажек, которые теперь вокруг меня лежат. Я хотел бы, чтобы ни одна из них не осталась без ответа. В каком я кафтане хожу? Часто ли бываю в театре? Завтра, сказывал мне Николай Федорович,² который нынче у меня обедал, что будут представлять «Димитрия Самозванца». И я пойду. Прошедший раз представляли не «Дезертера», а Расинову «Андромуху». *Vous étiez malade, ah! ma chère amie! et vous avez eu la cruauté de vous taire. C'était ma simplicité de vous en croire sur votre parole. Après coup, je me ressouvins, que j'ai remarqué à la lecture de votre lettre de 9 d'août la faiblesse de votre seing et des caractères tracés en désordre. C'était le huit sans doute, que vous l'avez senti. Eh! au nom de Dieu, qu'était-ce que cette maladie? Tout le temps que je demeurais avec vous et, Dieu en soit loué, vous étiez en parfaite santé. Apprenez-moi, ma chère, je vous en prie, si vous êtes rétablie, mais avec sincérité! Traitez-moi en ami qui s'intéresse à tout ce qui vous touche et n'avez pas avec moi cette indigne pitié. Si un père tendre, si sa présence est affligée des maux que vous avez soufferts et dont je me flatte que vous êtes soulagée, ne le dois-je pas souffrir, moi? Vos sentiments, si*

purs, si délicats me ravissent l'âme. Aimez-moi, ma chère, je vous aime de tout mon coeur.* Ив<ану> Ивановичу и Василью Ивановичу Чаадаевым поклонись, матушка, от меня. Дмитрию Васильевичу³ также, если он в Твери, Тимофею Ивановичу Чонжину et à toutes nos connaissances. À Mr Gorockoff et Madame.** Фавушку, матушка, люби и беззубова. Vos conseils me sont chers; je les suivrai.***

Матушка Татьяна Петровна, благодарствую за приписку и остаюсь ваш покорный слуга Мих. Муравьев.

Перевод:

* Вы были больны, ах, любезный друг мой! И вы имели жестокость молчать. А я простосердечно верил вашему слову. Потом я вспомнил, что заметил при чтении вашего письма от 9 августа неотчетливость подписи и беспорядочность букв. Без сомнения, восьмого вы почувствовали себя плохо. Ради Бога, что это за болезнь? Все время, когда я жил подле вас, вы, слава Богу, были совершенно здоровы. Прошу вас, любезная моя, сообщите мне, но искренно, выздоровели ли вы? Обращайтесь со мной, как с другом, которого интересует все, что касается вас, и не испытывайте ко мне этой недостойной жалости. Если нежный отец удручен вашей болезнью, от которой, надеюсь, вы уже избавились, не должно ли это причинять страдание и мне? Ваши чувства, столь чистые, столь деликатные, восхищают мою душу. Любите меня, любезная, а я люблю вас от всего моего сердца.

** и всем нашим знакомым. Г-ну и г-же Гороховым.

*** Ваши советы мне дороги; я им последую.

16

4 сентября 1777

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Мне нынче много писать кое-каких известий, и как я их вообразу, так кажется, что без того не пройти, чтоб не запутаться. Итак я зачну по старшинству происхождений. Последнее письмо мое было от четверга. В пятницу был я у Мих<айла> Ник<итича> Кречетникова.¹ Он стоит у Руки, по Саркосельской дороге, не доезжая заставы, в сторону, на даче Бутурлина. Прочитавши письмо ваше, приказал вам поблагодарить весьма ласково, что в будущий его проезд мимо Твери будет он сам случай иметь с вами видеться и поговорить. Спрашивал, что еще с тех пор не сделал ничего в вашу пользу Сиверс? «Я-де думал, что по крайней мере нынче при открытии Псковской губернии употребит<ся> он хотя виц-губернатором. Я сожалею искренне батюшку и желаю ему сердечно всякого добра; я сам бы не отрекся помогать ему, когда бы это было в другой губернии, а то Як<ов> Еф<имович> неотменно сочтет, что я это ему вопреки делаю. Батюшка имеет всякое право быть им недоволен, затем, что это сущая обида — определять мимо, молодых. Не сделает ли он хоть того, чтоб дать батюшке место Фед<ора> Леонтьевича;² однако-де челобитна его еще не представлена». Сказал потом, что он здесь был болен лихорадкой и в первый раз еще готовится выехать к государыне. Того же дня после обеда, будучи в театре, увиделся я с Семеном Саввичем Муравьевым,³ который приносит вам свое почтение и просил меня к себе. Он живет у Семионовского мосту, в Аничковском доме. Сын его большой давно уж вахмистром, а меньшей недавно сержантом в Преображенском полку. И жену и дочь видел при выходе из театра. Следующий день не имеет ничего примечания достойного. Утро сидел я у Попова, который подарил мне свои «Досуги», ходил потом к Ермолову в Преображенский полк и обедал у Ханькова. Вечером был у нас с Иваном Матвеевичем

совет делать разные предприятия будущее утро. Мы так верно расположили, что уж казалось, будто я и впрямь офицер Преображенского полку и не позже, как к новому году. Совет был в избе, и Ульяна уж подавала свое мнение, что делать с пристройкою. В самом деле, по утрам, то есть вчерась, Иван Матв^{еевич} разбудил всех очень рано, и снарядились мы идолопоклонствовать — он в свой полк, а я к Козловскому. Пришел: но мне ответствовали, что его уж на той квартире нет; отсюда я в «Лондон», там спрашивать: нет его. А ходит-де сюда Зоричев скороход, сказывал мне пьяный немец, он бы знал это. Но, слава Богу, нужды еще не пришло в скороходе. Скучившись, отсюда пошел я к Миллеру⁴ и с час рылся в книгах; отсюда ходил во дворец к Петрову, которого не застал. Назад уж шел я; случай опять привел к Козловскому. Он стоит в «Любеке». Козловск^{ий} недели три как не выезжает. Этот день было его рождение, наехало к нему пропасть ветреников с разными известиями. Они столько говорили, что мой проект о переводе в Преображенский полк остался без открытия. Обедал я вчерась у Василья Евдокимовича,⁵ откуда ходил на Васильевский остров к академическому инспектору; он вам кланялся. Пришел домой; от дядюшки Матвея Артемоновича большого человек, что дядюшка уж давно приехал и просит к себе. А приехал он 29 ч^{исла} авг^{уста}. Итак, я опять на Васильевский остров, где и ночевал. С дядюшкой были мы нынче у Як^{ова} Еф^{имовича} на мызе. У него теща больна молошницею, уже десять дней. Дядюшка стал просить о вас. Сиверс отвечал то же, что обещать не могу, а стараться, уж конечно, буду. Потом погода у меня спросил по-французски, писал ли я к вам от него? Дядюшка после того, в другой раз, зачал просить усиленно. Он на это, с особенной миною, как будто принуждаем, говорит: «Сделать я не могу сам собою: государыня изволит определять, и вы знаете, что у брата есть люди, которые его не любят». На вопрос дядюшкин: кто ж бы это был? — еще подтвердил с особенными движениями: «Есть люди, да авось-либо мы их переможем. Я постараюсь перемочь». — Потом прибавил: «Слышали вы, что Голохвастов⁶ виц-губернатором во Псков?» — Дядюшка отвечал, что слышал, и прибавил: «Вашим ли также предстательством?» — «Ну ... нет, другие за него просили... Государыня изволила...». И потом откланялся. Оттуда заехали мы к Анне Андреевне; отсюда к Петрову, которому и рекомендовал меня дядюшка. Он будет обедать в субботу у Вяземского и хотел вывести, каким образом князь в рассуждении вас. Дядюшка очень много старается: хочет здесь купить дом Фаминцина, просят 9000 руб^{лей}. Извините, милостивый государь батюшка, что так худо и смутно писал. Мне хотелось все уместить, а описать не умел. С нетерпением ожидаю завтра вашего милостивого письма; прошу усерднейше Бога о вашей здравии и, прося вашего родительского благословения, остаюсь навсегда ваш покорнейший сын и слуга

Михайло Муравьев.
1777 года сент. 4 дня. С. Петерб.

Дядюшка завтра хочет по меня заехать и взять к архерею. Ивана Матв^{еевича} нет дома.

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Голубушка! Здравствуй. Нынче о тебе спрашивал Ник^{олай} Николаевич Муравьев и Варв^{ара} Ник^{олаевна}.⁷ Он уж выше. Notre cher oncle m'a demandé dans le carrosse s'il ne se rencontre pas encore de partie pour vous? Partout, dit-il, j'en entends du bien. J'en suis bien aise.* О моя голубушка! Будь здорова и будь весела. Всякое удовольствие, которое утешит тебя хоть мгновение, ты мне его дашь. Mon coeur! Soyez en bonne santé. Si j'étais sûr que vous l'êtes dans ce moment je m'estimerai heureux et trois fois... Que mon cher père... que toi..** Вы будьте мне утешением, если вам угодно, чтобы я вам был тем же. Прошлый раз в театре была

опера-комик «Julie»⁸ *** в трех действиях; тут пели: «Lison dormait dans un bocage, un bras par-ci, un bras par-là».** ** Прощай.

Перевод:

* Наш любезный дядюшка спрашивал меня в карете, не встретилась ли уже партия для вас? — Повсюду, — сказал он, — я слышу о ней только хорошее. — Я этому очень рад.

** Сердце мое! Будьте в добром здравии. Если бы я был уверен, что вы сейчас здоровы, я почитал бы себя счастливым, и трижды... Дорогой мой отец... и ты...

*** «Жюли»

**** «Лизон, раскинув руки, дремала в роще».

17

7 сентября 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

На нынешней неделе получил я уже два письма от вас, за которые приношу мою нижайшую благодарность: я поставил свое лучшее утешение и удовольствие, когда я их один перечитываю. Чувствия нежного родителя и сестры в них заключены самою природою; если бы изобразились и в моих чувствах благодарнейшего сына и брата. Что я их имею в своем сердце, благодарю ему, что сомневаться не могу в том. Чем могу я вас иначе вспомнить, как любовью, благодеяниями и моим благополучием? — Я было востревожил вас письмом своим; но нравоучение есть моя слабость. Я хотел представить сам себе состояние, в котором бывает поставлен человек. Мне хотелось кинуть на бумагу все черты, его составляющие, не продумав, у места ль эта картина. И заврался. Виргилий, описывая снисшествие Энея во ад, представляет, между прочим, одного злодея, жалостно вопиющего:

О вы великие и сильны на земли,
Судите праведно и Бога почитайте.

Скаррон, переворачивая все это в смехотворство и написавши сие нравоучение, рассуждает сам с собою:

Ну! право, эта речь умна и хороша,
Да только в аде-то не стоит ни гроша.

А мое нравоучение в письме еще несвязнее. Я прошу вас, милостивый государь батюшка, нижайше не беспокоиться обо мне. , слава Богу, здоров; с самого моего сюда приезде не заболела ни один раз голова. Не надобно осудить. Правда, что один раз в театре я не мог внимательно слушать комедии и всю ее прозевал. Это для того, что я пришел прямо из-за стола от Ивана Абрамовича. У него стол прекрасный. Ну! я теперь уж и о столах заговорил. Чтоб не завраться, обращаюсь к делу. — О векселе, я думаю, что вы уж теперь, по крайней мере, известны, он у меня, и копия к вам сообщена. Так сомневаться нечего. Письмо Конева я удержал покуда и не знаю, будет ли какая надобность возвратить его в Тверь. Если надобно, вы извольте приказать. Мне надобно будет сходить к Докучаеву для надписания при нем на векселе издержанных на покупку 69-ти руб. 30¼ коп. Я еще в сие время не успел. Все эти дни я у дядюшки и с ним кое-куда хожу и езжу. Во вторник были мы с ним у Гавриила.¹ Какого почтения

достоин этот человек! Тих, снисходителен, разумен; по крайней мере, мне так показался. Сколько ж мы сидели за столом! С нами ж был князь Мещерский! Так ничего не поговорено. Слышно, что государыня изволит прибыть в субботу сюда на житье. Сей самый час приходил ко мне лакей Вас<илья> Евд<окимовича> Ададурова с письмами, чтоб их вам переслать. Нынешний день был я у Домашнева,² он недавно переехал с Каменного острова, где он все лето жил. Нынче же зачнутся опять физические лекции.³ Адъюнкт Иван Алексеевич⁴ свидетельствует вам свое почтение; он меня особенно просил не позабыть это исполнить. Здесь начало сентября обещало нам хорошее время. В самом деле, дней с пять, кажется, пользовались летом. В народе всклепали на Эйлера, будто бы он пророчит преставление света: он, бедный, на старости, сказывают, не знает, что делать. Не в одном народе, даже в городе утверждали за подлинное. В поварне нашли кухарку всю в слезах: — «О чем ты плачешь?» — «Эйлер предсказал преставление света». — Вчерась на перевозе к Академии слышал я, что рассуждают о кометах. Будто уж одна есть; другая тот год будет. Зорич, сказывают, упражняется в раздаче денег всем неимущим: первое сентября в день его именин что-то ему пожаловано, и указ в присутствующие места — давать везде деньги под расписку. — В заключение имею честь принести мое усерднейшее поздравление с днем рождения вашего. Завтра хотел бы я быть не в Петербурге. Ив<ан> Матв<еевич>, который только теперь пришел от дядюшки, уверяет, будто бы мы и он на завтра отозваны к Дьякову.⁵ Желая искреннейше продолжения драгоценного здоровья вашего и прося родительского благословения, остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.
1777 года сент. 7 дня. С. Петерб.

Милостивая государыня, матушка сестрица Федосья Никитишна! *Loin de nous tout ce qui porte l'empreinte de mélancolie. Fi donc! de ces grands airs allemands, enchâssés dans des hélas! Sautons, dansons!** Сегодня пир: сегодня пить, ногой свободной о пол бить. Столы покройте сладкой брашной. Со мной вы сядьте в круг, друзья, Пусть сам предстанет бог домашной, В убранстве праздничном, как я. Вить это говорит Гораций, кн<ига> I, ода 37. *Ergo bene.* — Некогда писать. — Матушка, поздравляю, буянь до бешенства, однако ж приятного, весела, весела и ... весела. Пусть воскурится, будто б я еще был в Твери, тучный кофе в круглопространном сосуде, вкуси его сладостно, он тебе будет обо мне говорить. Вылей несколько с чашки за окошко... Провал возьми! Зачем мой Ванька не так варит. По усам катилось, в рот ... попало.

Матушка Татьяна Петровна, бесись не с печали; но убо прилежно и внятно зри и чти Горация, идеже показано бесись и наконец взбесись с радости. — Простите, вы рассердитесь, а я с радости заврался. И Фавушка бесись, и безбожников сын, и Бижуткин сын, и Федорка бесись и ... как нашего Соболева зовут ... Ну, что ты сделаешь, Иван ... нет ... имрек бесись. Я уж взбесился, опамятовался на конце. Ну, ежели опоздает, вот же радуйся, радуйся! Чему радоваться?

Перевод:

* Прочь от нас все, что несет отпечаток меланхолии! Долой эту немецкую напыщенность, погруженную в «увы». Будем скакать и плясать!

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Я очень виноват, что вчера не успел исполнить моей должности, то есть к вам писать, и опасаясь, чтобы тем не навлек вам какого-нибудь беспокойства. Но я просил прежде и вас и сестрицу, чтобы такую безделицею себя не тревожить. Я был на Васильевском острове у дядюшки, и он нас увел к Олене Петровне, так что домой уже пришел я поздно. Впрочем, я здоров, весел и счастлив, если только вы здоровы и веселы. Государыня изволила приехать в город 9 число к обеденному кушанью; мне случилось быть тогда у Петрова, так сверху все видно. Въезд был без пушечной пальбы, может быть, по причине беременности великой княгини; однако ж великолепно. Накануне того дня, т. е. в день вашего рождения, звал меня и Иван Матвеевича дядюшка к себе, и мы пили за ваше здоровье. Отобедав, были в театре мы только с братом: представляли французские актеры «Заиру» так худо, что поморили со смеху. Выходя, встретился я с Андреем Лаврентьевичем Львовым,¹ с которым мы долго разговаривали как старые комедианты одной банды. Он уже майором и адъютантом у кн. Николая Васильевича Репнина. На другой день был я у него: он приносит свое почтение вам. Княгиня² уж с неделю как приехала, а князя ждали третьего дня. В тот день обедал я у Федора Михайловича, у которого видел записку вашей руки к Апол<лону> Никифоровичу о перстне. Марья Ивановна не очень здорова. Между прочим, слышал я тут, что контр-адмирал Грейг³ отпущен в отпуск на четыре месяца в Англию на нашем военном фрегате с полным комплектом офицеров. Он пишет в коллегия, что, не помню на какой высоте, приметил он американского капера, который делал над ним наблюдения, что он напротив того стал прибавлять паруса, и капер убежал. Я уж думаю, не послан ли он под рукою для обезопасения аглинских кораблей, для того что уж каперы по всему Немецкому морю разъезжают и у самого Зунда под аглинским флагом. Сюда приехал один аглинский корабль под российским флагом и просил позволения у Чернышева отсюда ехать с ним же; он ему отвечивал, что позволить не смеет и чтоб просил позволения там, откуда отправляется, т. е. от генерал-прокурора. На 10 число всю ночь стоял преужасный ветер с моря.⁴ У нас много стекол повыбило. В пять часов поутру валом прибыла вода на 9 футов и 11 дюймов, или четыре аршина с четвертью. За двадцать лет назад было также большое наводнение, но полтора аршином меньше нынешнего. Мост снесло, и плашкоты разбросало по сваям. В Галерной гавани люди спасались по кровлям, и несло дома. Не было воды только у Владимирской и частью на Литейной. У нас, я думаю, на аршин или более было. Рыжак стоял по брюхо в воде. Убывать стало в девятом часу понемногу и наконец везде вдруг осушилось. Людей почитают с тысячу утопших, другие — три тысячи. Убыток полагают миллионами, но верно сказать не могу. И у нас снесло мост. Дюйма на три была вода в наших горницах. Мы все носились на чердак; в кухню ездили на плоту, и Иван Матвеевич варил кашницу из ветчины. Теперь еще куда ни пойдешь, на всякой улице позорище печали и разорения, поваленные заборы, пожитки жителей, груды кокор нанесенных, на острове по набережной в Седьмой линии — большая барка с сеном. Вся Седьмая линия занесена пребольшими пластинами, так что пройти трудно. У Олены Петровны в пол-окна было воды. Белье, платья, соболи — все перемочено. Корова утонула, девчонку насилу откачали. Во дворце в погребах потонуло 18 чел<овек>. Галиот перед ним поставлен на сваях. Сколько барок занесено, изломано! Везде из нижних жильев отливаются. Инде все дровами устлано, в деревянном гостином дворе на аршин воды было. С каменного крышу сорвало ветром. У дядюшки в это время было загорелось, и он говорил, будто палаты шатались. Но мы не заметили ни малейшего знаку землетрясения. Нын-

че будем мы с Иваном Матв<еевичем> обедать у Ивана Абрамовича. Мы, слава Богу, все здоровы. В прочем, прося вашего родительского благословения и желая вам от всего моего сердца здравия и благополучия, остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.
1777 года сент. 12 дня. С. Петербург.

Извини, матушка сестрица, местечка немножко, а все проклятое наводнение — всю бумагу загромадило! Сей час получил я милостями отца и нежностью любезнейшей сестры наполненное письмо от 6 сент<ября>. Я его целую. Как приятна мне твоя analyse* романа, счастливого романа, который тебя умел тронуть и который мне не знаком. Так, сударыня, une âme pure ne doit pas sentir des chagrins,** для ней, конечно, их нет, и скука есть плод малодушия, если не злодейства, а чтоб сказать мармонтелевыми словами: une âme faible est à la veille d'être criminelle.*** Надобно уметь и душу утвердить, не стыдиться быть честным человеком и добродетель любящим, — да когда бы стыдно было быть добродетели?

Перевод:

* разбор.

** чистая душа не должна чувствовать огорчений.

*** душа слабая близка к тому, чтоб сделаться преступной.

19

14 сентября 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Нынче полученное мною от вас приятнейшее письмо писано вами в день вашего рождения. Мне сие служит новым удовольствием, что вы в этот день со мною беседовали. Я льщусь в нем приметить нечто веселое. Я несказанно тронут был, его читая. Ваши милостивые советы пронизают меня их пользою, и я только сержусь на себя, что исполнением их медлю или иногда и сомневаюсь. Например, издание Механики множество затруднений мне представляет.¹ Чего будет стоить печатание ее на свой счет? А чтоб Академия приняла, надеяться не можно. В сей материи нового сказать нечего; я ж не имею столько силы, чтобы дойти до источников ее и заслужить внимание знающих. Небольшое сведение дифференциального исчисления делает почти бесполезным такое начальное сочинение и которое не может иначе почесться, как прочие учебные книги — арифметика или геометрия. Прежде уже издал Козельский «Предложения механические»,² которые довольно пространны, но доказаны только по-геометрически литерами, без присовокупления алгебры. Мне будет надобно их иметь, чтоб посмотреть, могу ли я приступить к исправлению. Утруждать Академию о рассмотрении будет, я думаю, дерзко, а вырезывание фигур очень дорого. Я, с позволения вашего, куплю себе еще какие-нибудь основания механики, чтобы ими обогатиться и взять их порядок. Вчерась я ходил к подполковнику, да все утро не мог <найти> случая подать ему письма для того, что он был занят делами. А подал нынче: Шипов, который тут стоял, сказал ему обо мне, что было надобно. Подполковник по некоторым вопросам, как давно я служу и пр., сказал мне, что мое прилежание к наукам и должности может всегда сделать ему приметным. Я не упомяну точных слов, но почти такое их было содержание. Урон людей в нынешнее наводнение не столько велик, как я писал, а разве есть человек триста. Герцогини Кингстон корабль поса-

дило на мель. Государыня приказала ей сделать новый, ежели не снимут этого. Он сделан особливим образом, по ее изобретению. Дни у нас очень дождливые. Кн. Петр Ник<итич> Трубецкой³ был еще на приморской даче и насилу спасся, севши в лодку, нечаянно прибитую, и с дочерью и привязавшись к верху строения. Убыток миллионов на шесть, как молва идет. В черни пророчили на вчерашний день потоп и на нынешний. Поговаривают, но скрытно, о войне с теми же. Третьего курьера ожидают. Извините, что я пишу так связно:⁴ у меня теперь В. В. Ханьков. Имею честь поздравить усерднейше с завтрашним днем вашего имени. Я остаюсь с искреннейшим почтением и преданностию, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.
1777 года сент. 14 дня. С. Петерб.

Матушка сестрица Федосья Никитишна, вы ко мне писали прекрасное письмо, и я очень сожалею, что не имею времени заплатить вам, сколько бы я хотел. Платится ли любовь твоя чем иначе, как сердцем? В нем имеешь ты жилище, никогда не отъемлемое, если его не отвергнешь. Природою мне велено тебя любить, но разум мой приемлет более свои собственные повеления. Я столько же люблю тебя, как любви моей достойную, как должен любить в тебе и сестру.

Фавинька! Тебе что сказать? Матушка, не оставь моего сироту.

Матушка Татьяна Петровна, здравствуй.

20

18 сентября 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Удовольствие говорить с нежнейшим родителем есть моя должность. Нет ничего для меня приятнее ее. Если бы в начертаниях пера моего могли найтись и чувства сердца. Я никогда не бываю столько доволен сам собой, как когда образ ваших милостей и убеждение моей к вам благодарности, нежного почтения живо во мне представится. Не уходят у меня сии неразнственные, кажется, поступки, они мелочи обхождения, но тем драгоценнейшие, чем менее в них себя приневоливают. Одно бы мое желание было — быть любви сей, сих милостей достойным, чтоб чрез то самое показать, что я их умею почитать по достоинству и что я их не забываю. Простительно ли мне то, что я льщусь иногда письмами своими послужить к вашей отраде? По крайней мере, занять несколько минут приятно, подать случай разговаривать сему малому обществу и одному, которое вам приятно, я разумею, вам и сестрице. Вы мало приемлете участия в том, что другие называют увеселением. Позвольте мне себе попенять, если простите сие выражение. Но наши обстоятельства вас занимают. Что же делать, если переменить их не можно? Вы сделаете наше счастье с сестрою, если будете веселы. И вот о чем хотел я вас просить. Нечувствительно попал я разговаривать о том, что меня занимает. Что до меня касается, я весел и, слава Богу, здоров. Вчерась и третьегодни препроводили мы у дядюшки и ночевали. И на завтра нас просил. Я говорил ему об отказе: он и не знает, где Светушкин. Дела ничего не сделано: крепости растеряны. Наш Леонтьев, поговаривают, будто к 22 ч<ислу> будет майором. Я позабыл к вам писать, что Петр Абрамович женился в Казани уже месяца два тому назад, на немке. Она уж русская барышня и душ, я думаю, с 200 за нею. Осип Абрамович¹ поехал во Псков советн<иком> наместнического правления. Мое письмо чересчур пестро. Этому причиною, что я отрывками писал и между тем упустил время. Мое наказание, что прежде кончить принужден письмо, нежели хотелось. Я прошу Бога о

продолжении вашего драгоценного здоровья и с чистосердечнейшею преданностью остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года сент. 18 дня. С. Петербург.

Милостивая государыня, матушка сестрица Федосья Никитишна! Обнимаемся. Si mon âme est capable des sentiments d'amitié pour une belle âme, ma chère! que dois-je à l'Être suprême de m'avoir fait une douce loi de t'aimer! Si la nature me parle, ses premiers discours sont pour toi. Dieu me départira ses bienfaits les plus doux dans ton bonheur! Est-ce-t-assez pour une déclaration?* Напиши ко мне, намарай, Haग्रiffonne** какое-нибудь прекрасное письмецо, и я тебе еще сделаю другую en forme. Je vous aime et plus aimer aucune ne saurais.*** Прощай. Играй на клавирах: я посмотрю, что-то ты прибавила. Верь, что ежели строить еще не могу, то, по крайней мере, расстроить уж умею. Ну... А! Фавиньку! не оставь, матушка. Вчера маминька была именинница, третьего дня ее рожденье; отпиши к ней, que je ... n'ose point la prier de me pardonner.****

Матушка Татьяна Петровна! письма ваши я постараюсь еще доставить. Прощай.

Захару отпишите: он мой друг.

Перевод:

* Если душа моя способна испытывать дружеские чувства к иной — прекрасной — душе, любезная моя, как и я обязан верховному существу, внушившему мне сладостный закон любить тебя! Если природа ко мне взывает, первые ее речи о тебе. Ниспослав тебе счастье, Бог щедро одарит и меня. Достаточно ли этого для декларации?

** нацарапай.

*** по всей форме. Я вас люблю и сильнее любить никого не мог бы.

**** что я не смею просить ее извинить меня.

21

21 сентября 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

На нынешней неделе получил я от вас два письма, за которые и приношу мою нижайшую благодарность. Письмо к дядюшке вчера же отнес я к нему, и он винится, что к вам еще не писал. Мы вчерась у него обедали. О переводе меня в Преображенский полк думает он через Петрова, но наперед надобно осведомиться о старшинстве моем там. Завтре, думаю, что и у кн. Козловского буду. К Твердышеву посылал я вчерась, и платье маскарадное и одеяло привезено в целости. Я не могу довольно изъяснить, сколько трогают меня ваши нежнейшие попечения сделать мое счастье. Самое употребление моего времени заслуживает ваше внимание. Мое почтение к родительским приказам (я не иначе должен принять ваши советы) и особливая к вам благодарность, которой порукою ваши всегдашние милости, напоминают мне мою должность. Со стороны службы я отнюдь не обеспокоен. Я не знаю, что значит молчание Ан<она> Ал<ексеевича> Барсова, получил ли он мое последнее письмо, и для того намереваюсь писать к нему на будущей почте. О Механике думаю я, исправив ее сколько мне можно, попросить прочесть Румовского¹ и чтоб он дал свой ко мне письменный отзыв, с которым и поднести рукопись подполковнику. Я думаю, что Румовский от этого не откажется, тем паче, что в плане, данном Академии Пе-

тром I, сие самое сделано одною из должностей академика. Крафт² мог бы мне еще споручнее быть, да он не разумеет по-русски. Письмо Дмитрия Васильевича вручено Дан<иле> Афанасьевичу.³ Намерение Ив<ана> Ив<ановича> Вердеревского, кажется, нельзя было предузнать. Приказ общественного призрения потеряет через это. Без сомнения, всякому позволено желать своего покою. Быть подчинену игумену или наместнику все то же бремя. И ежели нет спокойства в себе, так нет его и в монастыре. Но я бы не отсоветовал идти в монахи помоложе. У петербургского архерея так долго сидят за столом, что мирские прелести не пойдут на ум. Ив<ан> Матв<еевич> ищет своего спокойствия в гусарах. Неотменно хочет пример-майором лучше там, нежели в артиллерии. В прочем, желая усерднейше всякого благосостояния, прошу вашего родительского благословения и остаюсь навсегда, милостивый государь мой батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.
1777 года сент. 21 дня. С. Петерб.

Милостивая государыня матушка сестрица Федосья Никитишна! Помнится, что последнее письмо к тебе без титула. *C'est que je diversifie la chose.** Буду <нынче> также без титула. *L'uniformité naquit un jour d'ennui.*** Простите, что это не по-французски. Я рад, что вам прибавилась компания, и рад так, что не поверишь, радость. Скажи, пожалуйста, маминька, пишет ли что-нибудь к вам Даша? Пишет ли Любаша? Хотя только то: навек услужница я ваша. И жив ли Баша? И жив ли Чурка? Об этом отписать тебе вить не фигурка, за занавесой ли еще моя конурка? Достань «Ганриаду» да читай по субботам. *Les oeuvres de Voi-leau et les odes de Soumarocoff restent toujours chez messieurs les Poltoratzky: ne peut-on pas les faire venir?**** А! маминька, обнимаемся и прощай. Татьяна Петровна, здравствуй: письма ваши отнесены и приехал Вас<илий> Лавр<ентьевич>.⁴

Перевод:

* Я ведь стремлюсь к разнообразию.

** Однообразие родилось в тоскливый день.

*** Сочинения Буало и оды Сумарокова все еще остаются у Полторацких: не могут ли они их прислать?

22

25 сентября 1777

Батюшка братец Никита Артемонович! За писание ваше много благодарствую. Вчерась был я у кн. Михаила Михайловича Щербатова, который сидит дома, почитая себя обиженным в рассуждении перемены 22 числа,¹ так как он уже и подал письмо к государыне. Он говорит, зачем вы не приедете сами в Петербург: теперь бесперестанно открываются новые места. А государыня окружена людьми, которые докучают ей всегда о своих и тех, которые им надобны. Они стараются их вывесть. Что нельзя в том винить ни генерал-прокурора, ни наместника, что одна государыня располагает этим, а к ней доходят не одним путем, что, однако, наместник много может приговорить или отсоветовать. Наместнику есть нынче толчок по делам о дорогах. Тёща его умерла, и он живет теперь на мызе. Виц-губернатор подан в доклад. Просил меня теперь Леонтий Степанович г. Созонов, чтоб я отписал к вам об нем: покорно прошу, если что можно по делу его, которое у вас, его не оставить.² В прочем желаю вам, любез-

ному брату, всякого благополучия, остаюсь навсегда ваш, батюшка братец, покорный слуга и брат

Матвей Муравьев.

Любезной и дорогой моей племяннице мой поклон.

1777 года. сент. 25 дня. С. Петерб.

Теперь буду я писать в свое имя, милостивый государь мой батюшка Никита Артемонович! Мне поручено было от дядюшки тайное министерство переписки, и вы изволите рассудить, хорошо ли я его исправил. Мы с Иваном Матвеевичем большим ночевали нынче у дядюшки. Вчерась был и Николай Федорович, так Муравьевых был целый муравейник. Ив<ан> Матв<еевич> обыгрывает дядюшку в пикет, приговаривая:

Подбор не воровство: подбор одно уменье
Чрез карты доставать у ближнего именье.³

Ввечеру он играет в виск. Пьет кофе горазже меня, и я думаю, что скоро у дядюшки его не станет. Здесь грязь ужасная: дождь идет сильный. 22 число обедал у Новикова и ужинал у Хераскова в числе человек тринадцати. В этот день при дворе великие новости: Неплюев, Самойлов и кн. Петр Алек<сеевич> Голицын сенаторами, княгине Орловой лента, Бауеру также кавалерия, Зорич корнетом кавалергардов и генерал-майором. Я оставляю теперь место другим моим братцам. Que dirais-je à ma chère soeur? Je lui écrirai l'après-midi. Adieu.* Ваш нижайший слуга

Мих. Муравьев.

Я к вам, милостивый государь дядюшка, тоже и любезная сестрица Федосья Никитишна, приношу мое покорнейшее почтение и прошу всему, что брат пишет, не верить. В прочем остаюсь с должным моим почтением ваш завсегда покорный слуга артиллерии квартал мейстер

Иван Муравьев.

Свидетельствовал инфантерии вахмистр
Николай Муравьев.

И я, милостивый государь дядюшка, приношу свое нижайшее почтение, то же и любезной сестрице Федось Никитишне. В прочем остаюсь ваш всепокорнейший слуга и племянник

И. Муравьев.

Перевод:

* А что сказать любезной моей сестрице? Напишу ей после полудня. Прощайте.

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Нынче поутру я писал уже к вам вместе с дядюшкой по просьбе Созонова: он хотел послать по нынешней почте к своему приказчику в Тверь. Праздник 22 число пре-

проводил я очень весело: по случаю зашел к Николаю Ив<ановичу> Новикову, у него обедал и с ним после обеда пошли к Михаиле Матвеевичу, у которого весело ужинали. Тут вместе было множество моих старых знакомых. Я столько доволен ласковостью Елисаветы Васильевны,¹ что не могу довольно изъяснить. Тут были Васильев, Алексей Иванович,² который по-старому шутит, Храповицкий,³ Тургенев, который скоро опять едет в Крым, Хвостов, сенатский переводчик,⁴ с которым я еще в Академии учился, старик Гурьев,⁵ который думает, что он говорит остроумно. Афонин,⁶ который секретарем у Зорича, также приезжал тут вечером, он вам кланяется. Я забыл к вам писать о приезде Ив<ана> Ив<ановича> Шувалова. Он также был на куртаге 22 чи<сла>. Государыня и вел<икий> князь с ним долго разговаривали. Он очень учтив; в этот день пожалована лента княгине Орловой; Неплюев, Самойлов и наш кн. Петр Алек<сеевич> Голицын сенаторами, Зорич — кавалергардским корнетом и генерал-майором. Бауеру — лента. Из камер-пажей четверо в офицеры.

Кратко: я, слава Богу, здоров и весел и желаю вам всякого здравия и благополучия. Нижайше прошу приложенное при сем письмо, если не можно на сей же самой почте, так на ближайшей отослать к Захару Матвеевичу в Москву. Я вас нижайше прошу. В прочем, прося вашего родительского благословения, с искреннейшим почтением и преданностью остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.
1777 г. сент. 25 дня. С. Петерб.

Милостивая государыня матушка сестрица. Я целую ваши ручки с радости, право не знаю, с какой, только с радости. Будь ты весела, — я дурак, ежели не весел. Чего мне недостает? Вы меня любите, я имею людей, и здесь во мне участие приемлющих. Прощай.

Матушка Татьяна Петровна, здравствуй. Письма твои, и Бог знает когда, отосланы. Вас<илий> Лавр<ентьевич> насилу выплыл из потопа.

24

28 сентября 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

По два дни, то есть нынче и вчерась, имел я счастье получить от вас по письму; эти дни почитаю я затем счастливыми. Я не могу пожаловаться, однако, ни на один из дней моих: они текут довольно спокойно, а это уж и составляет сколько-нибудь благополучия. Ваши письма для меня некоторый род беседы; мне приятно то время, которое я провожу у Михаила Матвеевича или кого-нибудь из тех особ, которых я почитаю: кольми паче ваша беседа, хотя и отсутствующего, должна быть мне вместе приятна и полезна. Она не удовольствуется только тем, чтоб быть мне приятной: она всегда влечет чувство, меня восхищающее, имеющее нечто от почтения и нечто от нежности, предзнаменование того, что писано.

Прошедший понедельник писал я к вам с Васильевского острова и два раза: поутру с Созоновым и после обеда по почте. Письмо к Захару Матвеевичу, вложенное в последнее, нижайше прошу отослать поскорее. Мы совестимся, что его так долго оставили, и оно может его сколько-нибудь успокоить. Он писал к нам письмо, делающее столько чести его сердцу, сколько нам, что мы его братья и друзья. Тот день дядюшка удержал ночевать затем, что это было накануне именин Ивана Матвеевича.

Следующий день праздновали мы очень весело. Мы и Ник<олай> Федорович, который приносит вам свое почтение, опять ночевали, и поутру отвезли нас рано домой. После обеда был я у Федора Михайловича, где и ужинал. Тут много кое-кого было: между прочим, и Ив<ан> Петрович Шагаров¹ с женою, который меня и отвез с собою. Тут я слышал прежде, нежели сестрица меня уведомила, о жалостном приключении с Федором Петровичем Чаадаевым: я имел случай знать его, хоть мало, однако и того довольно, чтоб сожалеть такого молодого человека, который обещал из себя со временем много — особливо зная состояние их дому. На 25 число в ночь был здесь весьма сильный ветер и тревога в городе: вода сравнялась с горизонтом, а в низких местах и взошла на него. Пальба была по предписанию. С крепости ударили в барабан. Множество выехали на Литейную; Воронцова дом был наполнен людьми. Всякий нес с собою что-нибудь. По утру был град и снег. — Самойлов заседает в 1 департаменте. Неплюев во втором, а Голицын в четвертом. Театр открылся, обещают новую италийскую оперу. Здесь у часового мастера Принца оставлены были нами стенные часы Прасковьи Федоровны, маленькие, я думаю, с кукушкой; и за них ничего не дают. Нынче пристаёт подмастерье Принцов, чтоб ему отдать их за полтину; что изволите приказать. В прочем, прося вашего родительского благословения, с нижайшим почтением остаюсь навсегда, милостивый государь мой батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.
1777 года сент. 28 дни. С. Петерб.

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Никогда не бранил я себя столько, как нынче, что я опоздал писать. Ты столько мне нынче писала милого, одолжающего, что если бы мне и было время писать, я не мог бы сравняться с твоими ласковостями. — Сколько я написал «писать». Ну! матушка, в одном слове, как во сте: я столько тебя люблю ласковую, как и строгую. Если я «молодец добрый», узнаю я это по твоей ласковости; если я шалун, твое одно строгое слово меня исправит. От кого лучше снесу я, как от тебя? Однако ж захочу ль я до этого допустить? Спроси-ка ты это наперед у твоего покорнейшего слуги и брата М. Муравьева etc. Матушка Татьяна Петровна, здравствуй.

25

2 октября 1777

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Вчерашний день имел я случай говорить с человеком, который, проезжая, у вас обедал: это Михайло Яковлевич Неручев.¹ Он рассказывал дядюшке, что вы ему помогли и дали все случаи исправить его надобности. Дядюшка этим так веселился, что хотел нарочно вас благодарить. У нас с Покровом и морозы показались, которые, хотя и прежде зачались, но не так сильны были, как вчерашний и нынешний. Я себе на этих днях купил барку за девять рублей с полтиной. Нынешнее письмо мое нечувствительно наполняется бездельными приключениями, не стоящими быть пересказываемы<ми>: это затем, что мое упражнение дни с два-три попромежутилось и я по большей части сидел дома. Нынче разбираюсь в кое-каких механических книжках и делаю из них выписи. Также читаю одну французскую поэму о живописи с двумя латинскими о том же-и рассуждениями от творца поэмы г. Вателета.² Иван Матвеевич не может себе представить, какой можно найти вкус в живописи. Вчерась после обеда я уложил его спать этим, что стал читать ее. Простите меня, что я вам

описываю сии ничего не значущие подробности моей жизни. Мне не осталось ничего более писать, как только, если позволите, просить о продолжении родительской милости, о удостоении иногда взором, хотя и издавеча, меня. Я почитаю за счастье мое, если буду достоин что-нибудь сделать вам угодное. Ваши милости составляют то благополучие, которым я наслаждаюсь. Я остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.
1777 года окт. 2 ч. С. Петерб.

Милостивая государыня матушка сестрица Федосья Никитишна! Сколько я ни воображаю себе, я не могу представить, в чем бы ты теперь упражнялась. Мне бы хотелось, чтобы что-нибудь тебя забавляло. А Тверь мне что-то кажется пуста. Видишь, сколько велико самолюбие, будто уж там нет никого, где нас нет. Я пишу в сумерки; так и слог мой сумрачен, не прогневайся. Ты ко мне не писала, читала ли ты Мармонтелевы опереты и довольна ли ты которою-нибудь из них. Эйлеровы письма прекрасны: нельзя быть лучше курса физики для дамы. Но вить оригинал их по-французски, так ежели покупать, который бы ты хотела?³ Si ce n'est que notre cher père pourrait aussi lire le russe.* Я весь теперь в живописи. Примечания г. Вателета суть нечто превосходнее, нежели поэмы его. Он рассуждает наперед о пропорциях, из них выводит искусство целого, de l'ensemble,** а от сих двух частей переходит на движение и равновесие фигур в картине. Потом следует соединение света и тени, о красках и, наконец, выражение живописное и страсти, так что он объял почти все части живописи. Я когда-нибудь сообщу из оных по местечку. Меня нынче Ванька напоил паче чаяния кофе. Mais quel café? Je vous le laisse à deviner.*** Бурда бурдой. Прощай, маминька. Новиков показывал мне эстамп славного нынешнего гравера де Виль,⁴ где изображена девочка, которая держит чашечку и пускает пузырьки. Один делается в чашечке, два другие летят по воздуху. Так тонко, так нежно они сделаны, что за стеклом почтешь за настоящие и станешь сдувать.

Пора окончить, de peur,**** чтоб я не зачал сам гравировать. Прощай, матушка. Играй на клавирах и <читай> «Генриаду», Буало et caetera.*****

Матушка Татьяна Петровна, здравствуй!

Перевод:

* Если бы наш батюшка мог прочесть и по-русски.

** ансамбля.

*** Но какой кофе! Предоставляю вам догадаться.

**** из боязни.

***** и так далее.

Милостивый государь мой батюшка, Никита Артемонович!

Ваше последнее письмо, где изволите описывать приключение с Татьяной Петровной, поразило меня: слава Богу, что уж наконец ее лишили. Она не должна жаловаться на несчастье. Нельзя было более снисхождения, милостей; ежедневно новые досады, беспокойства! Она как будто не для того сделана, чтоб жить вместе. Сердце, которое сколько-нибудь знает человеколюбие, должно найти свое удовольствие в образе, каким вы ей платите. Мое умиляется искренно, тем более, чем ближе принадле-

жит ему сей пример. — Сюда она еще не приехала; по крайней мере, у меня не приставала. Федор Михайлович спрашивает у меня, также и сестра его, изволили <ли> получить к вам посланное от них письмо к Анне Яковлевне Олсуфьевой.¹ Не помню я, писано ли мною прежде к вам, что я получил от него 150 рублей в сентябре месяце. Итак, с полученными прежде 25 руб., всех будет взятых 175 р. Не прогневайтесь, что нынче пишу мало: у меня заняты все люди, ломают барку, так боюсь опоздать на почту. Я купил себе Козельского «Механику»: писано довольно подробно, без вкусу и, может быть, не очень далеко. Я прошу вашего родительского благословения, с усерднейшим почтением остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.
1777 года окт. 5 дня. С. Петербург.

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Теперь вы без компании, но, кажется, сожалеть нельзя. *Vous m'avez accoutumé à deux lettres. <J'ai peur> de m'attendre en vain aujourd'hui <à> la seconde.**

Отпиши, маминька, любезным нашим хозяевам берновским, ежели будет случай, что я их люблю и почитаю и часто говорю с Ив<аном> Матвеевичем об них. Прощай. Я тебя прошу не скучать и на это письмом предолгим отвечать ... Ну! хотел писать, Да ... Прощай. Кланяйся, матушка, от меня Ив<ану> Иван<овичу> и Вас<илию> Ив<ановичу>, моим милостивым государям, которые, может быть, скоро будут в Питер.

Перевод:

* Вы приучили меня к двум письмам. <Боюсь>, что ожидать сегодня второе буду тщетно.

27

10 октября 1777

С. П. бург. 1777 года окт. 10 дня.

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Нетерпеливо ожидаю завтра милостивого письма вашего, затем что на нынешней неделе получил я одно только письмо от вас. О себе доношу, что я, слава Богу, здоров и весел. В один день с этим письмом изволили вы получить письмо и от дядюшки с радостным для нас известием. В субботу дядюшка и кое-кто, которые случились у дядюшки, пили ваше здоровье, и я благодарил. Он утро выезжал и привез ведомость, но которую приказано таить до времени, что государыня изволила пожаловать вас вицгуб<ернатором>. Должно думать, для того и велено молчать, чтоб не упредили опять с просьбою к государыне. Она не может сама свободно расположить: тысячи путей ее окружают. Зорич, сказывают, у генерал-прокурора выпросил уж 200 дел. — В сей самый час получаю наполненное милости письмо ваше. Ответствовать на него не имею довольно времени и, прося вашего родительского благословения, остаюсь навсегда ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

Матушка сестрица Федосья Никитишна!

Строки, наполненные чувствами, которые начертала рука твоя, наполнили сердце мое тихим удовольствием. Я совершенно счастлив и, если сим счастьем наслаждаюсь

не умно, беспрекословно виноват. Татьяна Петр<овна> приехала сюда 6 число по утру. Вчерась ночевала у дядюшки и завтра едет в Кронштат. Нынче обедал я у Аннибала. Там был и Валентини. Сказывает, что Ник<олай> Алек<сеевич> Вердер<евский> едет месяца через два в Тверь: он идет в отставку и будет иметь место у нас, у Цверичан. Поклонись, матушка, от меня Тимофею Ивановичу и поблагодари ему, что он меня помнит и старается мне помочь. Каким образом узнали несчастье Марья Ив<ановна> и Ив<ан> Петр<ович>?¹ Мне хотелось бы знать. Зах<ар> Матв<еевич> пишет ко мне письмо: я не успел ему ответствовать; отпиши к нему, матушка голубушка, да только то, чтоб просился в отпуск. Вчерась выпал снег, который и теперь лежит. Холод здесь по термометру градусом выше замерзания воды. У Фонтанки по краям замерзло или застыло. Прощай, матушка. Будь весела и займи свое время de l'agréable et de l'utile.* Всякое мгновение вотще родится, и что запасено вперед, то пригодится. Что ж у тебя Мармонт<ель>? Все в пл...

Перевод:

* Приятным и полезным.

28

12 октября 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Скоро будет день моего рождения. Прекрасный зачин письма! Вот чем занимается мое легкомыслие: располагаю, что буду делать утром и как дожидаться вечера. Прежде нежели одеваться, пятый и шестой час препроведу я в своем кабинете. После того одеваться и пить кофе. Кому подарить меня в этот день? Ну! живет и без того. Я помню, что я бывало сержусь, что близко мое рождение; нынче воображаю я его под самым прелестным видом. Я схожу с первой степени жизни: двадцать лет мои минуются, двадцать лет бытия моего. Усугубятся ли они в другой раз: это неизвестно. Причина размышлять и о том, что прошло, и о том, что будет. Вообразу, может быть, я себе сии прекрасные, невинные, но мало вкушенные годы младенчества; вообразу я нежную и рано отнятую мать;¹ милости отца моего на всяком шаге жизни моей вообразятся мне ясно. Здесь увижу себя учеником, там воином. Представятся дружба младенчества, отрочества, юношества: игрушки, резвости, глупости. Самолюбие автора, уничижение критики; иногда, может быть, с удовольствием вспомню труд свой; иногда пожалею втуне проведенное время. Творец природы достоин, может быть, принять мгновение признания и обожения. Где я буду у обедни? И этот вопрос важен. Вознесенская не нравится мне своей архитектурой. Подворье Псковское далеко. Быть у Вознесеня, ежели не в полковой.² Дома, конечно, не обедать. Где же? Неотменно у Михаила Матвеевича. — Насилу проснулся.

Сон был гораздо долее, нежели дело. У меня только что отделались люди с баркой. Нынче ночевал я у дядюшки, и хочется быть на физической лекции. Дядюшка приказал отписать, изволили вы взять 50 руб. с Мячкова;³ письмо его еще цело между бумагами у дядюшки: так разодрать ли его? Новостей я не знаю, кроме, что никак Потемкину пожалованы Ягужинского деревни, и не знаю что-то также Зоричу в Польше.⁴ Дмитр<ий> Вас<ильевич> Волков идет, сказывают, в отставку.⁵ В прочем, прося вашего родительского благословения и желая усерднейше продолжения вашего драгоценного здоровья, остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка! ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года окт. 12 дня. С. Петербург.

Матушка сестрица Федосья Никитична! Я не говорил с тобою уж вот этому три дни. В эти три дни что я сделал? J'ai végété: vous me devez être bonne pour cela; car l'hiver qui vient, vous verrez votre cher frère gâté avec un menton rebondi. Il faudra un archin de plus pour ma veste.* Извинение мое, что я писать перестаяю, есть то, что Иван Матвеевич смотрит и призорил ma veine ou bien ma fureur d'écrire. Il fait des petits contes sur mon compte, et les débite avec un air sérieux pour des vérités, à qui? à notre cher oncle.**

Перевод:

* Я прозябал: вы должны этому радоваться, потому что наступающей зимою вы увидите вашего баловня братца с двойным подбородком. Нужно будет аршином более для моего камзола.

** мое пристрастие, или точнее, страсть к писанию. Он составляет анекдоты на мой счет и рассказывает их с серьезным видом, выдавая за правду. Кому? любезному нашему дядюшке.

29

16 октября 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

С пятницы был я столько счастлив, что уже получил от вас три письма, за которые не могу изъяснить довольно своей благодарности. Сколько буду я счастлив, если буду всегда получать таковые! Татьяна Петровна ночевала две ночи у дядюшки: он ее принял довольно благосклонно, и от него уехала в Кронштат, где уже ей дней пять. Дядюшка, как обыкновенно, весел, передражливает ее походку и как она качает головой. Он ей советует занять в банке, чтоб выкупить. К Федору Михайловичу письма вашего я еще не снес, а отдам завтра для того, что с неделю места¹ дал он мне перевести на франц<узский> предисловие Целларпева лексикона,² где есть наставление учителям, для его мадамы; а перевел я только вчера и нынче перебеливаю. Нижайше прошу засвидетельствовать мою покорнейшую благодарность Фед<ору> Яковлевичу за его напоминание. О смерти Сумарокова уведомлял я вас еще в августе месяце. Общество, которое выдает «Утренний свет», есть то самое, которое меня пригласило, но я немножко заленился. И перевод моей первой книги не совсем готов. О Преображенском списке давно я хлопочу: и нынче обещался мне Ханыков его привезти, да не бывал. Нынче преужасный ветер, и в вечерни был сигнал с Адмиралтейства тремя выстрелами. Вода, сказывают, к Измайловскому мосту выступила. Я прошу Бога нижайше, чтоб продолжил Он ваше драгоценное для меня здоровье и здоровье сестрицы и сделал бы меня достойным ваших милостей. Я пребываю с всегдашним высокопочтанием, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года октяб. 16 дня. С. Петерб.

Матушка сестрица. Я не знаю, чем мог бы я немножко вас развеселить. Прочтите эту пиеску г. Марешаля,³ новенького нынешнего стихотворца.

ESPIÈGLERIES DE L'AMOUR

Petit traître, enfant dangereux
Dès ce soir purge ma demeure,

Va faire ailleurs des malheureux:
 De chez moi sors et fuis sur l'heure.
 Le triste Amour d'un air soumis,
 S'écrie à cet ordre sévère:
 Quoi! nous étions si bons amis;
 Hélas! vous me traitiez en frère.
 Laissez-moi, jusqu'au lendemain...
 Point de délai: reprends tes armes...
 Vous me donnerez donc la main...
 Pas même pour sécher tes larmes.
 Effrayé du ton de ma voix
 Et du courroux qui me transporte,
 Avec son arc et son carquois,
 L'Amour enfin est à la porte.
 L'Amour revient, frappe et me dit:
 Pardon, j'ai fait une méprise,
 Ton ordre m'avait interdit,
 Je t'ai pris le portrait de Lise.
 Je ne veux rien avoir à toi,
 Et je reviens pour te le rendre.
 Tiens, si tu le veux, ouvre-moi.
 D'ouvrir je ne pus me défendre,
 C'était un tour de mon fripon:
 Pour rendre vaine ma colère.
 L'Amour lut bientôt son pardon
 Sur le portrait de ma bergère.

Si vous ne m'écrivez pas le sujet de votre tristesse, ma chère amie, c'est fait de moi et ma tranquillité s'est envolée à jamais loin de moi. Rendez-la moi par une prompte réponse.*

Милостивая государыня матушка сестрица Федосья Никитишна! Всегда читаю я ваше любезное писание с удовольствием; оно иногда возвращает мне его, если когда оно от меня отлучается: mais votre dernière lettre, ma chère soeur, ma chère amie! conçue en des caractères pleins de tristesse que me veut-elle dire? Si je ne vous savais pas un fonds de douceur, de cette vertu pure sans nuage, je vous supposerais des accès d'une bile noire. Qu'avez vous à vous reprocher? Quel secret pèserait à votre âme et de nature a ne pouvoir m'être confié? Vous m'accablez. Votre seing est confus, ous finissez en brusquant. Que je m'estimerai heureux, si cette lettre vous retrouverait contente. Notre cher père s'est fait une petite société. Je m'en réjouis: le qu'en dira-on est un épouvan-tail des esprits faibles: ne nous supposons-nous jamais assez d'esprit pour <нрзб> et de nous moquer des autres. Ce sont toujours des gens de mérite. Tel âge, telle compagnie.

La mode est l'esclavage des jeunes cerveaux. Que vous êtes isolé à présent, cela me navre le coeur. Ma chère amie! Je vous prie à deux genoux, dissipez toute mélancolie; je voulais vous tracer un petit plan d'occupations; et le pourrais-je, moi? Vous-même, vous connaissez le prix du temps, l'ennui est le fléau des hommes. L'oisiveté traîne le crime après soi. Un père doux, tendre vous pourra-t-il voir tranquillement languir de tristesse. Pardonnez mes égarements. Notre cher oncle parle de vous très avantageusement, il raconte que de tous ceux qu'il a consulté sur vous, il entend des éloges unanimes et en est ravi.**

Перевод:

* Шалости Амура

Маленький предатель, опасное дитя, сегодня же вечером покинь мое жилище, отправляйся в другое место делать несчастными людей, ступай отсюда, беги немедленно прочь. В ответ на этот суровый приказ опечаленный Амур восклицает с покорным видом: «Как, мы же были добрыми друзьями. Ах, вы обходились со мной, словно с братом. Позвольте мне остаться до завтра...» — «Без промедления забирай свое оружие». — «Следовательно, вы протянете ко мне руку...» — «Нет, не протяну, даже для того, чтобы утереть твои слезы». Устрашенный звуком моего голоса и охватившим меня гневом Амур со своим луком и колчаном, наконец, убирается прочь. Но Амур возвращается, стучит в дверь и говорит мне: «Прости, я совершил ошибку, приказ твой меня смутил, я взял у тебя портрет Лизы, но мне ничего твоего не надо, и я возвратился, чтобы тебе его отдать. Послушай, если он нужен тебе, открой мне». Не в силах удержаться, я открыл, а это была всего лишь уловка плутишки, дабы гнев мой оказался напрасным. И вскоре портрет моей пастушки поведал Амуру о том, что он прощен.

Если вы не поведаете причины вашей печали, любезный друг мой, конец мне, мое спокойствие навеки улетит далеко от меня. Верните мне его скорым ответом.

** но последнее ваше письмо, любезная сестрица, любезный друг, написанное в выражениях, полных печали, что хочет оно мне сказать? Если бы не знал я свойственной вам нежности и чистой безоблачной добродетели, я заподозрил бы у вас приступ черной меланхолии. В чем упрекаете вы себя? Какая тайна, отягощающая вашу душу, не может быть доверена мне? Вы удручаете меня. Подпись ваша неотчетлива, вы заканчиваете, внезапно обрывая. Я почитал бы себя счастливым, если бы это письмо застало вас довольной.

Батюшка составил себе маленькое общество. Я рад этому. Боязнь сплетен — пугало слабых душ. Достанет ли у нас когда-нибудь ума, чтобы... и смеяться над другими. Все это люди, достойные уважения. Каков возраст — таково общество.

Раболепство перед модою свойственно молодым головам. А то, что вы теперь одиноки, раздирает мне сердце. Любезный мой друг, я на коленях прошу вас, рассейте всякую меланхолию; я хотел бы начертать вам план занятий, но могу ли я сделать это? Вы сами знаете цену времени. Скука — бич людей. Праздность влечет за собой преступление. Кроткий нежный отец сможет ли видеть спокойно вас, изнывающую в печали? Извините мои заблуждения. Любезный дядюшка говорит о вас весьма лестно: он рассказывает, что от всех, кого он спрашивал о вас, слышит он единодушные похвалы вам, и от этого в восторге.

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

С какую радостью получил я сегодня ваше драгоценное письмо? Я целовал его и приготавливал себя ко чтению его. Изъяснения, в которых видна скука ваша, наполнили меня горестью. Вы только мне желаете счастья, а сами отчаяваетесь. Ужели вы не изволили получить письма от меня и от дядюшки, в котором мы уведомляли вас, что вы определены вице-губернатором? Или известие сие вы почитаете неосновательным? Наместник сказывал сие дядюшке: неужто бы он стал так жестоко играть людьми, которые унижаются перед ним до просьбы? Вы изволите писать, что помочь мне не в состоянии, между тем как я вас изобильнее деньгами. У меня теперь сто двадцать пять рублей; у Федора Михайловича еще осталось рублей сорок. Красильникова

здесь нет. Благоволите приказать перевести мне из денег сих сколько изволите в Тверь: они здесь пройдут бесполезно. Я, по несчастию, стою вам денег; другие в мои годы сами достают. Сколько буду я утешен, если сими деньгами сделано будет сестрице платье или что-нибудь употреблено на ваши надобности. Родитель, которому я не одною жизнью должен, но и тем, что в жизни нахожу удовольствие; сестра, которая к любви достойному нраву присоединяет чувство нежнейшей дружбы ко мне, вы уже ничем меня более обязать не можете, как позволением вас любить и разделять бремена общих нужд. Сколько прошу я Бога, чтобы Он вложил в душу мою благородную ревность к трудам, чтобы я возвратился вас увидеть, не имея попрекать себе втуне проведенной праздности, не для моей единственно, может быть, тщетной славы, но для того, чтоб быть достойно похвален^у вами. Сколько склонен нежный отец находить достоинства в своем сыне? Сколько раз я имел счастье благословлен быть моим родителем! Что сделаю я быть сего достойным?

Я остаюсь, навсегда прося Бога о вашем дражайшем здравии, с усерднейшей преданностью, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года окт. 20 дня. СПб.

Матушка сестрица Федосья Никитична!

Твое нынешнее письмо меня немножко успокоило. Ты скучаешь! Я тебя воображаю сею тихою, нежною Фешинькой, вспоминаю разговоры твои, разум, руками природы украшенный, сердце, чувствующее дружбу и человеколюбие, *et je t'aime de plus en plus.** Боже мой! Всемогуций Боже! я Тебе препоручаю ее, и Ты на небесах слышишь слабого смертного глас и умиление. За добродетель тебе молиться не надобно. Ты сама ее любишь.

Моя любезная сестра! Я тебя люблю без шуток. Дай Боже! чтоб я увидел сестру мою, украшенную дарами тела и души, которой обхождение изыскивают сверстницы. Сии обеты стыдны в обществе: но природа движений своих не стыдится. Так, я люблю сестру свою, и мое сердце осмеливается составлять для ней блистающие мечты. Будь весела, умна, и обнимаемся.

Перевод:

* и я люблю тебя все более и более.

31

26 октября 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Каким образом могу я представить радостнейшие движения моего сердца! Для меня нынче, дни четыре, столько много стеклося счастливейших обстоятельств, что я их не могу выдержать. Ваше милости наполненное письмо было первое их преддверие. Вы изволили меня подарить империалом без моих заслуг, и я попрекаю себе маленькую нескромность в одном письме своем: я не знал, что мое слово будет подстережено. Письмо г. Карманова,¹ признаюсь к моему унижению, было пищею моего тщеславия. И я в нем, кажется, обязан собранию, которое его сделало корреспондентом. Никогда не был я щеголем, но этот день не дал покою Ульяне, покуда не пришла сестрициных манжет. Никто в доме между тем не знал, что я на другой день именинник. Проклятый староста устрецкий приехал с крепостями: так мне было надобно таскаться в полицию.² Встал я рано; а накануне Новиков меня просил

к себе. Утро сидел у меня Ханыков; однако ж обедал я у Новикова с Княжниним. Случись так, что это было день рождения Михаила Матвеевича; и так вечером, или еще и засветло, съехали мы туда, где нас человек с 25 ужинало; Васильев поздравил меня, что вы пожалованы виц-губернатором, и указ накануне дня того вышел, и Михайло Матвеевич и все меня поздравляли. С чем я вас, наконец, милостивый государь мой батюшка, усерднейше и всерадостнейше поздравляю и матушку сестрицу. Михайло Матвеевич всем рассказывал, что наши вместе и рождение и именины, и оба, говорит, стихотворцы. Наконец, после его здоровья за ужином пили и мое. Так-то вчерась я бражничал. При сем посылаю стихи Катерины Сергеевны Урусовой на смерть Сумарокова.³ Княжна живет с Херасковыми. Также, милостивый государь батюшка, просил меня Николай Иванович Новиков переслать к вам несколько объявлений об издании «Утреннего света», ежемесячного издания, для подписки. Нижайше прошу взять на себя сие попечение, раздать кое-кому и, кто изволит подписаться, собрать. Я думаю, что будут иные охотники.

Особливо намерение издателей для заведения школ для бедных, кажется, может побудить многих. А для вас уже подписался я за три рубли, и дядюшка подписался. После уж надобно и подписки переслать и деньги. В прочем, желая всякого благополучия и здравия, навсегда остаюсь, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.
1777 года окт. 26 дня. С. Петерб.

Матушка сестрица Федосья Никитишна!

Чем могу я отплатить тебе за то, что ты мне подарила свою работу? Я тебе сто раз кланяюсь в землю. Столько ж одолжен я тебе за прекрасное письмо, которым провождала свой подарок. Оно так справедливо мыслено, что *cela fait plaisir*.^{*} Ты, право, <прекрасна> как книга ... О твоём физическом вопросе получишь ли ты довольное изъяснение, не знаю. Вам известно, что воздух есть некое вместилище звука, что слух наш ударяется воздухом. Орган уха нашего так сделан, что малейшее сотрясение воздуха приводит молоточек в движение, ибо он должен наперед пройти через витые дороги. Когда вы ладонью заслоните отверстие стакана и ударите рукою по дну, то запертый воздух под стаканом не может иначе сообщить постороннему воздуху свое сотрясение, как через вашу руку. Вот уж и препятствие, чем плотнее оно, тем глуше и не явственнее слух. В другой раз об этом. — Можно ли, что де ла Тур,⁴ эдакий скот, присвоит мои книги. Я не могу вздумать, не осердясь. Я говорил с ним про Буало? Когда это? Так бесстыдно лгать на живых? Так ли мне *indifférent*^{**} Буало, как де ла Тур? Он отнимает порядочно. Нижайше тебя прошу у этого сукина сына как-нибудь достать его. Прости, матушка, что я так рассердился и себя позабыл.

Мих<айло> Фед<орович> Соймон<ов> недели две как приехал.

Перевод:

* доставляет удовольствие.

** безразличен.

30 октября 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Все обстоятельства моей жизни вызывают мне на память благодеяния и любовь нежнейшего родителя. Она есть для меня и Училище благодарности. Намнясь заставил меня дядюшка читать письмо ваше к нему, и половину его должен я был краснеться и читать про себя. Милостивые обо мне попечения, достойные вашего сердца, ничем не могут быть заплачены. Я, слава Богу, здоров, весел и всем обязан вам. В Тверь готов, когда приказать изволите. Но теперь погода немножко дурная, и, кажется, путь не так скоро станет. На прошедшей почте послал я к вам объявления для подписки на нынешний журнал. Если вам не трудно, нижайше прошу потрудиться разослать между тверских охотников. Это просьба Николая Ивановича, которым я очень доволен. Он еще более честный и постоянный человек, нежели хороший писатель. И вы отдадите ему справедливость, когда изволите разобрать намерение трудов его. Он ко мне ласков и ежели долго не побываю, неотменно пришлет к себе звать. Молодой человек, который сурьезно старается знать самого себя и основанием сего почитает христианство, которого он ревностный защитник... Не могу удержаться, чтоб не сообщить вам стихшков, которые вчера читал я Михаиле Матвеевичу на смерть Сумарокова.¹ Он было адресовал меня к Николаю Ивановичу, чтоб их напечатать в Кадетском корпусе. Ему Тейльс друг.² Он было и взялся; да читаючи их, припали нам некоторые рассуждения, которые нас поостановили. В самом деле, дано у меня много вольности воображению. Так Новиков хотел, чтоб я ослабил инде выражения свои. Все утро нынче толковали мы: рифмача не скоро приведешь в толк. И я уж их бросил. Причины Новикова приносят честь его образу мыслей. Он друг точности. Но, может быть, ее требовать строго в стихотворстве и невозможно. Например, он не хотел бы сказывать, что Сумароков мудрец, которого мнения были развратны и жизнь полна соблазнов. Мих<айло> Матв<еевич> хотел было, чтоб я приехал к нему с первой корректурой... Дядюшка, у которого я нынче ночевал, хотел было ехать вчера по утру со мной благодарить Сиверса; да как время худо, и он перемены его чувствует, так мы отложили до другого времени. Он очень рад, что наконец мы хоть это получили. Сергей Александрович вам кланяется: он взял у меня сентябрь «Утреннего света» и теперь не очень здоров. Я нынче написал более, нежели думал. Прося усерднейше Бога о вашем драгоценном здравии и вас о продолжении родительского благословения, остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года окт. 30 дня. С. Петербург.

Матушка сестрица Федосья Никитишна!

Я тебе на сей бумажке пересылаю поцелуй. Твоя рука, прикоснувшись к ней, верно его получит. Не вздумай, что я с ума сошел: по эдакому воображению не трудно это заключить. Умишко мой здоров: ни град, ни наводнение его не испортили. Кольми паче сердце, за которое я охотно жертвую ум. Оно, сударыня, всегда вас помнит, и как ему не помнить той, которая так меня любит, как вы?

2 ноября 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Сие после обеда получил я ваше милостивое письмо, пущенное от 27 прошедшего месяца. Я почитаю себя счастливым, что я оставил в Твери людей, которые удостоивают меня своими воспоминаниями, хотя, настоящим образом, вам я обязан за оное. И чем обязан я не вам? Из сего самого письма вижу я, сколько вы изволите заниматься моим счастьем. Я не осмеливаюсь отметить ваших намерений в рассуждении письма к Зоричу.¹ Но чистосердечно могу вас уверить, что мое спокойствие отнюдь не терпит через то, что я не офицер. Мне бы хотелось самому сколько-нибудь подать причину меня вспомнить. Что будут говорить по городу для того, что письмо сие тайно прибыть не может? Правда, что теперь не спрашивают резонов: я хочу себе счастья, зачем? Ежели я взял, так и прав. По крайней мере, нам ответственать нечего, когда спросят, что за причина? Теперь у Зорича секретарем Матвей Иванович Афонин, человек вам знакомый и мне и который от этого не отпирается. Зорич ныне президентом в Вольном экономическом обществе, и для того, что это ему ново, всякую среду и субботу собрание, и которые преж сего года три не ездили, теперь не смеют пропустить ни разу и несут чепуху, как говорит Михайло Матвеевич. Нынче был я у Анны Андреевны, которая приносит величайшие благодарения за ваше старание по ее делу и поздравляет с пожалованием в вице-губернаторы. Ей было уж это известно прежде, нежели вышло, затем, что Сиверс сказывал, и жалеет, что как я давно у ней не был, не могла она первая вас уведомить. Дала мне комиссию подписаться под «Утренний свет». Нижайше осмеливаюсь вам припомнить о посланных к вам объявлениях для подписки к сему журналу. Сам Николай Иванович будет вас благодарить о том. Здесь в городе все подписываются, и Тверь, я думаю, захочет подражать Петербургу. Благо что дано средство. Хорошо добро делать из какой бы причины ни было. Хоть и для того, что так водится. Некто неизвестный, думают, что Иван Ив<анович> Шувалов, подписал в октябре за один экземпляр 100 руб<лей>. Многие по 25-ть. Одному вельможе сказали про подписку этого журнала: все подписываются-де. — «Ну! так и я, да сколько надобно?» — «Цена три рубли, но иные подписали из благотворительности пять и десять». — «Ну! так я двадцать пять». — Это Брюс.² Сентябрь и октябрь перешлю я к вам по ямской в день почты. Вы полюбите намерение и Творца его. Вчерась рано ездили мы с меньшим Иваном Матвеевичем¹ к Сиверсу благодарить: да он не сказался, для того, что тот же День ехал в Новгород. В прочем, прося Бога о вашем драгоценном здравии и родительской милости, остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года нояб. 2 дня. С. Петерб.

Матушка сестрица Федосья Никитишна, голубушка!

Вчерась, то есть прошлого года вчерась, был я нескромнен. Так теперь поскромничаю. У меня Ханыков нынче обедал и только теперь от меня. Я купил себе Уца,³ славного лирика немецкого. Это *groros rompus*.^{*} Ты меня подарила письмецом, которое я читал *plus d'une fois*^{**} и читал Ханыкову. *C'est pour faire parade et...*^{***} Но, *je vous épargne. On a de la modestie, si l'on respecte celle des autres.*^{****} Отпиши, маминька, к своему другу Бастидонше.⁴ *L'autre jour étant avec elle je la regardais, et croyant vous voir en elle.*^{*****}

Перевод:

* бессвязные речи.

** не раз.

*** Это для того, чтобы похвастаться и...

**** я пощажу вас. Скромный уважает скромность других.

***** На днях, будучи с нею, я смотрел на нее, надеясь увидеть в ней вас.

34

6 ноября 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Завтре ожидаю вашего письма, и сам завтре писать к вам буду, с чем и перешлю месяц октябрь «Утреннего света». Я, слава Богу, здоров и кое-как поживаю; счастлив, ежели вы, милостивый государь батюшка, и с сестрицею в добром здоровье и веселы. Я нынче ночевал у дядюшки и уж другую ночь: он без нас, как без рук, по крайней мере, как он говорит. Иван Матвеевич, мой товарищ, и теперь у него; а я уж ушел поутру затем, что мне надобно было зайти в академическую книжную лавку для подписки под «Утр<енний> свет» для Анны Андреевны. Сегодня был прекрасный день, и я, идучи тихонько, не один раз останавливался, особливо по набережной, чтоб насладиться видом Невы и ее окрестностей: это еще первый мороз, но такой, что с жарким солнечным сиянием его почти и не слышно. Вместо того, что накануне грязь было по колени, нынче не замараешь ноги. Тонкий туман, теряющий почти синеву свою в солнечных лучах, стоял вокруг берегов. Мне было мило, что я петербургский гражданин: вить все делает воображение. Чувства наши таковы, что представления столько нас прельщают, сколько мы хотим предаться прельщению и сладостным чувствованиям или и их противным. Вот для чего стойки, может быть, и не совсем неправы, утверждая, что истинный мудрец неразличителен к боли и удовольствию. Природа сама собою ненавидит печальных представлений; но мягкость нравов и воспитание придают нам новые чувства, которых владычество наконец становится отяготительно. Сарданапал лучше хотел сжечься, нежели вообразить лишение роскоши... Вот называется умствовать ни к стати, ни к числу. Но я затем и прошу извинения. Мои письма были бы чересчур одинаковы, хотя я и знаю, что они вам не по достоинству какому-нибудь угодны... В извинении имею я еще менее удачи, нежели в умствовании. Так осталось мне прибегнуть к дарованию рассказчика новостей, в котором я до этого довольно успевал. Да полно, что рассказывать? В три дни, которые протекли между прошедшим и нынешним письмом, какие дела я наделал? Да: вчера был я, разумеется, с дядюшкой, у Семена Саввича, там и обедали. И обедали на серебре. Сколько должен еще засвидетельствовать я поклонов от Семена Саввича, Аграфены Петровны,¹ детей и пр.? Они живут у Аничкова. Орлов, играючи на биллиарде, посклизнулся и убил себе бровь, так что вся почернела. Наш Красильников приказал в среду выходить и с векселем на гостиный двор. Сегодня я посылал к нему, и он приходил; да меня еще не было дома. Сегодня получил я письмо от Захара Матвеевича, о переводе которого мы только говорим, а о деле и не думаем. В именины мои хотелось бы мне быть у именинника, которого я особенно почитаю, да не удастся... Когда я воображу нежность милостивейшего родителя, я познаю сердечно мое уничижение и сомневаюсь быть когда-нибудь ее достойным. Всевышний собла<говол>ит услышать мои молитвы, молитвы от <сокру>шенного сердца о вашем здравии и благополучии. Я униженно прошу родительского благословения и остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.
1777 года нояб. 6 дня. С. Пет.

Матушка сестрица Федосья Никитишна!

Дай Бог! чтоб ты, увидевши постиллиона в передней, встала со стула и закричала: — «А! Это братцово письмо». — Дай Бог! чтоб ты, прочетши его, была веселее, сколько бы ни была весела прежде. Io chiedo,* может быть, non possibile cosa?** Чему радоваться, получа эдакий rogaton?*** Я никогда не открываю письма вашего, не поцеловавши его и не подумавши минуты... Я, у дядюшки будучи, читал «Персидские письма» г. Монтекиё. Прекрасные, но философа осьмого на десять века. А то тогда ж читал я дядюшке первый разговор Сократов о бессмертии души, в день его смерти, что в «Утреннем свете». Нет ничего божественнее. Я нынче читаю философов. По двадцать первому году вить... Ну! перестань же возноситься. Мы и в сорок лет дети. Прощай, маминька.

Перевод:

* Я спрашиваю (*итал.*).

** невозможную вещь (*итал.*).

*** пустяк.

35

7 ноября 1777

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Сей час только получил я любезнейшее письмо ваше и при нем одно к Сиверсу и одно к Зоричу. Сколько виню я себя, что пропустил почту. Пришел тогда только от дядюшки в ужасную грязь и хотел писать, да темень была такая, что Ванька, вправду сказать, отсоветовал. Я чувствовал и тогда вину свою и никогда ей не позабуду. Я просил еще, отъезжая, и вы обещать изволили не беспокоиться, ежели по случаю раз пропушу. Могу ли я утонуть, ходя через тот твердый и безопасный мост, каков Невский? Да нынче уж и прошло то время, что ходя вскакивал. Никто не размеривает более шагов своих в Питере, как я. Чем могу я довольно заплатить сию родительскую столь нежную и с беспрестанною боязливостью смешанную горячность... К завтраму назвался дядюшка ко мне обедать, так у меня приготавливаются. Я посылаю к вам сентябрь месяц и в скорости за сим октябрь, который теперь читает Хотяинцев. Я прошу нижайше Бога, чтобы благоволил он даровать мне удовольствие вас видеть и слышать здоровым; я остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший слуга и сын

Михайло Муравьев.

1777 году нояб. 7 д.

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Будь ты к радостям моим велика! Весела для себя и для батюшки, и... веселость есть нечто прельщающее, порука чистоты душевной. Облако не дает нам видеть солнечного восхода, туман холодный ложится по земле, и птицы опасаются зачать свое согласие. Конечно, за горизонтом далеко хранится грозная буря... Правда, что иногда и до половины дня ясный день, а после погода... Вот вздор после половины дня... Прощай.

Милостивому государю моему Ивану Петровичу нижайшее мое почтение и благодарность.

9 ноября 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Нынче поутру, собравшись к дядюшке итти, получил я ваше милостивое письмо от 3 ноября. Мы только что теперь отообедали у Храповицкого: это один капитан, который дядюшке считается в своих. И они еще теперь остались, а я пришел вам отвечать. Я весьма на себя сержусь, что пропущением почты навел вам столько беспокойства. Я виноват, так как я уже писал о сем и прежде, письма тогда не писал... Письма к Зоричу и времени еще подать не было. Вчерась обедал у меня дядюшка с обеими Иванами Матвеевичами, Ханыков и Довилье, прежний дядюшкин учитель. Играли в виски; я нет, для того что не умею. А нынче также надобно было быть у дядюшки, и все были чужие, так говорить о письме было некогда. Мы с большим Ив<аном> Матв<еевичем> советовались, и он думает, чтоб наперед попросить Ганнибала, которого-де Зорич особливо почитает, чтобы он взялся подать. Как бы то ни было, подать постараюсь. Причины на требование нет никакой, а только хочется... Нижайше прошу обо мне не беспокоиться. Пропущение письма произошло только от того, что поздно пришел от дядюшки в превеличайшую грязь, и темень была ужасная. Я не могу довольно возблагодарить вас за сию родительскую горячность, которая составляет благополучие моей жизни, и, прося вашего родительского благословения, остаюсь навсегда, милостивый государь мой батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года нояб. 9 дня. С. Петербург.

Милостивая государыня матушка сестрица Федосья Никитишна! Что ты здорова, что ты весела — спасибо. Поздравления, наприклад, не совсем скучны, *mais cela fatigue à la longue, comme les vers tout uniment.** Чистосердечие обитает в добродетельных; а в городе не все смеют быть добродетельными, и иногда очень пристало быть порочну... Ибо как он умеет оборотить в смех самые важные рассуждения, какой его *bon ton*,** когда он выводит на позорище добродушных мещан. Как он живет со вкусом!.. Не часто ли почти это самое мы слышим. *Voilà un échantillon en morale, courage; cela sera bientôt quelque chose.**** Киприану Ивановичу и его сожительнице прошу засвидетельствовать мое почтение; я ему особливо должен и особливо благодарю за то, что познакомил меня с Поповым. А более, ежели он позволит сказать, что он любит батюшку и нас искренне. Новобрачных прошу от меня поздравить, особливо Лукьяна: он достоин всего того, что может быть награждением честного и доброго человека. <J>e ne saurais pas dire cette nouvelle à mon pauvre, <нрзб.> cela lui déchirerait le coeur...**** Со мной, сударыня, привыкла ты ездить: вот хорошая фигура, я вас сердечно поздравляю, что вы лишились актера, который немую игру портит представлению. Еще когда Дмитревский с тем униженным актером, от которого получают *migraine*. Ah! Ah!***** Я вить еще и нынче не перестал действовать. Чем более коверкаешь, тем труднее... Правда, сударыня, что в Петербурге жить можно весело и с людьми, но ежели прежде можешь жить с собою. Человеку, собой недовольному в имеющему к тому причину, не веселы лучшие беседы. Этот вкус жить получается только в обществе разумных и добронравных. Прощай.

Перевод:

* но это утомляет в конце концов, как очень гладкие стихи.

** хороший тон

*** Вот образчик нравственности, мужества; из этого вскоре что-нибудь получится.

**** Я не осмелился бы сообщить эту новость моему бедняге, <нрзб> это растерзало бы ему сердце...

***** мигрень. Ах! Ах!

37

13 ноября 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Вчера по утра приехал к нам Захар Матвеевич и привез мне радостное известие, что вы уж вступили в казенную палату, с чем я ныне и имею честь вас, милостивый государь батюшка, поздравить. Мы все трое только теперь от дядюшки: вчера было его рождение. Четвертого дни обедал я у Анны Андреевны, где нас всех с двадцатеро было. Тот вечер в комедии виделся с многими моими приятелями. На другой день обедал у Ханыкова, где также обедали Веревкин и Рубан. От Барсова было ко мне письмо, но Рубан, через кого оно писано, переслал Семену Саввичу, а он — Ознобишину,¹ а между ими Бог знает где потерялось, что меня немножко и печалит. Я знаю, что в нем содержалось что-нибудь и от Собрания. А теперь я ничего не знаю. В Собрание наше принят членом Зорич и обещался стараться у государыни. Нынче довольно хороший мороз, и с третьего дни пронесло несколько льду, но теперь его нет. Красильников заплатил по своему векселю, и я его уже выдал. Сиверс еще не уехал, и буду я у него завтра. В прочем, прося усерднейше Бога о вашем здравии и вас о родительском благословении, навсегда пребываю, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года нояб. 13 дня. С. Петерб.

Матушка сестрица Федосья Никитична!

Ты желаешь быть в Питере: разве он есть жилище добродетели, одно достойное зависти? Разве забавы в нем утвердили свое убежище? Не натурально ли зачать эдак письмо свое? Прости, сударыня, и только рассмейся, а не бранись. Это делает пасмурная погода. Моралисты точно тогда рождаются, как умирают мухи... В прошедший раз представляли «Le Huron» и «Annette et Lu-bin».² В последнюю свечу я все болтал с Хемницером et ne m'en suis trouvé que mieux.** Как скоро в своих архитектурных книгах найду план ниши, так скоро к вам перешлю.

Милостивый государь дядюшка Никита Артемонович!

Я приехал в Петербург и, слава Богу, здоров и теперь стараюсь об переводе и просил Ивана Ивановича и Воейкова. Так обещали при перемене, а теперь я буду проситься еще в отпуск, чтоб мне не ехать в Москву. В прочем препоручаю себя в вашу милость и остаюсь навсегда ваш

всепокорнейший слуга и племянник Захар Муравьев.

Матушка сестрица Федосья Никитишна.

Здравствуй, я обещаюся вам вскоре прислать арию с русскими словами — и увертюры «Oublions jusqu'à la trace...» и «Lison dormait dans un bocage».³

Перевод:

* «Гуруна» и «Аннету и Любена».

** и только выиграл от этого.

*** «Забудем и самый след...» и «Лизон спала в роще».

16 ноября 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

На нынешней неделе получил я от вас два письма, из которых в первом изволили переслать ко мне три объявления и два бланкета для написания писем, а в последнем письмо к Федору Михайловичу и еще бланкет. За все сие приношу мою нижайшую и искреннюю благодарность. Я ее не могу довольно изобразить и довольствуюсь одним ее чувствованием. Во вторник ездил я к Сиверсу, по несчастию, не дошел для того, что отказали, приводя будто бы он тотчас едет в Новгород. Я уж не смею уверять об его отъезде. С месяц едет он всякий день и никогда не уезжает. Принужден был идти без успеха вон, счастлив, что еще близко было оттуда заехать к Новикову. В тот раз обновил я зиму с моим возницею Гараской, который опять вступил в чин свой. Бедный Рыжак уж чувствует свою старость так, как Фаворитка мой. Кажется, кормят; однако не очень казист, особливо шерсть стоит дыбом. Стоит разъездится, а уж куда ездить, недостатку не будет. Оттуда вздумалось ехать к Рубану, у которого взял читать Пиндара. И тот день обедал у Колокольцева. Был в театре, представляли «Федру»; наконец, чтобы сделать день сей совершенно прекрасным, ничего не доставало мне другого, как разделять сии удовольствия с вами. Сколько бы прибавилось к нему, если бы в представлении «Федры» был я с сестрицею. В ложе Анны Андреевны виделся я с Ал<ександром> Андр<еевичем> Ушаковым,¹ который в пятницу едет в Тверь. Мне быть у него не удалось, хотя бы и хотелось.

Эти дни был хороший мороз, так как и сегодня довольно резкий. Вчерась стала Нева; по Фонтанке уж ездят, по Неве положили доски. Сегодня дядюшка именинник и звал нас. Однако мы не пошли, а обедали с Иван<ом> Матв<еевичем> у Федора Михайловича, которому и вручил я письмо ваше... К Зоричу письмо стоит мне только переписать. Я с Афониним думаю видеться зав-тре. Может быть, не имею я довольно дарований и, во-первых, сих самых, чтоб сделать свое счастье. Что касается до жизни моей, она спокойна, тиха, иногда и не без увеселений, которые все протекают из вашей ко мне милости. Если вы здоровы и ко мне будете всегда продолжать сию драгоценную милость, то я счастлив. Я не вспомню никаких здешних новостей и думаю, что вы об них немного имеете попечения. В прочем, прося вашего родительского благословения, остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года нояб. 16 дня. С. Петерб.

Матушка сестрица, голубушка, Федосья Никитишна!

Я не знаю, как вы хотите разбирать мой griffonage. J'encours le blâme justement.* Но я знаю, что вы на меня не прогневитесь... Сколько вы меня обрадовали, когда пишете, что в мои именины у вас кто-нибудь были. Воображая это, покажусь я сам себе велик, велик... и так велик, что наконец становлюсь мал. Нет ничего обыкновеннее человеку, как противоречия... Нынче читал я Пиндара, которого не понимаю, и Уца, немецкого Горация и нашего современника. Вчерась, читая его, впало мне намарать сии четыре строки, которые вам сообщаю:

Хоть Темпу вобрази, где неба синий свод
Не знает никогда насилия погод,
Пенеев ясный ток, ключей паденье звучно,
Да глупость тут поставь, и в Темпе будет скучно.

И я сим, милостивый государь дядюшка, приношу мое всенижайшее почтение, с которым пребуду навсегда ваш покорнейший слуга и племянник

3. Муравьев.

Перевод:

* каракули. Я подвергаю себя порицаниям по справедливости.

39

21 ноября 1777

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Нынешний день тот, в который я получаю обыкновенно ваши милостивые письма; нынче я еще не получил. Ни на прошедшей неделе другого: дай Боже! чтобы все то произошло от одного недосугу вашего, ибо я знаю, что теперь вам трудов прибыло. Если вы и сестрица здоровы и вы мне всегда той же милости исполненный родитель, в чем сомневаться не осмелюсь, так я спокоен. Теперь, к несчастью, нет мне времени писать, и это пишу украдкой, затем что гости. Завтре буду писать по ямской. Мы все трое только теперь от Семена Саввича. Вчерась обедал я у Ададунова, в пятницу — у Анны Андреевны, которая ко мне очень ласкова. Красильников считает какие-то четыре рубли на нас, данные Лукьяну. Сказывает также, что Буренина денег собрано тысяч сорок, да за запрещением коммерц-коллегии не приступают к расплате. Государыня изволит ехать скоро в Сарское село. Я желаю и ревностно прошу Бога о вашем драгоценном здравии и остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года нояб. 21 дня. С. Пет.

Матушка сестрица Федосья Никитишна, я тебе желаю тысячи благополучий и себе твоей любви. <В рождественский> пост в отпуск.

40

23 ноября 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

После прошедшего письма моего, которое, потому что у нас были гости, кое-как успел написать, получил я ваши два милостивые письма. В первом вмещены были два объявления, за присылку которых приношу нижайшую благодарность. На вторник ночевал у нас Николай Федорович, а нынче обедал Ипполит Тимофеевич Пучков...¹ Здесь рассказывают происшедшую между наших гусарских некоторых полков и татар несчастную с нашей стороны ошибку. Полковники Любимов и Дунин убиты.² Государыня в понедельник изволила кушать у нашего подполковника. Погода здесь стоит гнилая; через реку хотя инде где и ездят, но если не подспеют морозы, так чуть ли ей не разойтись. Вот сколько ничего не значащих новостей. Что касается до моего отпуска, мне его не желать невозможно, когда вы меня видеть желаете. Но мне стыдно явиться, ничего не сделавши. Сочинение, о котором упоминать изволите, к смущению моему не сделано; однако ж не так, чтоб я от него

49

отрекся. Целую «Механику» выдавать показалось мне с моими знаниями чуть ли не бесполезно. Я не говорю о трудности, без ней нет никакого дела на свете. Но чтоб на нее отважиться, надобно ее измерить. Так я было зачал маленькое слово о движении вообще, в виде письма к одному адъютанту Академии, я разумею Головина, которого бы мог назвать и нет. Также хочется окончить первую книгу «Тускуланских вопросов».³ На сие беру я себе времени четыре недели. В прочем, нижайше прошу вас подвергнуть все сие собственной воле вашей, которой повиноваться мне столь приятно, сколь и должно. Я пишу также для московского Собрания слово о происхождении и свойствах оды, чем я и удовольствую на нынешний год мое звание члена. Захар Матвеевич переведен в здешний Канонерский полк. Я препоручаю себя с нижайшей преданностью родительской милости и по гроб мой буду, милостивый государь мой батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.
1777 года нояб. 23 дня. С. Петерб.

Матушка сестрица Федосья Никитична! Твое нынешнее письмо не требует надписи, чтоб быть верно адресовано. Посудим вместе: ах! зачем могу я только судить в трагедии, а не быть сужден. Хемницер мне это упрекает. А ты еще упоминаешь «Болеслава»! Это значит раздирать *mes entrailles paternelles*;* это значит попрекать невоспитанного сына, — *que dis-je, un fils étouffé dans sa naissance... Je donne dans le Phébus*.** Прочти-ка, сударыня, «Семиру». «Синав», я не знаю для чего, мне еще не столько нравится, как «Хорев». Сии три трагедии суть его *chefs-d'oeuvre*.*** По-моему, Захар Матвеевич вчера подцепил себе дуэты и их разыгрывает; Иван Матвеевич в военном восторге читает в другой раз Фоларда⁴ и чертит атаки, переправы, броды... Я читаю Пиндара, Уца, Раммлера⁵ для моего слова об оде. Завтре все рассеемся, и я буду в мундире. Поверь, матушка, что я нередко тебя вспоминаю и виню себя, что так давно хочу покупать струны и пересылать к вам и все медлю.

Перевод:

* мою родительскую утробу.

** что я говорю, — удушенного при рождении... Я впадаю в преувеличение.

*** шедевры.

41

27 ноября 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

В сердце моем содержу я сии меня опечаливающие строки, в которых нежнейший родитель дает мне знать небрежение моей должности. Я прошу нижайше прощения.

Петр Андреевич¹ был у меня вчерась, а я третьегодня, хотя и ходил, но не застал. В Преображенском полку, сказывают, мал будет доклад, так что и Демидовым,² которые были прежде в нашем полку и старее меня ровно двумя годами в сержантах, едва ли достанется. Нынешнюю неделю я наряжен на дежурство в школу и спешу туда теперь в два часа пополудни.

Я не прежде получу маленькое успокоение, как когда удостоюсь быть разрешену в гневе милости преисполненного родителя, и которого благодеяния тем больше чувствую, чем более уверяюсь, что я их не заслуживаю. Нет ни одной моей молитвы к Богу, разлученной с желанием вашего драгоценного здравия.

Нетерпеливо жду завтрешнего письма, ежели оно есть. Наполнен почтительнейшей преданности, препоручаю себя в вашу родительскую волю, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.
1777 года ноября 27 дня. С. Петерб.

Матушка сестрица Федосья Никитична, я не могу оставить без изъявления благодарности за ваши, помнится, два последние письма. Желание мне подать удовольствие уж одно достойно тысячи благодарностей. Я не заслуживаю той горячности, которую вы мне оказываете, но которая приносит честь душе, ее чувствующей...

Не очень давно был я у Соймонова³ с письмом от батюшки. Какой это добрый человек! Я не хочу вам более описывать... Я, сударыня, нынче на дежурстве с прапорщиком Кошелевым. Нынче, или, лучше, теперь был у меня племянник Тимофея Ивановича.

42

30 ноября 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Сколько обрадован я, получив ваше драгоценное письмо! Я смущен, что мое нетерпение вырвало у меня признание моей печали. Но сколь трудно чувствовать свою виновность и быть в оной доказану особой, от коей привык получать одни только милости. Кажется, что уже тогда все тебя оставляет и нет извинения. Мало я знал сердце ваше, которое всегда выше слабостей других. Чувствие вины моей было весьма искренно, чтобы отвергнуть справедливое обвинение.

...Но неприметно говорю я более, нежели намерился. Итак, чтоб обратиться к делу: из прежнего письма вам уже известно, что нынешнюю неделю я в школе на дежурстве с офицером Кошелевым, препятствие неожиданное, но которое с одной стороны, тем мне приятно, что это будет хоть вид службы. Скучно чувствовать себя бесполезным. Вчера, пришед из школы в полдень, нашел я у себя дядюшку Льва Андреевича,¹ который приехал по делам своим в банке на несколько дней. У нас слышно, что доклад будет велик и выдет около сорока человек сержантов. Капитаны-поручики все, кроме входящих в капитаны, идут вон. Так что Ник<олаю> Александр<овичу> Соймонову из поручиков достается в капитаны. Напротив того, в Преображенском две или три вакансии... Новиков дожидается выходу третьего месяца ноября, который нынче на сих днях чтоб послать по подпискам в Тверь; для того-де, что если бы посылать по месяцу, так бы не стоили книги пересылки. Дядюшка Матвей Артемон<ович> выдает Марью² за гарнизонного майора Рябова. Завтре маскарад, где разве по распущении школы я буду ли или нет. Захар Матв<еевич> наряжен на завтре в трехсутошный караул. В прочем, прося вашей родительской к себе милости, остаюсь по жизнь мою ваш

нижайший сын и слуга Михайло Муравьев.
1777 года нояб. 30 дня. С. Петерб.

Милостивая государыня моя сестрица Федосья Никитишна! Может быть, недолго продолжится наша переписка, и роман окончится приездом героя в Тверь затем, что описания станций, ямов и ямщиков не столь блистающи, как переезд из Карфагена в Сицилию, и что промеж Тверью и Новгорода не разъезжают корсары, чтоб утащить в Алжир, для наполнения повестию второго на десять тома.

При сем и я вам, милостивый государь мой Никита Артамонович, свидетельствую мое нижайшее почтение и при том за дозволение любезного вашего сына Михаила Никитича покорно благодарствую, что пустить пожаловал меня пристать несколько время в дом ваш, а более видя его к себе приятельство и ласковость, и за то повторяю моею благодарностию и остаюсь вам, милостивый государь мой, покорным слугою
Л. Б.

Голубушке моей любезной — Федосье Никитишне поклоны ее дяди.

43

4 декабря 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Наконец, сменился я с своего дежурства. Должность нетрудная, но прескучная, если хотеть сколько-нибудь ее исполнять. Теперь с тем большим рачением обращаюсь к небольшим трудам своим, что целую неделю от них почти вовсе отвращен был. Дядюшка Лев Андреевич завтра ехать намерен в Новгород, хотя, кажется, смотря на погоду и не вероятно. В прошедшую пятницу был при дворе маскарад, в котором и я был. Дядюшка Матвей Артемонович кланяется; у него почти всякий день люди по причине свадьбы Марьи, которую он выдает за майора Рябова. Я нижайше прошу потерпеть еще на мне медление в рассуждении исполнения вашего приказания, которое без сомнения исполню. К рождеству, если приказать изволите, в Тверь стараться буду приехать. Разрешение великой княгини от бремени назначивают на 10 или 11 число. Мих<айло> Матв<еевич> Херасков только ожидает дороги, чтоб отправиться в Москву. Я желаю от всего сердца моего, чтоб он и сестрица были всегда здоровы и веселы и, препоручая себя в вашу родительскую милость, остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.
1777 года дек. 4 дня. С. Пет.

Милостивая государыня матушка сестрица! я пишу к вам с условием, чтоб прочесть Захару Матвеевичу, который этого хочет неотменно. Он только теперь отчеркал свою грамоту и раза четыре невступно ее мне прочитал. Мы сидим в кабинете, а за стеной nous entendons les discours de quelques gentilshommes campagnards qui sont venus voir mon oncle.* Я, сударыня, был в маскараде и застал несколько оперы: играли «Лучинду». последнюю пьесу нашего Колтелини.¹ Он уж покойник. Там виделся с некоторыми из моих знакомых, особливо с Хемницером, которого принужден был отгадать. Пробыл до второго и не дождался той чести, которой дождались многие. Гофмаршал, которому должно дожждаться конца, приказал сперва перестать музыке: этого недовольно, стали гасить свечи. Наконец, двинулись вон. Я танцевал — и что? один только польск... Вчерась для меня был день очень веселый. Это было год, как я принят в Собрание. Я бесился по наряду. Был у Хераскова, но только что посидел, затем что он не обедал дома. Оттуда заезжал в караульню к Захару Матв<еевичу>, который только ныне с караулу. Ив<ан> Матв<еевич> за рекой.

Милостивый государь батюшка Никита Артемонович!

И я вам свидетельствую мое почтение; а Ивана Матвейча дома нет. Он все у дядюшки Матвея Артемоновича в створах Марьи Гавриловны. А я с моим достождным почитанием пребуду навсегда ваш, милостивого государя дядюшки, всепокорнейший слуга

Захар Муравьев.

Перевод:

* слышим речи нескольких дворян, которые приехали из деревень своих, чтобы повидать дядюшку.

44

7 декабря 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Нынешнее после обеда получил ваше, милостивый государь батюшка, любезнейшее писание, за кое не могу довольно возблагодарить. Признаюсь, что я долго не смел его распечатывать, приготавливаясь ко справедливым обвинениям, которые все я очень заслуживаю. Но снисхождение, с которым вы изволите пред глаза предлагать мою пользу, мою должность или, справедливее сказать, дух кротости, дышащий во всякой строке письма сего, наполнил меня утешающею радостью. Чувствие, которое водило пером вашим, преселяется в душу читающего. Я ласкаю себя, что моя, может быть, чувствует его еще живее, будучи с вашею сродна. Что ваше это удовольствие, чтоб знать, что я вас люблю; на сие не могу я ответствовать так и столько, как хотел бы. Сочинение, которого вы от меня требовать изволите, будет под заглавием: «Письмо о теории движения, одного члена Вольного российского собрания, к Г... адъютанту Санктп. Академии наук». Вступление в оное давно уже написано, и я им доволен. Продолжается мною ныне действительно. Я не предложил себе из оного сделать сочинение основательное, затем что сие не моих сил требует. Не такое, чтоб математик читал с пользою, но человек, имеющий просвещения, чтоб жить в свете, просмотрел бы с удовольствием. Я не имею еще установившегося слога в языке, но который имею не довольно сообразен с важностью философа. И это будет приметно; но с моей стороны тем выгодно, что наполнит то, чего не будет доставать в глубокости дела. Зачинается выпискою понятий, которые имели о движении Аристотель, Картезий и Вольф, затем что оно было понятие метафизическое. Таким образом, буду я иметь случай почерпать и в метафизике и в математике, и округ материи расширится... Что губернатор получил приглашение в Экономическое общество, сие сделано в исполнение их устава, где предписывается всех членов выбирать баллотированием, а губернаторов, желающих быть в оном, без баллотировки. Дядюшка Лев Андреевич был остановлен здесь погодою, затем что зиму было совсем согнало. Но, несмотря на все, намерен он завтра выехать. В прочем, прося вашего родительского благословения, остаюсь навек, милостивый государь батюшка! ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.
1777 года дек. 7 дня. С. Петерб.

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Твои любезные письма суть свидетельства твоей ко мне любви, ежели б я их требовал. Сколько я тебя люблю, матушка, и это стараться буду доказать, трудясь над тем, чего от меня батюшка желает и что вы мне советуете. Татьяна Петр<овна> прислала письмо с Исаком и просит переслать. Она живет у дядюшки М<атвея> Арт<еминовича>.

Милостивый государь дядюшка Никита Артемонович!

Что вы изволите писать об моем долге, то это правда, что я должен Воронову 48 р., но мои вещи не в закладе, но оставлены по нужде, что <с> собой не мог взять, а Воронов писал ко мне, чтоб я скорее взял лошадь, потому что она содержанием своим

дорого стоит, в рассуждении чего я и послал Матиса в Москву, а чтоб вещи мои не стоили этих денег, то одна лошадь стоит оных; но там еще моя плисова шуба, инструмент, шарф и еще много вещей, а я в генваре, взяв жалования, пошло 25 р<ублей>. В прочем препоручаю себя в вашу милость и пребуду навсегда ваш, милостивого государя дядюшки, всепокорнейший слуга

Захар Муравьев.

45

11 декабря 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Продолжающиеся сряду дни четыре особливо для меня прекрасны и могут быть превзойдены только нынешним утром, в которое я был столько счастлив, чтоб получить вдруг два письма от родителя, который умеет любить меня более, нежели я, и от сестры, которая хочет меня видеть столь усердно; но лучше хочет видеть позже и дать мне время сделать что-нибудь к моему счастью. Если чувствования сердца дают нам лучшим образом вкушать бытие наше, ничего не может сравниться с удовольствием, которое всего меня наполнило при чтении ваших писем. Чем могу я возблагодарить, не за пересылку денег, ибо не деньги мне дороги, в которых я не имею нужды, но за нежное попечение, управлявшее сим намерением. Мне только оскорбителен поворот на себя: я уж столько стою, а еще не заработал ни единого мгновения моей жизни. В прошедший четверг, когда я к вам писал, на вечер прискакал к нам Николай Федорович с колокольчиком. Он поехал в отпуск, и первый ночлег его был у нас. Вообразите, сколько нас тогда было. Лев Андреевич, который к нам так добр был и с нами играл в шашки, к нему же пришедшие его родственники и один из них ландмилицких служеб. Это обстоятельство важно. Нас четыре брата. Сколько разных нравов. В пятницу, пуще по присоветованию дядюшки, пошел я с Зах<аром> Матв<еевичем>. Он в театр, я к Афонину. Нашел его в зале у Зорича; открыл ему свою нужду и получил совет его: ежели подавать, лучше подать ввечеру. Итак, я оттуда опрометью домой. Не нашедши довольно по вкусу моему, что я прежде было начеркал, сочинил я опять снова письмо, прибежал, перерядившись в мундир, ждал, ждал со всеми до второго часу, и как Зорич не выходил, так мы, у него поужинав, и разъехались. На другой день по утру дядюшка поехал затем, что стала наконец зима. После обеда к Зоричу, он вышел, и я письмо ему подал, спросил от кого, распечатал и, обратившись к свечам, посмотрел. Сказал, что ответствовать будет. Потом, ко всякому подходя, обошел кружок наш и откланялся. Надобно знать, что с ним говорить улучают вечер. Вчера был у него по утру, но видел только со всеми. Афонин рассказывает, что он прежде чтения просил его обо мне. Другой секретарь, который читал, говорит, что Зорич не сказал, как обыкновенно-де, ничего. Однако дело это не так великое. Надобно будет напомнить. Третьегодни обедал я с Анной Андреевной в аглинском трактире. Вчерась у ней обедал, целый день сидел, читал, говорил. День этот был для меня столько весел, столько приятен, что я не много их знаю в моей жизни. Простите меня, батюшка, что я не пишу более, у меня гости, и боюсь опоздать. Прошедшую почту разбила. Генерал-полицмейстер сменен, и Дм<итрий> Вас<ильевич> Волков на его место. Мое механическое сочинение делается действительно. Стоит только зачать, так и поневоле будешь привязан. Я полн моим благополучием и об одном прошу Бога, чтоб вы были здоровы, веселы. Я остаюсь навсегда с нижайшим почтением, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.
1777 года декаб. 11 дня.

Матушка сестрица, прости, что я писать к тебе ничего не успею. Анна Андреевна мне попрекает, что я так мало попечения имею переслать тебе, матушка, что-нибудь чтения достойное.

46

14 декабря 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Ваше милостивое письмо от 8 числа нынешнего месяца получил исправно, за что и приношу чувствительнейшую благодарность. Вы изволите упоминать о посылке одеяла и маскарадного платья через приказчика Твердышева. Давно уже дошла она до рук моих, первым одеваюсь, а во втором был уже в маскараде первое декабря. Имею честь поздравить с общею радостью нашего отечества, с рождением сына Александра великому князю. Разрешилась от бремени великая княгиня 12 число в три четверти одиннадцатого по утру. В четыре часа был я у Зорича.

Видна была радость на лице его; к чести его должно признаться, что он не забывает бедных и говорит, чтоб народ чувствовал эту радость, должно ему напомнить милостями. И как толпа бесперестанно с ним и вокруг его движется, дошел он и до меня, и как я ему поклонился, то он, также мне поклонясь, сказал мне: — «Вашему батюшке буду я отвечать». — Тут сказал мне Петр Андреевич Мантуров, что он уже послал к вам новый календарь. Я прежде уже писал к вам, батюшка, что Новиков поджидал третьего месяца, чтоб переслать в Тверь к подписавшимся «Утренний свет». Печати я еще не заказывал, а перед Алексеем Миничем¹ виноват, что не отвечивал; дело же все исполнил, которое на меня он наложил. Дядюшка приказывает кланяться: он занят свадьбою Марьи Гавриловны. Захар Матв<еевич> к вам отвечивал; да я думаю, что на той почте, которая разграблена. В Москве он должен сорок восемь рублей, что далеко вещи его превосходят. Да я ж сам видел письмо от того, у кого они теперь, в коем он просит их взять. Я прошу Бога, ежели достоин я быть услышан, чтоб он мне подал средства исполнить ваши намерения и приказания и, препоручая себя в родительскую милость, остаюсь навсегда с сыновним почитанием, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года дек. 14 дня. С. Петерб.

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Голубушка, твои любезные, твои трогательные письма наполнены de je ne sais quelle teinte de mélancolie. Serait-il possible que dans un âge, tel que le vôtre, où le coeur ne s'ouvre qu'aux plaisirs de la vie, vous ne vous arrêtiez qu'à ses chagrins? Ma chère amie, ma chère soeur! Ce sentiment de vous voir seule pèserait-il si fort à votre âme? Ce sentiment qui nous fait goûter le bonheur, l'amitié, ne fait-elle que vous affliger? Vous aviez ce sérieux doux, imposant, vous l'avez conservé; mais plus de cette tranquillité... Le 7 de ce mois Nicolas, votre Colas, est parti pour Bernov, il passera à Twer. Vous auriez la bonté de lui faire agréer mes compliments. Au nom de Dieu soyez un peu plus éveillée, ma chère amie! Vous ne croiriez pas à élanement qui m'emporte dans ce moment jusqu'à des pleurs... doux, parce que c'est vous, qui en êtes l'objet.

O toi, qui m'est si chère, Soupçonnes-tu mon coeur? Voudrais-tu de ton père Détruire le bonheur? Le plus simple mystère Peut rompre de beaux noeuds Et quand on craint un père Est-on bien vertueux.

Rozoy. «Henri IV». *Drame lyrique?**

Перевод:

* каким-то меланхолическим оттенком. Возможно ли, чтобы в вашем возрасте, когда сердце открыто лишь радостям жизни, вы не остановились бы ни на чем, кроме печали. Любезный друг мой, любезная сестрица! Должно ли столь сильно тяготить вашу душу это чувство одиночества? Это чувство, которое побуждает нас наслаждаться счастьем, дружбой, вас только печалит? Вам была свойственна эта милая внушающая почтение серьезность, вы ее сохранили, но нет у вас более спокойствия. 7-го этого месяца Николай, ваш Кола, уехал в Берново, он проедет через Тверь. Сделайте милость, передайте ему мой поклон. Ради Бога, будьте немного повеселее, любезный друг! Вы не поверили бы, что в эту минуту глаза мои наполнены слезами сладостными, ибо предмет их — вы.

О ты, что столь любезна мне, сомневаешься ли ты в моем сердце? Хочешь ли ты разрушить счастье твоего отца? Самая простая тайна может разорвать нежные узы, и разве остаешься добродетельным, когда страшишься отца.

Розуа. «Генрих IV». Лирическая драма²

47

18 декабря 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

С сердечным прискорбием вижу я приближение праздников, затем, что я не могу их разделить с вами. Всякое утро, что пробужусь, представится мне множество дел, которые ожидают меня, и малое тех число, которые исполнил. Вчерась был, например, для меня день весьма приятный, затем, что я был весь дома и одинехонек. И делал кое-что, и это услаждает, когда чувствуешь свое уединение не бесполезным. Третьего дня, напротив того, просидел до поздних у Анны Андреевны. Нет ничего любезнее ее обхождения, и молодой человек не одно только удовольствие почерпать в нем может, но и преподнейшее наставление, тем более, что не приметно. Но для меня, которому должно время быть так дорого, терять целые дни неизвинительно. У Зорича в сии четыре дни хотя и был, но его не видал. Афонин зашиб ногу и болен. Вчерась было назначили быть крещенью новорожденного князя, но отсрочено. Крестить будут сама государыня, императрица-королева, император, короли прусский и шведский. Я нынешний вечер еду, по приглашению Ник<олая> Ал<ександровича> Львова, в дом Бакунина, где собравшееся общество будут играть комедию и опера-комик. Комедия будет «Игрок» г. Реньяра, в которой Николай Александрович будет играть отца, а опера-комик называется «Колония», содержанием своим хотя и не много значащая, но превосходной музыки. Петь будут Марья Алекс<еевна> и Катерина Алексеевна Дьяковы, большой их брат и еще... не знаю. Давно уж из Устрехи прислана ко мне копия с крепостей, немного позавалявшаяся, с тем, чтоб ее здесь из книг выписать. Для сего надобно бы, чтобы вы изволили ко мне прислать верующее письмо, так как и другое, для прошения об отказе. Анна Андреевна давно просит меня отписать к вам, милостивый государь батюшка, свое чувствительнейшее благодарение. Она себя клевет лению и просит извинения. Татьяну Петровну дядя Матв<ей> Артемонович что-то не полюбил и чуть не выгнал. Я не знаю ей советовать; однако ж она почти живет у нас. Хочет итти к Анне Андреевне. Я не нахожу для ней и в том ничего лучшего. Простите мне, милостивый государь батюшка, сии маленькие подробности, которые только вашею родительскою милостью извинены быть могут. Если Бог услышит мои ревностные обеты, то я буду еще долго счастлив вашей милостию, чувствами роди-

тельского сердца. Я остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка! ваш нижайший сын и слуга

Михаило Муравьев.
1777 года дек. 18 дня. С. Петер.

Матушка сестрица Федосья Никитишна!

Завтре ожидаю я увидеть черты твоей милой руки, полн неизвестности, увижу ль в них светлое спокойство души твоей, или всегда нечто скучное будет примешиваться к их прелестям. Ежели б знал я способы, я бы спешил захватить сколько я могу веселий, чтоб ими тебя окружить. Добродетельность, дружество, чувствования природы и родства, чувствования не менее драгоценный дружбы, чтение, приближающее души, благоразумное упражнение, — вот спутники спокойства. Я ж знаю твою душу: ее имея, можно быть счастливой. Ты трогаешься чувствованием, ты любишь человечество, ты знаешь цену долга, добродетели. Тиха, нежна, чистосердечна; чего тебе недостает? Одна глупость не терпит себя.

48

21 декабря 1777

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Сделайте милость и поверьте моему слову, что леньность моя не имеет боле власти надо мной. Но еще большую мне притом окажите милость и не исключите меня из отеческого сердца. Ныне обедал я у Хераскова; затем, что сам он мне приказал: он едет 7 генваря. Завтра отправляются в деревню Иван М<атвеевич> и З<ахар> Матв<еевич>. Вчерась было крещение великого князя; Зорича я дожидаюсь, дожидаюсь и дожидаться не могу. Петр Андр<еевич> Мантуров скоро возвратится в Тверь с письмом к губернатору и наместнику. Я сам слышал, что подполковник мой наместником и тому не рад.¹ Все мое желание только в том, чтобы Бог сохранил ваше здравие невредимо. Я прошу униженнейше родительского благословения, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.
1777 года дек. 21 дня. Г. Петерб.

Матушка сестрица Федосья Никитична!

Прошедшее письмо твое, как и все другие, мне мило; но вместе дает мне знать упражнение твоих мыслей, что их занимает. Всегда упражняться им достойно человека, похвально и отрадно. Но для чего не позволить себе и невинных увеселений, позволяемых возрастом? Воспаление воображения может быть мукою душ чувствительных. Бог требует от слабого человека человеческого и поклонения. Любить ближнего есть наилучшим образом любить Бога. Ты всегда не здорова, это меня оскорбляет... Пожалуйста, у де ла Тура возьми Буало, сделай милость. Я еду к Бакуниным: у них представляют нынче «Игрока». Будь здорова, счастлива. Прощай.

22 декабря 1777

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Я не могу изобразить чувствий, объемлющих меня вместе и попеременно меня поражающих: знание моего недостойнства, ваши драгоценные мне попечения желание исполнить их хоть несколько, испытания самого себя, всегда почти оскорбляющие, составляют состояние души моей. Зорич хотел ответственность: я не знаю, как ему это с успехом напомнить. Я намереваюсь издать свои «Новые лирические опыты»,¹ которые я читал вчера Хераскову, и испрашиваю на то вашего позволения. Простите, милостивый государь батюшка! я боюсь справедливо навлечь на себя гнев ваш моим угрюмым письмом; но скорость времени и собственное мое состояние вырвали его у меня. Одного только прошу, и прошу сердца моего устами, чтоб вы сохранили к сыну своему милости, составляющие его спокойствие и счастье. Я пребываю навек с униженнейшим почтением, милостивый государь батюшка! ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года дек. 22 дня. С. Петерб.

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Я посылаю к вам *les poésies past<orales> de mr Léonard.**² Ты не можешь читать Геснера на его языке, а это его лучший подражатель. Я прошу тебя, матушка, ради меня, ради твоей, если я еще имею право, любезной мне дружбы, прочти его, прочти, матушка. Сама разрежь его по листам и прочитай. Я не имею удовольствия знать, читала ли ты оперы комические Мармонтеллы и что ты по чтении всякой из них чувствовала, нравились ли они тебе и которая как показалась. «Инки» его же получила ли ты от Ник<олая> Федоровича, который, я думаю, в Бернове, и прочла ли? Не отдавай в переплет, матушка, а прочти наперед, а то без того позабудется читать, а это право достойно. Не откажи мне чувствований сестры, не пренебреги моих стараний, так и для того, что я в них интересуюсь. Голубушка! Я тебя поручаю Богу, который людей любит более, нежели они самих себя, то есть просвещеннее. Я вчера был у Анны Андр<еевны>, у Хераскова, вечер у Бакуниных, где представляли «Игрока». День был для меня счастливый, но об котором может быть буду раскаиваться, что чересчур был весел.

Перевод:

* пастушеские стихотворения г. Леонара.

25 декабря 1777

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Имею честь всеусерднейше вас с сегодняшним праздником поздравить. Я нынче разговляюсь у дядюшки, который завтра поедет в Новгород и пробудет, я думаю, до крещенья. Нижайшее приношу благодарение за письмо, мною вчера полученное от 18 декабря. Зоричев секретарь, г. Гизелевский,¹ уверяет меня, что он ему еще доложит и избирает время. У князя Козловского буду я конечно... Я не могу себя приневолить умолчать, что я нынешнюю неделю был на трех спектаклях у Бакунина, которые заслуживали быть видимы. Я не знаю, буду ли я иметь столько истинных удовольствий

на святках. По крайней мере, уж я лишен того, чтоб видеть вас и сестрицу. Я нынче часто бываю у Анны Андреевны и думаю это сказать в свой авантаж. Все мне предсказывает, что я скоро поеду в Тверь: внутреннее мое удовольствие опять возвращается, как с начала моего здесь пребывания. Ничто не может сравниться с горячностью моих желаний вас увидеть здоровых и благополучных. Я пребываю навсегда, целую ваши родительские руки, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.
1777 г. дек. 25 дня. С. Петерб.

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Ты много потеряла, что не получишь письма от меня в то время, как я вышел из представления «Колонии», прекрасной «Колонии». Я мало скажу, что был обволхвован, j'étais divinisé. Que la vertu a reçu d'attraits pour moi! Qu'elle est belle...* Это все вздор, что я тебе напишу. Je réserve les détails pour le tête-à-tête. Maman! Je t'aime de tout mon coeur, je baise tes petites pattes. Adieu.**

Государю моему и любезному другу Николаю Федоровичу посылаю я поклон из самых выразительных. О, как я жалею, что он существа своего только половину чувствует: он не видал «Колонии». Он не слышал Марии Алексеевны поющей: «je pars au désespoir, pour ne te plus voir».**³ Однако он обещал ко мне писать.

Перевод:

* я был на небесах. Сколь прелестна добродетель для меня! Как прекрасна!..

** Я сохраню подробности до встречи. Маминька! Я тебя люблю от всего сердца. Я целую твои ручки. Прощай.

*** «я удаляюсь в отчаянии, чтобы больше никогда тебя не увидеть».

51

28 декабря 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Какою радостью наполнило меня и теперь еще наполняет милостивое письмо ваше, которое держу в руках моих и перечитываю с восхищением? Соблюдайте сии для меня милые чувства. Что я говорю? Вы их всегда соблюдали. Но прошу вас для ради общих сих удовольствий, внушаемых природою и которых вы для меня священный источник, не беспокойтесь только для того, что я позднее или ранее буду офицером. Сохрани меня Господи, чтоб я хотя тайно и сам подумал возложить вину на вас: сколько утешений имел я вместо того, которые мне с излишеством платят сию потерю, ежели она есть. Вы простите здесь мне мои забавы, я довольно весел. Между прочим, часто бываю у Анны Андреевны. Нынче я опоздал писать письмо и спешу застать почту. Зорич нельзя сказать, чтоб не был приятен: а и то правда, что не обо всем пойдет к государыне, а также час выбирает. Сей вечер употреблю я над своим сочинением. Дядюшка во вторник поехал в Новгород и к вам писал.

Я полн чувствием моего удовольствия и собираю себе несколько мгновений над ним душе моей успокоиться. Приказания ваши исполнены будут. Дай Боже, чтобы вы были здоровы, чтоб всегда я удостоился получать столь милостивые родителя моего писания. По гроб мой пребуду я с сим ревностным и глубоким почтением, милостивый государь батюшка! ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.
1777 года дек. 28 дня. С. Петерб.

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Всею душой моею принимаю твои милые строки, целую их, je les savoure.* Принимаю твои ласки: они мне дороги. Давай себе увеселения, невинные игры и вспомни, что позволяешь их себе для меня. И твои прекрасные дни не должен заслонять облак, хотя тончайший. Сколько я радуюсь, что Авдотья Александровна теперь в Твери. Из ее обхождения почерпнешь ты ясность и спокойствие... Сколь сладко проникается благовоние розы дыханием близкой фиалки! Прочти, матушка, «Инки» Марм<онтеля>, его оп<еры>-ком<ик> и Леонара. Сделай милость. Николаю Федоровичу, Анне Федоровне, Ивану Петровичу усерднейшее почтение. Сколько я виноват перед матушкой Любовью Федоровной!

Перевод:

* наслаждаюсь ими.

52

1 января 1778

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Нынешний день — новый год и день желаний. Почта делает мне сегодня услугу, что я мои переслать могу в Тверь. Имею честь усерднейше вас, милостивый государь батюшка, поздравить. Исполнение желаний не есть еще совершенное счастье; дай Бог, чтоб они не истощились, и всегда бы чего-нибудь желать оставалось.

При дворе сегодня не было ничего объявлено, следовательно, и гвардейские доклады не вышли. А полагают днем всех сих веселостей 23 число сего месяца, так как выздоровление великой княгини. Федор Яковлевич, наш майор, у которого я был нынче по утру, приказал вам засвидетельствовать свое почтение. Я с ним вчерась вместе был у Бакунина на представлении оперы. Не можно быть более довольным, как я им. Он столько говорил со мной ласкового и собственно меня обязывающего, что заставляет себя любить. Сколько я нынче обходил, это не можно вдруг рассказать. Марка Федорович уж тому неделю, как сюда приехал. Татьяна Петровна живет у Анны Андреевны. Ее Гурьев здесь. Анна Андреевна в ее сторону ввела Михаила Ивановича Мордвинова, который ему приятель. Он ответствует, что отдать он хочет, но не ей одной, а раздела с сестрою.

Николай Иванович Новиков просил у меня сего письма, чтоб вместе переслать с журналом нынешнего месяца. Он не знает, получены ли в Твери прежние месяцы, им посланные. Обстоятельства сего приключения наводят ему сие сомнение. Вот как оно происходило. Ошибкою почтамта, вместо того, чтоб послать в Тверь, послали они в Москву. Оттуда, увидевши, что посылка надписана в Тверь, назад переслали сюда. Ник<олай> Ив<анович> пакет сей снова перепечатал и приложил письмо к вам от издателя журнала, в котором он благодарит вас за принятие на себя сей комиссии. Ему очень хочется знать, дошел ли сей пакет в Тверь, и ежели не дошел, так убыток их принимает он на себя и пошлет другие экземпляры вновь. Нижайше прошу, милостивый государь батюшка, о сем меня уведомить. В прочем, препоручая себя особливо в сей день в вашу родительскую милость, с глубочайшим почтением пребываю, милостивый государь батюшка! ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.
1778 года генв. 1 дня. С. Петерб.

Матушка сестрица Федосья Никитична! Новый год... et vous m'entendez...* Все, все, что называется счастьем, что человеку любезно, я желаю вам. Не диво! Затем, что

все то же желаете и вы мне. Grand merci! ** Государыне нашей по всей земле слава! Нынче Васильев вечер, и у меня есть один impertinent и cher ami,*** который именинник и к которому я противу совести не еду... От детей Марка Федоровича в первый раз слышу, что я де ла Туру друг. Я очень сожалею, что не могу его désabuser.**** Сделай милость и возьми, матушка, у этого нахала (je me fais violence en le nommant si doucement) ***** мои книги Буало и Сумароковы оды. Я был вчерась на представлении «Колонии», и еще лучше представляли, нежели в первый раз. Всем этим одолжен я Николаю Александровичу... Ну, я скучаю тебе. Прощай.

Николаю Федоровичу, Алексею Миничу, Ивану Петровичу, моим милостивым государям, приношу покорнейшие почтения и желаю всякого благополучия.

Перевод:

* и вы меня понимаете.

** Большое спасибо.

*** дерзкий <и> дорогой друг.

**** разубедить.

***** я делаю насилие над собой, называя его так мягко.

53

4 января 1778

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Я не знаю, получили ли вы от меня письмо на прошедшей почте: Николай Иванович Новиков просил меня, чтоб я, написав его, к нему прислал, а он бы приложил его к своей посылке в Тверь, адресованную к вам. Я еще не имел времени справиться, послал ли он его точно в понедельник. В противном случае сердечно беспокоюсь, что может быть, нанес через то вам какое-нибудь сомнение. Зная вашу нежную горячность и милости ко мне, малейшая неосторожность не извинительна. И я в сей прошу нижайше прощения. Ваше милостивое письмо от 27 числа декабря получил я третьего дня, я не могу изобразить, с какою радостью. Меня зовут в Тверь: мое послушание есть единственный ответ. Но как здешние обстоятельства вам неизвестны, осмеливаюсь их представить. Доклады ни наши, ниже чьи-нибудь в новый год не вышли. Еще более, чтоб придать некоторый вид этому, государыня сама не выходила, как не очень здорова. Отлагают их выход к 23 числу как срок выздоровления великой княгини. Нынешний день, поутру, между прочим, был я и у Михаила Федоровича Соймонова, которого и просил, чтобы он обо мне напомнил Семену Гавриловичу, так как он к нему часто ходит и для того, что двоюродный его брат, полковник Петр Александрович Соймонов,¹ секретарь государынин при Зориче и управляет все те дела, которые должны идти через него к государыне. Михайло Федорович весьма охотно обещал и назначил еще не нынче, так-де послезавтре, то есть крещенье. Следовательно, ответ Зоричев ему уж совершенно удовольствует нашу неизвестность. До этого здесь погодить, кажется, требуют обстоятельства. С Марком Фед<оровичем> виделся я уже два раза, и его ласковостью я очень доволен. Письма ваши отвез к Федору Яковлевичу, который благодарит за напоминание, к Ададурову, к Соймонову, которые хотели отвечать, к Васильеву, к Анне Андреевне и пр. Завтре разнесу последние к Аннибалу и Петру Алексеевичу, которые я написал по вашему позволению. К Анне Андреевне зашел я, а тут Гурьев и Татьяна Петровна, вся в слезах рыдает. Довольно было крику и проклинаний Гурьеву. Вышло на том, что Гурьев отдает закладную в руки третьего, который есть Мордвинов, покуда она получит письмо от сестры из Пскова, требует ли

она части или нет. Тридцать душ еще такие, которые надобно выхлопотывать. Верного только пустошь, которая в год приносит 18 рублей. Зорича нынче я видел, но сам не зачинал, думая, что он зачнет: обманулся. Третьегодняя он было занемог, а нынче собирается прогуливаться в санях. В прочем, препоручая себя в родительскую милость, навсегда пребываю в усерднейшей преданности, милостивый государь батюшка! ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.
1778 года генв. 4 дня. С. Петербург.

Матушка сестрица Федосья Никитишна!

Сколько благодарности за ваши труды, которых я не стою. Вы мне шили камзол. Это причина, чтоб спешил в Тверь. Как вы проводили святки, а я так, что нынче было чуть не вздумал спрашивать, когда будут святки... Сделай милость, матушка, достань Буало и Сум<ароковы> оды у этого сукина сына де ла Тура, которого нахальнее я ничего не знаю в свете. Как! не отдавать книг хозяину! Я не могу умерить себя и удержаться от гнева. Да «Генриаду», матушка, и Сум<ароковы> комедии у Варвары Алексеевны. Ты ко мне ни строки ни о «Инках», ни о чем, как будто бы ты их не получала.

54

8 января 1778

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Третьегодняя, то есть в крещение, получил я милостивое ваше писание от 29 декабря и приложенные при нем три письма. Князя Александра Алексеевича я не застал, а князь Петр Никитич приказал кланяться и благодарить сам хотел. Вчерась был я между прочими у Михаила Федоровича. Он сам зачал говорить, что еще по обещанию своему с Зоричем обо мне не говорил, а хотел видетсья тот день на бале. В полдни был я и у Зорича: ничего было не слышно. Уж у Хераскова ввечеру узнал, что доклады наши вышли затем, что и Василий Никитич Трубецкой, который был нашего полку поручик, пожалован в капитан-поручики.¹ Все пожалованные были по гвардии, и из армейских один Хорват вышел в полковники. В нашем полку вышло 24 сержанта все старее меня, из коих 12 в прапорщики и 11 в армейские капитаны. Что мне всего удивительнее, что и Ермолаевы не оставлены в полку, а выпущены в капитаны; также один Вельяминов, человек предостойный и которого я считал точно в наших офицерах, выпущен. Чемоданову досталось и обоим князьям Львовым. Чуть ли мне теперь не проситься в отпуск?.. Дядюшка уж приехал из Новагорода, и я вчерась у него обедал. На вчерашнем бале во дворце был ужин для генералитета, и за ним были деланы какие-то штуки, о которых я беспорядочно слышал. Гора растворялась, и выходили девицы маленькие из монастыря, пели и не знаю что еще. С завтра зачнется театр; в четверг будет маскарад, говорят, будто их три будет друг за другом. Дядюшка снаряжает свою Марью Гавриловну. Да уж, кажется, и ему они наскучили. Берут с него обязательства рядные. Он божится, уверяет и сердится; дает вексели в заклад. Я думаю, что это станет в копейку. Несколько семей укрепляет ей. И она выходит замуж под титулом племянницы... В прочем, прося вашего родительского благословения, остаюсь навсегда с усерднейшей преданностью, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.
1778 года янв. 8 дня. С. Петерб.

Матушка сестрица Федосья Никитишна! За желание, чтоб я поскорее приехал, я вам должен de beaux et jolis compliments.* Но где их взять?.. Так, вы читаете Леонара: я представляю себе его положение и знаю его сам собою. Спрашивать, что вы чувствовали, понравился ли он, отлагаю до того, как сам приеду: видите, что это не так далеко. Вчерась весь вечер сидел и ужинал я у моего милостивца и, как Васильев говорит, у командира русских стихотворцев.² У него <видел> я мои misérables** произведения, переплетенные в одну книгу с Сумароковыми одами и некоторыми его собственными сочинениями. Вить это épreuve pour l'amour-propre. Et j'ai succombé à la tentation de prendre ce livre plus d'une fois dans mes mains. Je vous laisse à penser, s'il m'a paru joli, le mérite de relieur est échauffé. .. Mais ma personne souffre trop d'un entretien, que je ne puis contenir...*** Что это Николай Федорович сделал, что не отдал тебе «Les Incas»**** Я не думал от его постоянства...

Перевод:

* приятные и нежные слова.

** жалкие.

*** испытание для самолюбия. И я не устоял перед соблазном взять книгу в руки еще не раз. Предоставляю вам догадываться, показалась ли она мне красивой, заслуга ли переплетчика преувеличена... Но особа моя слишком страдает от беседы, которую я не могу прекратить...

**** «Инков».

55

15 января 1778

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Ваше милостивое писание от 5 и 9 января получил я нынче по почте. Оно меня наполнило удовольствием, которое не теряет ничего учащением. Кольми паче, когда я не получал писем ваших с неделю. Я сам ужасно виноват. Обнадежавшись на сержанта, от вас присланного, думал, что он в пятницу поутру ко мне зайдет, и в четверг не писал. Дай Бог! чтоб вы не приняли этого чувствительно. Сколько упреков сам себе я должен делать! Я все тот же: часы удовольствия чередятся с другими — скуки и равнодушия. Знаю, сколько мгновение дорого в исполнении, но, все откладывая, сделаю наконец ужасные расстановки. В это время были дни, которые меня и утешили. Вчерась, например, был я поутру у Петрова и обедал у Анны Львовны, которая с неделю в городе. Какой это милый человек муж ее Иван Семенович Караулов,¹ и особливо младший брат его. У нас маскарады: на двух уже я и был, в четверг третий, вчерась была у дядюшки свадьба Марьиная, дело для меня прескучное. И нынче был я уж совсем у Марка Федоровича, который звал меня обедать: дядюшка прислал, чтоб быть к нему неотменно. Принужден там распрощаться, и в третьем часу еду с Захаром Матвеевичем, который дни три как приехал. Простите, милостивый государь батюшка, что письмо мое наполнено таким вздором: боюсь, чтобы вы не опечалились, видя меня занята эдакими безделицами. Я чувствую сам пустоту моей жизни и, оставив ее, может быть, скорее, нежели думаю, в Тверь уеду. Я прошу только продолжать ко мне ту же родительскую милость, которую вам еще более сердце ваше, нежели моя просьба, влагает. Я сообщаю при сем маленькую пьесу в гексаметрах, которую я вчера читал Петрову;² счастлив, ежели сия безделица заслужит ваше чтение и будет за меня ходатайствовать. Я до четвертого часу бродил вчерась в маскараде. Теперь голова моя наполнена картинами света, своей собственной мглою и... в ней всегда еще остается

свежее воображение родительской нежности. Я целую ваши ручки и остаюсь по гроб мой полн неизреченного почтения, милостивый государь батюшка, ваш нижайший слуга

М. Муравьев.
15 января 1778 г. С.П.б.

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Извините перед батюшкой письмо мое: я спешу. Верь, что сердцем я тебя люблю. Дай Боже увидеть тебя поскорее.

56

18 января 1778

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Нынешние два дни получил я три письма от вас: одно с г. Пестовым,¹ два по почте, из которых в одно вложенное письмо к Татьяне Михайловне с ассигнацией тот же час отослал, так, как они просили меня. Н. И. Новиков приносит свою благодарность и еще третьего дня хотел опять послать в Тверь потерянные экземпляр. Недавно был у меня майор Батюшков,² человек бедный, которому я писал письмо к Зоричу и другое для подания государыне, в котором он из милости просит награждения за службу его на Тифинском карантине. Неделю бродил он туда; наконец отказал Зорич такими словами, которые ни малейшей надежды не оставляют. По всему видно, что милосердие так же, как и другие страсти, временем находит и исчезает так же. Говорят, что уж будто и поменее народу в передней. Будет время, что и не будет жаловаться на докуки. Разнесшийся слух в Твери о смерти Николая Александровича превесьма не основателен, а, может быть, причиною было сходное имя. Недели с три назад скоропостижно умер у Преображенского майора в доме нам знакомый, по крайней мере, по Наталье Александровне, сын ее капитан-поручик Николай Александрович Левашев, шутя с офицерами и в уборе, как должно было идти на караул. На капитан-поручиков, и то первых по полку, нынче несгодье. Нашего полку первый капитан-поручик Леонтьев прошлого года, переходя Фонтанку, утонул. Я нынешний вечер буду в маскараде: это уж третий. Завтре получу я от Зах<ара> Матв<еевича> 25 рублей. В Тверь собираюсь: самые лучшие явления скучают, если не переменяются. Это мало причины. Я нетерпеливо хочу увидеть вас и матушку сестрицу. Здесь я мало привязан: там буду иметь случай вперять полезнейшие наставления жизни чувствием, слыша их от вас. Недавно читал я письма Расиновы к сыну,³ я восхищался, видя единое везде чувствий действие. Мне казалось читать ваши письма к себе. Но вы мне простите сию свободу все говорить: если бы я и недостойн был внимать природы, уж бы и одни нежнейшие ваши обо мне попечения и благодеяния вселили в меня ненарушимое почтение. Я довольно счастлив и более, должно признаться, нежели заслуживаю, кроме тех минут, в которые попрекаю я сам себе, и это бывает часто.

...Простите, милостивый государь батюшка, что я пишу все, что припамятует мне тогдашнее состояние. Излить свое сердце есть облегчить оное. Всякий день определяю я на дело, иначе покажет вечер... Теперь приехал Ипполит Тимофеевич, с которым мы поедем в маскарад. Зах<ар> М<атвеевич> нынче ездил с Настасьей Федоровной⁴ к архерею. Она хочет переменить монастырь. Состояние ее бедственно. Изъяснения какие-то были по сплеткам монахинь, которые суть все женщины беспутные... Дай Боже, чтобы вы были здоровы, веселы и столько милостивы ко мне всегда, как нынче, чтоб я скоро вас увидел. Завтра буду я у Чаадаевых. Впрочем, препоручаю

себя в вашу родительскую милость: вы более любите меня, нежели я, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.
1778 года янв. 18 дня С. Петербург.

Матушка сестрица Федосья Никитишна!

Твоими, голубушка, письмами разных свойств, разных *nota bene*,* я одолжен, да и очень. Моих напоминаний не надобно, ежели у тебя теперь Буало и «Генриада», что они заслуживают чтение... Что касается до *perfidie*,** я желаю как можно скорее, чтобы ты имела случай ее исполнить в рассуждении меня. Дружество, родство, да ежели с ними замешается..., все ничто: самые разумные, самые гордые признают владычество природы и ей повиноваться не стыдятся. Сие вероломство повелевает природа. Она подвергает себе рассуждение и дает свой голос, мимо достоинства и красоты. Для чего всякий отец любит детей своих, *adorons les desseins de la nature!**** Может ли быть кто-нибудь матерью семьи, ежели не чувствовать сию полезную слабость? Она равно дышит в птичке и возобновляется со всею вселенною, с поворотом солнца... видишь, что я брежу эпически.

К слову: «Инки» есть название царского поколения в Перуанском царстве. Сочинение Мармонтелево имеет предметом своим разорение сего царства испанцами под предводительством Пизарра. Главные черты почерпнуты в истории, подробности Мармонтелевы. Он хотел представить картину, драгоценную человечеству, всех бедствий, которые за собою ведет святобесие, так переводит *fanatisme* г. Тредьяковский. Оно имеет нечто от эпического и исторического. Прекрасно ли оно? Читай. И ты будешь восхищаться и будешь любить Мармонтеля более, нежели ты любишь. Везде увидишь тихого человеколюбивого мудреца, природу познавшего по малейшим ее знакам, выражающего ее столь истинно и нежно, заставляющего любить ее и раскрыть внимательные глаза. Слог чистоты, красоты...⁵ Довольно, сама читай. Николай Александрович зачал было его переводить и восемь глав перевел, но Марья Васильевна Сушкова, что нынче г-жа полковница, перебила у него и уж перевела. Василий, которого ты хочешь знать, есть Ханьков.

Перевод:

* примечаний (*латин.*).

** вероломства.

*** последуем велениям природы!

57

22 января 1778

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Я пишу сие, пришед только из школы, в которой я дежурю. Несчастье мое таково, что когда хотел было проситься, так должность наложили. Вчерась по утру не застал ни Леонтьева, ни майора. А сегодня, как был у нас слух, что с завтряго распустят на три дни, так я и сочел благопристойнее проситься в отпуск в этот промежуток времени, а не в самый тот день, как наряжен в должность. Ныне же после обеда приехал наш подполковник, которого все боятся: новое приключение. Недавно уехал в Москву Михайло Федорович Соимонов: он был все это время болен и так, чтобы я так скорого отправления и не чаял. Приехал к нему: сказывают, что теперь только съехал с двора. Все это Божий час, то есть моя вина. Я и просить прощения не смею, что как будто

нарочно, все лучшие попечения наши опровергаю. Письмо мое, поданное к Зоричу, теперь у Афолина, так, как и все прошлогодничные письма. Он обещает, я думаю, бесполезную помощь; затем, что и сам не тверд. От Захара Матвеевича получил я медью пятьдесят рублей. Как изволите приказать их переслать? Мне очень жаль, что г. Пестов не застал меня дома, затем, что я бы переслал их с ним; дядюшка Матвей Артемонович ждет ответу вашего на письмо о пустоши Свечина. Гурьев выдал закладную Татьяны Петровны дядюшке с надписанием, но с условием исполнить завещание бабки ее, чтоб разделить меж сестрами... Завтре, праздник или нет, буду проситься в отпуск и будет, что Бог даст. Я целую в мыслях ваши родительские руки и с глубочайшим почтением пребываю навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.
1778 года янв. 22 дня. С. Петербург.

Матушка сестрица Федосья Никитишна, голубушка!

Из первых благодеяний, которыми меня одарила природа, есть дружество твое. Когда бы меня все оставили, я еще имею залог, тебе поверенный: от тебя я его востребую, востребуй ты его от меня. Надобно, чтоб наши сердца разумели друг друга, чтоб сей священный союз укреплен был нами. Ты должна влить в сердце мое те добродетели, которые в глазах твоих делают любви достойным... На этих днях сидел я целый вечер у Николая Александровича, который читал мне свою оперу-комик.¹ Я был прельщен, ее слушаючи. Тысячу маленьких черт делают эту прелесть, которой нет в «Анюте». Это делает образ мыслить и чувствовать. Я не буду ничего говорить: довольно, и ты, может быть, это заметила, что я завистлив. Приятно любить достоинства, хотя в другом. Каково ж в себе самом? Мы все себе любовники: недостатки, которые в себе примечаем, не не знаем их, а хотим не знать. Иногда их любим. Теперь Зах<ар> Матв<еевич> играет мне новый контрданс, в который я влюблен. Воображение есть искусный шарлатан: ничей театр не может быть лучше servi,* как тот, которого оно директор.

Батюшка милостивый государь дядюшка, Никита Артемонович! За милости <ваши>, которые я ношу всегда от вас, не достанет довольно сил моих, чтоб вам за оные возблагодарить. Один Бог вам может за оное наградить, что вы не оставили меня в самой крайности. 50 руб. отдал я братцу Михаиле Никитичу. Прошу вас, батюшка Никита Артемонович, отписать об шарфе к Воронову. Неужели он его удержал его себе. Простите мне, милостивый государь дядюшка Никита Артемо<нович>, что я так беспорядочно к вам пишу. Михайло Никитич спешит отправить на почту письмо, а я пребуду навсегда ваш, милостивого государя дядюшки, всепокорный слуга и племянник

Захар Муравьев.

Перевод:

* устроен.

Санктпетербург. 1778 года янв. 25 дня.

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Из полученного мною нынешнее после обеда письма вижу беспокойство, которое я нанес вам и сестрице пропусшением почты, в чем и прошу нижайше прощения.

Виною тому было ожидание присяжного ундер-офицера, который в тот же день в Тверь хотел отправиться и ко мне за письмом зайти, чего не сделал. Сие письмо пишу я, зашедши домой из школы: я относил репортичку к полковнику, который дома не обедает, а у Репнина. На сих днях подал я письма, написанные на присланных вами бланкетах, к Леонтьеву и майору. Первый ответствовал: «Изрядно, стараться буду», — т. е. о моем отпуске, а Федор Яковлевич сказал, чтобы я сказал Николаю Васильевичу об отпуске меня мая по первое. Притом просил, чтобы я за него к вам отписал о его нужде. Ему поручены деревни брата его Вишневого, в Краснохолмском уезде, а их обижает Краснохолмский городничий Шубянский. Так Федор Яковлевич просит вас, чтобы вы изволили отписать к сему городничему, чтоб он не нападал более. Теперь мой отпуск зависит от Леонтьева, для того, что по нашей роте докладывает он прямо Репнину. Человек нерешимый и которого стихи скучны. От майора, кажется мне, нельзя ему сказать для того, что он под ордером у него. А «изрядно» еще не довольно. Полученные мною от братьев 50 руб. как изволите приказать перевести к вам? Притом нижайше прошу о деньгах Петра Антоновича¹ отписать к Федору Михайловичу. Он с полгода назад хотел к вам писать о них: что человек, у которого они теперь, просит их у него оставить, и все еще не писал. Мое время ограничено, и я писать более не могу затем, что должен бежать в школу. Я пребываю с глубочайшим почтением, прося родительского благословения, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

М. Муравьев.

Матушка сестрица Федосья Никитишна! От сердца благодарю за твои желания меня видеть, за твои молитвы к Богу, он их не отменяет и, может быть, ими я живу в удовольствии. Неделя моя скучна: я дежурю с подпоручиком Кошелевым. Но нынешний вечер был я приглашен к Бакунину на представление «Игрока». Не знаю, будешь ли, затем что иные говорят, будто нынче маскарад. А я слышал так завтра. Нынче за обедом декламировал я пятое действие «Цинны» и на разные голоса: «Prends un siège, Ginna». — *Mes pensées sont dispersées, je vous en fais grâce. Je cours à mon triste emploi, où j'absorbe tout mon temps à faire les autres pages. Aimez-moi à votre ordinaire, маминька. Je vous assure, que votre amitié, vos bontés me sont toujours présentes. Ecrivez-moi vos petites pensées, à quoi s'occupe votre pauvre coeur, ou bien qu'il dorme d'un profond somme?**

1778 года янв. 29.

Письмо, которое определял я на четверговую почту, по несчастью и к величайшему оскорблению моему опоздало затем, что тот вечер приехал к нам нечаянно дядюшка Матвей Артемонович. Так я уж пишу теперь цыдулку, которую и влагаю в то ж письмо, принужден будучи его распечатать. С дежурства своего я сменился и просил еще раз своего полковника о моем отпуске вчерась, который и сказал мне, что он это помнит. Дай Бог! чтоб меня отпустили поскорее. Это время, думал я, что уж буду в Твери; обманулся и, может быть, обманул тех, которые меня более всех прочих в свете любят. Я теперь от Анны Андреевны, где я обедал, и слышу, что заезжал ко мне Иван Семенович Караулов. По утру был я на Выборгской стороне у Хемницера, своего старого приятеля и которого вы также любите. Он просил вас засвидетельствовать свое почтение. Надеюсь на ваши родительские милости, осмеливаюсь ласкать себя, что и вы тех любите, которые меня считают в своих приятелях. Третьего дня была итальянская опера «Ахиллес»,² на которой я не был, будучи на дежурстве. Брат Иван Матв<евич> пожалован капитаном.

Простите мне, милостивый государь батюшка, что я внимание ваше останавливаю над вещами, которые его не заслуживают. Я очень знаю вину мою. Я чувствую же-

лание вас увидеть, мою сестрицу, которой я лишаюсь обхождения, и кажется, будто неблагодарен я всякое мгновение, которое я теряю далеко от родства моего. Я прошу вас низжайше милостиво меня в разговорах ваших вспомнить. Сколько молодых людей, которые служат удовольствием их родителям; я отчаиваюсь быть считаем между ими. От всего моего сердца целую ручки ваши и пребываю навек, милостивый государь батюшка, ваш низжайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

Матушка сестрица, Федосья Никитипша! я пишу в потемках. И не знаю, прочтешь ли ты. Я прохожу в голове своей приятные воображения, что ты меня желаешь в Тверь, сидя уединенно. Я тебя прошу: соблюди ко мне эту склонность. Я право тебя люблю. Боже мой! Сделай меня достойным желаний моей сестры.

Перевод:

* «Садись, Цинна». — Мысли мои рассеяны, я вас от них избавляю. Спешу в унылую мою должность, где употребляю все время на иное писание. Любите меня, <маммишка>, по вашему обыкновению. Я уверяю вас, что ваша дружба, доброта всегда со мной. Поведайте мне мысли, терзающие бедное ваше сердце, или же пусть оно спит глубоким сном.

59

1 февраля 1778

Санктпетербург. 1778 года февр. 1 д.

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Вчерась имел я счастье получить от вас письмо, сегодня другое. Виноват, ужасно виноват, но в части, вины моей и господин мой полковник, человек, замешанный на медленности. Вчерась поутру пришел я к нему и ничего не говорю; сам, как будто бы и присутствие мое ему досаждало, говорит мне таким скучным голосом: — «Помню, помню, дайте мне доложить». — Оттуда зашел я майору, тот приказывает: — «Пожалыста, не уезжай, не побывавши у меня...» — Да куда ж я поеду, ежели и не отпущен еще? Тут выпросил я пашпорт Ив<ану> Матв<еевичу> маленькому, а себе нет! Вчерась был фейерверк, на котором я не был, а Иван Матв<еевич> прикомандирован был к нему с ротою. Стук слышал я, не выходя из горницы. Нынче по утру дядюшка Матвей Артемонович меньшей приехал по требованию Сената. Воевода суздальский князь Вяземский делает эти беспокойства, будто бы дядюшка не сдал порядочно канцелярии. Но как я сегодня дома не обедал, так дядюшка с другим дядюшкой, который, без меня же, к нему приезжал, уехали на Васильевский остров. У Анны Львовны получено известие из деревни, что дочь умерла оспой. Она в печали. А на меня от дядюшки Льва Андреевича наложена комиссия выбрать учителя. Простите мне, милостивый государь батюшка, что я моею леностью, моею оплошностью так долго продлил свое в Петербурге житье. Поверьте, батюшка, что я очень стараюсь отсюда вырваться, чтоб только вас более ожиданием не беспокоить. Я чувствую нужду оправдания; пора окончить мое отшествие в чужую сторону. Не нашел я из молодых людей беспечнее меня. Имея погрешности возраста, буду ли я иметь счастье пользоваться и выгодами оного? Буду ль я иметь право к сему снисхождению, которое их извиняет? По крайней мере, я льщусь его найти в сердце нежнейшего отца, который более меня любит, нежели я себя. Я у вас прошу прощения, что, может, без пользы останавливаю ваше внимание над сим мараньем. Дай Боже, чтоб ваше здравие с причинами удовольствия не разлу-

чено было; чтоб скорый мой приезд был также в их числе. Я целую ваши руки с почтением и чувствием сына, ожидающего от вас своего утешения, милостивый государь батюшка! ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

Матушка сестрица Федосья Никитична! Так я более не люблю тебя? Но от кого ж надеюсь я в чреду свою так же любимым быть? Имею ль я сим свойства, любви достойные, которые невольно похищают наше дружество и заставляют любить себя, где бы они ни были? Чужестранен в обществе, не только, чтоб презирать взоры отличения, чьи бы они ни были, я чувствую, сколько я их мало достоин, между тем как самолюбие хотело бы всех их привлечь к себе. Но ужель и без того сердце мое столь холодно, столь мало чувствующее цену склонности других, чтоб я был не чувствителен к призыванию сестры, которой уединение мне известно? Дай Бог, чтоб я скоро мог отгять у тебя сие заблуждение, маминька!.. Прощай.

60

5 февраля 1778

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Я еще не отпущен и слышу сегодня от Завороткова, который заходил ко мне по утрам, что Леонтьев и капитан наш Лобанов-Ростовский условились между собою никого не отпускать, в рассуждении малого числа наличных в Кадетской роте. Странное условие! Уж не лучше ли бы, чтоб вы отписать изволили к подполковнику о моем отпуске. Я уж стыжусь расплосать мои письма, ничего не заключающие. От Киприана Ивановича и жены его, которых я вчерась в маскараде нечаянно увидел, к сожалению моему слышу, сколько вы, милостивый государь батюшка, беспокоитесь моим замедлением в Петербурге. Нижайше прошу во знак вашей родительской милости соблюсти сие желание меня видеть и умерить онаго беспокойство. Я пребываю навсегда с глубочайшей преданностью, прося вашего родительского благословения, милостивый государь батюшка! ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1778 года февр. 5 дня. С. Петерб.

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Хотел бы писать к тебе, особливо когда я так замедлился,¹ но, право, мешает Вас<илий> Вас<ильевич> Ханыков, которого я принужден слушать монолог.

61

6 февраля 1778

Санктпетербург. 1778 фев. 6 д.

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Случай писать сие письмецо подан мне отправлением Петра Ивановича Черевина,¹ которого вы очень изволите знать и который сам назвался вручить мои письма вам. Я посылаю при сем книжку сестрице, которая, мне кажется, может попасть на вкус ее. Уединение меньше чувствуется, когда есть что-нибудь прочесть приятное. Я получил сегодня по утрам милостивое письмо от вас чрез почту, другое в то же

69

почти время от г. Григорьева. Сколько я чувствую снисхождение и нежность родителя! Если я хочу делать свое счастье в свете и меж людьми, мне только должно вспомнить ваши наставления. Беспечность молодости, леность помрачили их перед моими глазами. Я виноват во всем и тем больше, что со знанием вины. Но я еще довольно буду себе почтителен, ежели чувствую все ваши милости и все мои заблуждения. Отпуск мой я и сам не знаю, как выдет. Сегодня по утру взял у Василья Ив<ановича> Майкова письмецо к своему полковнику; но его не застал дома. Я позабыл вас уведомить прежде сего о приезде Вас<илия> Ивановича. Он уж здесь недели с две и сожалеет, что Тверь проехал ночью, к вам не заехавши. Я думаю, что вы известили его о перемене состояния. Он представлен в герольдмейстеры: дают чин, две тысячи жалованья. Сама государыня изволила приказать ему быть сюда, без его искания. Он так же добр, как и всегда, и весел. Дядюшка здесь еще и старается о своем деле. Я сам ничего столько не желаю, как отправиться в Тверь. К Федору Михайловичу хорошо бы было, если бы вы отписать изволили о деньгах Петра Антоновича. Он часто вспоминает, что бы ему надобно было к вам писать. Простите мне, милостивый государь батюшка, что я раза два опоздал писать на почту. Никакой причины, кроме того, что иногда пропустишь время, иногда недосуг. Так я нижайше прошу, если паче чаяния вперед случится то же, так скоро не беспокоиться. Я ничем не могу заплатить сии минуты беспокойства, причиненные неосторожностью. Здешние новости, знаю, что не привлекают вашего любопытства, так я их и оставляю. А рассказывать мои ежедневные приключения столь мало, что я их и не упоминаю. С сыновним почтением прошу вашего родительского благословения и остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

Матушка сестрица Федосья Никитишна!

Hier en écrivant ma lettre de poste, je vous ai traité si cavalièrement que je vous en dois un désaveu formel. Puisse ce petit présent vous gagner en ma faveur. Tout ce que je m'en promets, c'est que vous ne dédaignerez pas mon choix, que vous donnerez quelques heures à sa lecture... Dans votre dernière lettre, quelle sensibilité, quel fonds de tendresse pour moi!.. Demain, je me flatte d'être à la représentation de «Didon» de mr Kniachnin chez mr Bakounin... Écrivez, ma chère, si md. Roudakoff est relevée de couches.*

Перевод:

* Во вчерашнем письме, которое я отправил почтой, отнесся я к вам столь небрежно, что обязан оправдаться как следует. Пусть этот подарочек расположит вас в мою пользу. Все, на что я могу надеяться, — это то, что вы не пренебрежете моим выбором и не пожалеете нескольких часов на прочтение его... Сколько в вашем последнем письме чувствительности, какая бездна нежности ко мне!.. Завтра надеюсь быть на представлении «Дидоны» г. Княжнина у г. Бакунина... Напишите, любезная моя, оправилась ли после родов г-жа Рудакова.

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

На сих днях писал я к вам через Петра Ивановича Черевина, который в Москву отправлялся, и послал было к сестрице маленькую книжку; но как он в тот самый день не успел уехать и письмо мое послано было в дом Александра Андреевича

Волкова, то я и не знаю прямо, дошло ли оно до него. Все сии дни ездил я к своему полковнику¹ с записочкой от Василья Ивановича Майкова, но его не заставал дома. Нынче застал, и он долго говорил со мною. «Напрасно трудитесь, — говорит он, — не думайте, чтоб я не старался о вашем отпуске. Еще на прошедшей неделе, между прочими моими надобностями, докладывал я и о вас подполковнику; он все принял благоприятно и приказал отдать записочку Федору Яковлевичу. Но я не знаю, каким образом опоздал он ему напомнить, так что как зачал он докладывать по записке, то подполковник, видно позабывшись, что он сам позволил, сказал: — „Этого уж много будет“. — Но я, — продолжает он, — не удовольствовался этим и искал времени с ним объяснить. Ездил третьего дня и вчерась и не застал дома. Сегодня он угощает государыню, строит горы и распоряжает все этакое, так ему теперь не до отпусков. Подождите до субботы». — Вот был его ответ. В самом деле, дядюшка Матвей Артемонович большой, который к нам заезжал поутру и взял с собой нас вместе, сказывал, что он ездил к князю Николаю Васильевичу, и ему отказали за тем же самым. Матвей Артемонович меньшей, который с нами живет, завтра подает письмо генерал-прокурору и челобитную в Сенат, чтоб его уволить от напрасной высылки в Суздаль; в самом деле не что иное, как сущие привязки, не делающие чести тому, кто их делает. Будто бы непорядочна была сдана канцелярия, что в росписных списках есть описки и недописки. Василий Иванович Майков назначен в герольдмейстеры и собственным благоволением государыни... Вся сия неделя при дворе в празднествах, и разложены дни по знатным, которые поочередно угощают государыню. Я позабыл отписать, что дядюшка Матвей Артемонович меньшей подарил вам печатку с нашим гербом, которую я теперь печатаю. Иван Матвеевич большой нанял себе квартиру в роте с тех пор, как он капитан. Что касается до отпусков, не известно, как об них думает подполковник; по крайней мере, приключение тех, которые в нынешний доклад выпущены в армию в капитаны, людей с особливими достоинствами, должно что-нибудь значить. И как я вчерась от одного из них слышал, конечно не майору, а ему приписать должно. Все они почти не служили. Дай Бог, чтоб желания не были тщетны, которые заключаю я в сердце моем о драгоценном здравии и благополучии вашем. С сыновней преданностью пребываю вечно, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

Матушка сестрица Федосья Никитишна!

Я был вчерась на представлении «Дидоны» Якова Борисовича Княжнина, сего столь тихого и любви достойного человека, который заставляет ждать в себе трагика, может быть, превосходнейшего, нежели его тесть. Дмитревский играл Иарба. Какой это актер! Дьяков, который играл его наперсника, говорит, что он трепетал, с ним играя. Как обманешься, если хочешь рассудить о Дмитревском в шлеме по Дмитревскому в колпаке! Это не простой человек: какой голос, как он гибок в его гортани.² После плесков актерам все оборотились в угол, где стоял автор, и плескали ему. Какие чувства должен он иметь. В восемь лет, как он сочинил «Дидону», видел он первое ее представление. Но и какое ж? Марья Алексеевна много жару и страсти полагает в своей игре... Волосы, или лучше сказать букли, куплены и лежат у меня. Заплачено 2.50 к. Люби меня и отпиши, что ты делаешь. А я, право, люблю тебя, маминька. Помнишь ли ты моего Фаворитку, и здоров ли он?

18 февраля 1778

Санктпетербург. 1778 года февр. 18 дня.

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Вот и великий пост, а я еще все не в Твери. Вчерась имел я удовольствие видеть двух человек, которые мне могли дать известия о вас, хотя правда, что и давнишние: Николай Федорович и Неручев. Мы все обедали на острове у дядюшки, как водится в последний день масляницы. Он скоро намерен ехать в деревню: между прочим, купил себе дом в Пятой линии у Дан<ила> Афан<асьевича> Мерлина за тысячу с чем-то рублей. У меня теперь денег на лицо около 140 рублей. Так не прикажете ли каким-нибудь образом перевести из них к вам какую-нибудь сумму? Я чувствую, чего я вам стою, сам, по несчастью, ничего не присовокупляя моими трудами. Но прошу, хотя знаю, что и права просить не имею, чтобы для того вы на меня не прогневались... С некоторого времени ваши милостивые письма не наполнены теми драгоценными наставлениями, которых я столько недостоин сделался. И я жаловаться не смею... Дядюшка Матв<ей> Арт<емонович> меньшей говорил мне, чтоб лошадь я ему оставил, а он бы свел в деревню свою после моего отъезду. А он будет на второй неделе. Как приказать изволите? Она многого здесь стоит. Я теперь один живу; может быть, что сие уединение мне будет полезно. Я прошу у Бога, чтоб вы были здоровы и благополучны. Вы сами изволите себе представить, сносна ли мне и мысль та, чтоб я не был более тем же в глазах ваших, каков я был в младенчестве. Я препоручаю себя в ваши родительские милости навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

Матушка сестрица Федосья Никитишна!

Что я здесь делаю? О, сколько упреков сам я должен чувствовать, ежели не хочу себя обманывать своевольно! Прости меня: тот благороднее, который прощает. Нет, я тебя не позабыл. Я тогда собой доволен, когда прямо чувствую нужду тебя любить. Матушка, если б ты была здесь. Наши обстоятельства... Они препятствуют. Но, может быть, я обманываюсь. Ты довольно счастлива, ежели счастлива в себе. В Петербурге есть недовольные. Разум и сердце везде делают счастливых. Ты теперь, конечно, упражняешься лучшими мыслями, и я не должен тебя отвлекать от них. Вспомни и меня... Вот каков я нынче ветрен! Со всеми этими прекрасными намерениями нельзя удержаться не рассказать тебе бездельное препровождение моего времени. В пятницу был я в маскараде до четвертого часу. Мы последние с Хемницером вышли. Нет, бишь, он еще остался. Субботу я был у себя, но вечером утащил меня проклятый Ханьков к себе; они играли в макао, а я зевал. Вчерась сколько я был пасмурен по утру, столько весел вечером. Я видел Николушку¹ в первый раз. Его проводил я до реки. Возвратясь оттуда опять к дяде, поехали к Алексею Афанасьевичу. Там Ник<олай> Александрович, Петр Николаев<ич>.² Еще множество знакомых, тебе не знакомых. Ma chère, si vous étiez à Pétersbourg, peut-être y serais-je plus souvent... * Можно ли больше врать? Если бы я был в Твери, так бы приказ общественного призрения взял меня в свое попечение, яко с ума...

Перевод:

* Любезная моя, если бы вы были в Петербурге, быть может, я бывал бы там чаще...

1778. С. Петерб. февр. 22 дня.

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Это будет, как я надеюсь, конечно предпоследнее мое письмо, затем что отправление мое теперь зависит только от меня. Третьегодняя ввечеру я отпущен, и только мне стоит взять пашпорт. Самое время гонит меня отсюда. Весь день ужасная капель. Так надобно ускорять. Срок мой первое июня, хотя я и просился по май. Да просился-то целый месяц. Майор велел сказаться, когда поеду: видно, хочет что-нибудь наказывать... Полковник, когда я пришел к нему благодарить, говорил мне: «Много беспокойств навел мне ваш отпуск». — Я не понимаю, для чего бы? Что тут такое мудреное. Эти сомневающиеся люди и себе и другим несносны... — «Да приезжайте, — продолжает, — подолее послужить здесь. А то только что приедете, да и уедете. Это обидно...» — Тут позамялся наш разговор другими, после просил меня сесть и был довольно ласков. Но у меня, я не знаю для чего, не лежит к нему сердце. Он имеет таинство сделать холодными людей. Это не Сергей Александрович... На сих днях был я у Анисима Титовича Князева, который не может дожидаться вашего ответа на его два письма. Он писал к вам, помнится, о ржевском воеводе г. Шишкине. Теперь я разделен между намерениями, по почте ли ехать или на наемных. Но, кажется, последнее сходнее. Что делать, что и долее? Проедешь дней восемь, но сколько-нибудь и сбережешь. Дай Бог! только вам здоровья; я уж почитаю себя одной ногой в Твери. Дядюшка, я думаю, что поедет в воскресенье в деревню. С глубочайшею преданностью пребываю навсегда, прося вашего благословения, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

Матушка сестрица Федосья Никитишна!

Скоро я буду верить в твои пророчества. Чуть ли письмо-то ваше не последнее ли будет ко мне. Ну... n'y faut plus penser.*

Знаешь ли, что ta remarque, ce petit glossaire... dirais-je de ta malice ou de ton humanité?.. fut un beaume délicieux pour mon... Mais bon! C'est grand carême aujourd'hui. Grand merci! À mr le premier-major ou qui sera tel bientôt dans ce mi-carême, à ce que j'ai entendu dire de maître-fripon doucereux mr Schitic de** маминька Любовь Федоровна... le beau sire, s'il était ici, filerait tout doux, il cesserait bientôt son langage de rodomont... Mon compliment, s'il vous plaît, à son*** высокоблагородию... Герунда, траполит, о, ио, ио... Сделай милость, матушка, отошли верно мое письмо: оно будет бесполезно, ежели я приеду.

Перевод:

* не надо об этом больше думать.

** твое замечание, этот словарик... то ли твоего лукавства, то ли человеколюбия?.. явился для меня сладостным бальзамом... Но так уж и быть! Сегодня великий пост. Большое спасибо! господину премьер-майору или тому, кто станет им вскоре в четверг на третьей неделе великого поста, как я слышал от слащавого бездельника господина Шитика от...

*** этот господин, будь он здесь, улепетнул бы потихоньку и прекратил бы вскоре свою хвастливую болтовню. Сделайте милость, передайте мой поклон его...

26 февраля 1778

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Маленькие кое-какие должности меня поостановили еще здесь: ко мне был прислан человек от дядюшки Льва Андреевича для сыскания ему учителя, мне самому должно было разнести книги, которых я довольно понабрал, распрощаться. — При том же тысячи других мелкостей, которых и не предвидишь, особливо когда отправляешься в дорогу, встретятся. Слава Богу, почти все уже я исполнил: иное как-нибудь. Наконец, думаю, что это уж последнее от меня письмо получить изволите; затем, что я на сих днях отправляюсь. Сказывают, что благополучной ездой поспевают в шесть дней. А как теперь дорога немножко поиспортилась, то думаю, что не прежде восьми дней буду в Твери. Для того что я еду на наемных, а не по почте. Это род епитимьи, которую я наложил на себя, что<б>, проживши здесь столько, как я, по крайней мере, переезд мой не столько убыточным сделать. Мы было наняли за 6 руб. с полтиною, да наш извозчик занекался и меньше семи рублей не едет. Хотя у нас и будет, что везти, однако тройке, кажется, не тяжело. Я бы мог и по почте ехать и теперь уж быть в Твери. Марк Федорович очень пристаивал ко мне, да мне, не знаю, что-то взошло за упрямство в голову; а он поехал прошедшую пятницу. Вас<илий> Ив<анович> Майков также хотел ехать около середины отсюда. Анисим Титович нетерпеливо ждет вашего ответа на его два письма; он пробудет здесь долго и чуть ли не до лета... Теперь писать уж бесполезно, затем что я скоро и сам вас увидеть надеюсь. В прочем, с глубочайшим почтением прошу вашего родительского благословения и остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.
1778 года фев. 26 д. С. Петерб.

Матушка сестрица Федосья Никитишна!

Сколько ты меня бранишь, я думаю, — да чуть ли и не по делом? Знай же, сударыня, что скоро будешь ты иметь à qui parler.* Я сам, en personne,** еду défendre ma cause*** и... Прощай, батинька... Да! вчерась слушал я целую мессу в католической церкви, и Порри пел.¹

Перевод:

* с кем разговаривать.

** лично.

*** защищать мое дело

15 марта 1778

Москва. 1778 года марта 15 дня.

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Я пишу к вам из дому Арины Афанасьевны, у которой мы сегодня обедали. Все мы,¹ слава Богу, здоровы и, конечно, сами не опоздаем возвратиться в Тверь; поручкой в том погода, которая ежечасно портит дорогу. Приехали мы сюда во вторник часу в седьмом после обеда. Приняты очень хорошо от тетушки Федосьи Алексеевны, которая всегда вспоминает вас за столом. Не знаю, не беспокоиваем ли мы ее; а она нас

столько покоит, что нельзя более... Антон Алексеевич показывал мне листы четвертой части трудов нашего Собрания, и мои стихотворения делают ее заключение: они теперь в печати. Прозаические же мои сочинения оставлены до пятой части. В субботу будет заседание, в которое я особливо приглашен. Я хочу еще поместить в сию часть трудов мою «Рощу», которая, по крайней мере, будет иметь достоинство новости. Мне также хочется прочесть то, что я зачал об оде, и еще кое-какие мелочи. Думаю, что одно заседание не истощит. Петр Семенович приносит вам свое почтение. Настасью Федоровну отвезли вчера в монастырь. Прочих дел мы еще почти и не зачинали. Новостей не знаю никаких... В прочем с непременною преданностию и почтением пребываю навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

Милостивый государь батюшко Никита Артамонович!

Я не стану повторять то, что уже брат написал; а что касается меня, то я, слава Богу, здорова, покупок еще никаких не покупала, потому что время нет: все по гостям; вчера была я с братцем у Чаадаевых, которые были очень обрадованы, меня увидевши, я их нашла в хорошем состоянии и окруженных всею их роднёю, они меня звали завтра к себе обедать. Сегодня мы у Арины Афанасьевны, которая чрезвычайно ко мне ласкова, все меня сажает в большое место. Сестра Анна Федоровна и Любовь Федоровна приносят вам свое почтение. Меня теперь только беспокоит то, что я неизвестна об вашем здоровье, и думаю, что вы без нас скучаете. Пожалуйте, батюшко, будьте спокойны и не беспокойтесь об нас, мы сами себя бережем для того, чтоб вас не огорчить. Я целую ваши ручки и остаюсь

покорнейшая дочь ваша Федосья Муравьева.

И я вам, милостивый государь дядюшка, свидетельствую мое и от жены моей всегдашнее почтение, с которым навсегда пребываю есмь по век мой ваш всепокорнейший слуга

Иван Вульф.

67

19 марта 1778

Москва 1778 года марта 19 дня.

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Мы не получили от вас письма, и особливо сестрица об этом беспокоится. Мы, слава Богу, здоровы и дни свои кое-как проводим. Тетушка извоит столько об нас стараться, что нам ни о чем думать не осталось. Я себе купил сукна на кафтан и все, что к нему надобно. Отдавать еще не отдавал и не знаю еще, отдавать ли и по краткости времени, которое мы здесь проживем, и по дорогой цене, которую за шитье возьмут. Здесь так грязно по улицам, что пешком ходить никак <не> возможно; на дрожках ездить я и не при<вык>, да и так перебрызгаешься, что показать<ся> нельзя; карету же нанимать дорого. Это <меня> заставляет самовольно лишаться удовольст<вий>, которыми бы я здесь мог пользоваться. В субботу был в Собрании и читал из своих сочинений. Моя «Роща» будет включена в нынешнюю часть трудов. Старые мои милостивцы приняли меня по-прежнему очень хорошо. Мое счастье совершенно, если оно будет подтверждено продолжением ваших родительских милостей. Я прошу Бога о вашем здравии и благополучии и пребываю с глубочайшим почтением, милостивый государь ба<тюшка> <остальное оторвано>.

Милостивый государь батюшко Никита Артамонович!

Я не знаю, что мне думать о вашем молчании; вот уже почта прошла, а мы не имели от вас писем; дай Бог, чтоб вы были здоровы, все наше счастье состоит в том. Я купила себе тафты белой на платье, также и всякой всячины на накладку, которую буду делать дома. Я чаю, что мы отсюда поедем в четверг, мне этого очень хочется; теперь мы едем еще в ряды кое-что покупать. В прочем мне нечего писать более, прошу вас, батюшко, нас жаловать. Я остаюсь

покорная дочь ваша Федосья Муравьева.

И мы вам, милостивый государь дядюшка Никита Артамонович, свидетельствуем наше нижайшее почтение.

Анна Вульфова. Любовь Муравьева.

Сейчас хотел было я запечатать письмо. С<естрица> с сестрами Анной Федоровной и Любовью Федоровной и с ними Иван Петрович только теперь что съехали в ряды, а я <нет> затем, что мне места не достало в карете, и для того, что мне надобно было переписывать для Собрании. Пришел постиллион с письмом, которое сестрицу обрадует особливо. Мы за долг свой почитаем быть на гробе у матушки и прежде уж положили быть в середине.

КОММЕНТАРИИ

Архив М. Н. Муравьева (1757—1807), поэта, прозаика, воспитателя К. Н. Батюшкова, наставника Александра I, отца двух декабристов, является одним из наиболее сохранившихся личных архивов деятелей XVIII в. Бумаги М. Н. Муравьева хранятся в различных собраниях: в ГПБ,¹ ЦГАДА, Музее революции, ИРЛИ, Гос. литературном музее. По сообщению «Revue des études slaves» (1938, № 1—2), в 30-х гг. в Париже был найден дневник Муравьева, носящий любопытное название «Московский журнал, продолжение последнее или заключение». Вполне возможны и дальнейшие находки, так как и сам Муравьев, и его потомки бережно сохраняли переписку и иные семейные документы.

Наиболее обширны материалы фонда М. Н. Муравьева в ГПБ, состоящие из сорока одного тома дневников, рукописей стихотворных и прозаических произведений, писем, черновиков официальных бумаг, разнообразных заметок, и собрания Черткова, хранящегося в ГИМ. Здесь, в частности, находится переписка Муравьева с отцом, Никитой Артамоновичем Муравьевым, и сестрой, Федосьей Никитичной, 1776—1781 гг., а также письма к сестре и ее мужу Сергею Михайловичу Лунину 1787—1792 гг. (между ними есть одно письмо 1785 г.). О существовании этих материалов известно давно. Частично они использованы Л. Н. Майковым в статье «О жизни и сочинениях В. И. Майкова»,² Н. П. Кашиным в статье «К биографии декабриста Лунина»,³ Н. М. Дружининым в его книге «Декабрист Н. М. Муравьев» (М., 1933). Мы также об-

¹ При дальнейших ссылках на хранящийся в Рукописном отделе фонд М. Н. Муравьева (№ 499) в настоящей публикации употребляется сокращенное обозначение — ГПБ.

² См.: Майков В. И. Полн. собр. соч. СПб., 1867, с. XXXVI.

³ Каторга и ссылка, 1925, кн. 5, с. 241—243.

ращались к этой переписке.⁴ Но материал ее настолько велик, что оставляет возможность дальнейшей работы.

Письма М. Н. Муравьева представляют несомненную ценность для каждого интересующегося XVIII столетием, его историей, бытом, литературой, театром. Конечно, это не законченные и обработанные мемуары, в письмах есть загромождающие переписку длинноты, мелочи, имеющие значение только для корреспондентов, но есть и значительные преимущества: мемуаристы часто ошибаются, рассказывая о прошедших днях, здесь же методически, из недели в неделю, дается хроника современных автору событий.

Письма небезынтересны и для исследователей XIX в. Сыновья автора — Никита и Александр Муравьевы, сын Федосьи Никитичны — Михаил Сергеевич Лунин, сын часто упоминаемого Захара Матвеевича Муравьева — Артамон Муравьев, сыновья Ивана Матвеевича Муравьева младшего — Сергей, Ипполит и Матвей Муравьевы-Апостолы — занимают значительное место в истории декабристского движения. И для того, кто занимается изучением деятельности декабристов, небесполезно познакомиться с атмосферой, в которой протекала молодость их отцов.

Ввиду того что в настоящее время не представляется возможным опубликовать письма Муравьева целиком, необходимо ввести в научный оборот хотя бы их часть. Одним из самых ярких, обильных литературными знакомствами периодов в жизни Муравьева был период с июля 1777 г. по март 1778 г. Написанные за это время письма, расположенные в порядке дат, объединены в тетрадь. Переплет, сделанный позднее, в XIX в., картонный, оклеенный мраморной коричневой бумагой, корешок зеленый, на нем вытиснено: «писмы» (ГИМ, ф. 445, № 50).

Отправлялись письма без конвертов. На стороне адреса сохранились следы сургучной печати, местами сургуч закрывает отдельные слова текста. Адрес писем: «Его превосходительству действительному статскому советнику и Тверского наместничества Палаты гражданского суда председателю Никите Артемоновичу Муравьеву во Твери». После 30 октября 1777 г.: «Его превосходительству действительному статскому советнику и Тверского наместничества вице-губернатору Никите Артемоновичу Муравьеву».

В другой тетради (ф. 445, № 51), где объединены письма с 5 июня по 25 декабря 1778 г., есть два письма 1777 г., написанные в мае, когда Муравьев ездил из Твери в Москву. Чтобы не нарушать хронологической последовательности, мы публикуем и их, тем более что они заключают в себе сведения о деятельности Вольного российского собрания при Московском университете, членом которого Муравьев являлся с 3 декабря 1776 г., и прямо перекликаются с мартовскими письмами 1778 г.

Основной цикл публикуемых писем начинается 26 июля 1777 г. В это время Муравьев, сержант Измайловского полка, возвращается из годовичного отпуска, проведенного в Твери, где его отец занимал должность председателя Казенной палаты. Представитель старинного дворянского рода, Н. А. Муравьев (1721—1799) принадлежал к служилому дворянству. Основным источником его доходов была служба, ибо значительным состоянием он не обладал. В письмах часто идет речь о деньгах: Муравьев искренне взволнован кражей плаща, потерей трех рублей семидесяти пяти копеек, благодарит за присланный ему империял, а в письме от 4 апреля 1776 г. прямо говорит о разорении семьи.

На протяжении 20 лет Н. А. Муравьев служил во многих городах: Смоленске, где родился М. Н. Муравьев, Вологде, Архангельске, Оренбурге, Москве, вновь в Вологде, Петербурге и, наконец, Твери. Полученная в Твери должность председателя Казенной

⁴ См., например: Кулакова Л. И. М. Н. Муравьев. — Учен. зап. ЛГУ, 1939, № 47, вып. 4; Запавов В. А. Державин и Муравьев — В кн.: XVIII век, сб. 7. М. — Л., 1966; Муравьев М. Н. Стихотворения. Вступит. статья, подгот. текста и примеч. Л. И. Кулаковой. Л., 1967; Кулакова Л. И. и др. Радищев в Петербурге. Л., 1976; Кулакова Л. И. Н. И. Новиков в письмах М. Н. Муравьева. — В кн.: XVIII век, сб. 11. Л., 1976, и т. д.

палаты не удовлетворяла Н. А. Муравьева, и он поручил сыну хлопоты о своем дальнейшем продвижении по службе. М. Н. Муравьев ездит с письмами отца к Я. Е. Сиверсу, М. Н. Кречетникову, кн. А. А. Вяземскому, кн. М. М. Щербатову; через близкого дому Муравьевых И. А. Ганнибала он добирается до фаворита императрицы С. Г. Зорича, заручается поддержкой знакомых, в том числе В. И. Майкова, видимо, близкого в это время к кн. Н. В. Репнину. Однако просьбы наталкиваются на уклончивые ответы и долго не приносят осязательных результатов. Сочувственно относится к Муравьевым М. М. Щербатов, но он сам обижен невниманием императрицы (см. № 22 настоящей публикации). «У братца есть люди, которые не любят его при дворе», — передает Муравьев слова своего дяди. Кто эти люди, он не говорит, а может быть, не знает, но назначение на пост тверского вице-губернатора стоило Н. А. Муравьеву значительных усилий.⁵

Замедлена и карьера сына. Длительные хлопоты о переводе из Измайловского полка в Преображенский не увенчались успехом, хотя в них был вовлечен ряд знакомых, вплоть до поэта В. П. Петрова, связь которого с Потемкиным ярко рисуется в письмах. Долгое время М. Н. Муравьев остается сержантом. Отец журит его, Муравьев предпринимает некоторые шаги к получению следующего чина, но крайне неохотно и в конце концов отказывается «доискиваться»: «Позвольте мне сказать, что я не вижу причины унижения в том, что Полторацкие будут офицеры. Дстойнее меня носят платье мое. И пожалование в офицеры не есть знак отличия. Я сам буду в свое время, не имея другого достоинства, кроме череды. И что такое достоинство? Ушаков за него пожалован. Так оно должно быть что-нибудь весьма презрительное. По аттестатам у нас не жалуют. Думается, что мне достанется через доклад... Самому же того доискиваться — не имею довольно надеяния на себя» (письмо от 2 октября 1778 г.). В других письмах он говорит о том, что заставить искать чинов его может только материальная нужда, необходимость в будущем содержать семью. Пока же предпочитает быть «ленивцем», читать книги, «упражняться в письменах», посещать театр и друзей.

Круг литературных знакомств Муравьева этой поры очень широк. Он вращается среди наиболее известных писателей своего времени. Сам наиболее деятельный поэт львовского кружка, друг Львова, Хемницера, Капниста, Муравьев постоянно указывает на свою близость к М. М. Хераскову, считает себя учеником его и В. И. Майкова. Вместе с тем он часто посещает В. П. Петрова, советуется с ним по вопросам поэтического творчества, читает ему новые стихи и ставит рядом имена представителей различных направлений — Хераскова и Петрова.

Более четко вырисовывается в письмах облик М. М. Хераскова и круг близких ему людей. Муравьев наносит визит Хераскову в первые же дни по возвращении в Петербург, с удовлетворением замечает, что тот к нему «по-прежнему ласков», прислушивается к советам: «Быть им поправлену — все равно, что быть похвалену», — пишет он 7 марта 1779 г., а слова: «Вы любите чисто вырабатывать мысли, всегда en relief», — звучат для него похвалой (ГПБ, № XXIII, л. 45).

Письма Муравьева помогают восстановить действительную историю издания и распространения журнала «Утренний свет», причем выясняется значительная организационная роль Хераскова, подбиравшего сотрудников, намечавшего материал для переводов и т. д. В связи с изданием «Утреннего света» часто встречаются упоминания о Н. И. Новикове. Встретив несколько недоуменно приглашение Новикова зайти к нему (см. № 6), Муравьев через два с половиной месяца отзывается о нем с большим уважением. За короткий срок Новиков сумел внушить такое уважение, что Муравьев советуется с ним по поводу своих произведений. Так, стихи на смерть Сумарокова, уже одобренные Херасковым, он читает новому наставнику и, не найдя полного одо-

⁵ Сенатором и тайным советником Н. А. Муравьев становится в 1781 г.

брения, не решается печатать их (см. № 32). В дальнейшем посещения учащаются, Муравьева тянет к Новикову, и он признается: «Не знаю, что побуждает меня к нему зайти» (письмо от 8 ноября 1778 г.). В 1779 г. Новиков для Муравьева уже не просто «хороший писатель», а «один из лучших наших писателей и страстный любитель письмен» (письмо к Д. И. Хвостову от 19 ноября 1779 г.). В дневнике его имя ставится рядом с именами самых близких, дорогих людей.⁶

Один из наиболее близких друзей Муравьева — Н. А. Львов (1751—1803). Сблизились они еще в год поступления Муравьева в Измайловский полк (1773), где служил также и Львов. В 1776 г. они изучают одновременно итальянский язык, и Муравьев читает Тассо, Ариосто, прибегая к разъяснениям друга в затруднительных случаях. О Львове Муравьев много сообщает в письмах 1776 г., а в публикуемом цикле — 7 августа 1777 г. и затем начиная с середины декабря, когда возобновляются регулярные встречи друзей. Муравьев посвящает Львову послание, они читают друг другу свои произведения. Слушая комическую оперу Львова, Муравьев приходит в восторг, ибо видит в ней «тысячу маленьких черт», делающих «эту прелесть, которой нет в „Анюте“» (№ 57).

И. И. Хемницер, В. В. Капнист, Я. Б. Княжнин, Д. И. Фонвизин, Е. С. Урусова, Д. И. Хвостов, М. И. Веревкин, А. С. Хвостов, Н. П. Николев, А. В. Храповицкий дополняют список литературных знакомств Муравьева 70-х гг. Исчерпывающих характеристик этих писателей в переписке нет, но порой встречаются любопытные для историка литературы черточки.

Редко отзывающийся плохо о людях Муравьев лишь однажды высказал резко отрицательное мнение о поэте. Прочитав стихи Рубана, адресованные новому фавориту императрицы Зоричу, Муравьев заметил: «Не можно вообразить подлее лести и глупее стихов его ... Со всякого стиха надобно разорваться от смеху и негодования» (№ 6). По-видимому, находясь под тем же впечатлением, он записал в дневнике: «Зачем начинающие писатели стихов медлят заблаговременно питать свои дарования прочими трудами? Зачем Муравьев не переводит „Андромаху“? Ханыков от омерзения Рубана перешел к омерзению стихотворства: какой *parallélisme*» (ГПБ, № XXII, л. 46). Муравьев не порывает знакомства с Рубаном, но вскоре пишет сказку «Живописец», в которой формулирует мысль о необходимости нравственной чистоты, достигаемой только в удалении от «сильных мира сего», от тлетворного влияния придворной среды. Едва только художник, «питомец Рюбенсов», приблизился к богатству, роскоши, почестям и славе, как талант его стал угасать. После долгих колебаний он уходит от приблизившего его к себе владыки — и «в хижине нашел художник дарованье».

Муравьев готов презирать не только Рубана, меньше всего напоминающего идеального живописца. Чувство человеческого достоинства оскорбляется в нем общим раболепием. В условиях системы фаворитизма он хочет строить свою жизнь так, чтобы сохранить независимость. В письме к отцу 17 июля 1778 г. он говорит: «Вы изволите писать, что была великая перемена, но, сколько я знаю, она была только при дворе. А там все управляется по некоторым ветрам, вдруг восстающим и утихающим так же. Любимец становится вельможей; за ним толпа подчиненных вельмож ползает: его родня, его приятели, его заимодавцы. Все мы теперь находим в них достоинства и разум, которых никогда не видали. Честный человек, который не может быть льстецом или хвастуном, проживет в неизвестности». Далеким от мысли о протесте против зла, благодушный и доброжелательно настроенный, Муравьев пишет, узнав о несостоявшемся назначении нового премьер-майора: «Не знаю для чего, но я ненавижу всех, которых сулят мне в командиры. Может быть, это отвращение природы быть унижену и ужас кланяться» (письмо от 27 ноября 1778 г.).

⁶ Подробнее см.: Кулакова Л. И. Н. И. Новиков в письмах М. Н. Муравьева.

В приписках к сестре Муравьев часто говорит о прочитанных книгах, сообщает о новинках как русской, так и иностранной литературы. Он редко задерживается на произведении, но даже беглые указания представляют немалый историко-культурный и литературный интерес. Они лишней раз подтверждают мысль, что русские писатели XVIII в. вовсе не стремились перепевать мотивы французского классицизма XVII столетия, а пристально следили за текущей жизнью европейской литературы, относясь к ней достаточно критически.

Советы сестре читать Буало, Корнеля, Монтескье, раннего Вольтера имеют цель ознакомить ее с тем, что мы назвали бы теперь культурным наследством. Но Муравьев сообщает и о только что вышедших комедиях Дора, цитирует стихотворение Марешаля и драму Розуа (14 декабря 1777 г.), внимательно следит за творчеством Мармонталя.

Из письма 15 августа 1777 г. (№ 9) мы видим, что задолго до перевода Кострова в кружке Хераскова обсуждается Оссиан. Готовя статью об оде, Муравьев читает Пиндара, которого уже «не понимает»; ему знакомы немецкие анакреонтики, о чем свидетельствуют ссылки на Уца и Рамлера. Он знает Геснера и потому сразу правильно оценивает Леонара как одного из подражателей «швейцарского Теокрита». Он интересуется Кронекком, чья пьеса нашумела за пять лет перед этим; ему хорошо известен Виланд.

28 ноября 1776 г. Муравьев пересказывает сестре отзыв Вольтера о сумароковской трагедии «Семира» (к сожалению, письмо это сохранилось хуже других: края листа оборваны): «À propos Voltaire a donné des remarques critiques sur „Sémire“, il l’analyse, il fait voir les beautés de la tragédie et quelques défauts.⁷ Например, характер Оскольдов, по-Вольтерову, не выдержан. Он так сделан с начала гордым и великодушным, что, могши спасти жизнь свою унижением перед <Оле>гом, лучше хочет умереть, нежели пасть перед ним, и после хочет избавление свое из темницы до ... ствовать подлости, обману и любви сестриной. Я недавно купил последнюю Вольтерову трагедию „Les Loix de <Mi>nos, ou Astérie”⁸. Слабехонька. Она делана в 1773».

Если Муравьев позволяет себе порицать трагедию Вольтера, которого он любил и называл «mon cher vieillard» («мой милый старик»), то над поэмой «какого-то Леженя» он просто смеется.

Первым свидетельством интереса к Гете в России обычно считается перевод О. П. Козодавлевым юношеской драмы Гете «Клавиго» (СПб., 1780), в предисловии к коей переводчик назвал и «Страдания молодого Вертера». Однако Муравьевы хорошо знают роман Гете уже в 1778 г.

Еще за год до этого Муравьев пытался отогнать «все, что несет отпечаток меланхолии», «эту немецкую напыщенность, погруженную в „увы”» (см. № 17). «Веселость — порука чистоты душевной», — не устает он повторять, на разные лады варьируя эту мысль.

Стремясь уберечь сестру, а с ней и себя от крайностей вертеризма, но подчиняясь общему настроению, во многом определенному влиянием сентиментализма и распространением масонских настроений в кругах, к которым он был близок, Муравьев обнаруживает склонность к самоанализу. Исповедуясь в дневнике перед самим собою, в письмах он отчитывается перед отцом и сестрой не только в делах, но и мышлениях.

Муравьев находит в себе десятки пороков, дающих повод к самобичеванию. Легкомыслие, непостоянство, «упражнение в пустоте», косноязычие, «неупражнение разума» — вот далеко не полный перечень их. Нередко литературная «подоплека»

⁷ «Кстати, Вольтер сделал критические замечания на „Семиру”. Его анализ показывает красоты трагедии и некоторые недостатки»

⁸ «Законы Миноса, или Астерия».

таких настроений более или менее ясна. Подобным образом, например, обстоит дело с письмом сестре от 21 августа 1777 г. (см. № 12). Родные были взволнованы мрачно-меланхолическими рассуждениями молодого человека, и в ответ Муравьев пишет: «Я хотел представить сам себе состояние, в котором бывает поставлен человек. Мне хотелось кинуть на бумагу все черты, его составляющие, не продумав, у места ль эта картина» (№ 17). Иначе говоря, некоторые письма Муравьева, на первый взгляд имеющие совершенно личный характер, на деле навеяны литературой, если даже не являются прямыми литературными реминисценциями. Тем не менее самобичевание — не поза, а искренние переживания Муравьева. «Никакое доброе семя не прозябало в душе моей», — к такому печальному выводу приходит он, и чем сильнее бичует себя, тем сильнее восхваляет отца.

В отношении Муравьева к сестре в том виде, как оно отражается в переписке 1777—1778 гг., записях, ряде стихотворений, посвященных ей, намечается культ дружбы и дружбы именно с женщиной, чувствующей более тонко и глубоко, чем мужчина, и потому призванной облагораживать душу собеседника: «Не можно, любезная сестра, чтоб мужчина... столько мог быть счастлив сердцем, как женщина ... Он столько отвлечен от себя своим правом, должностями» (письмо 1778 г., без даты). Муравьева смущает «грубость чувствований», и он просит сестру «влиять в сердце» его добродетели, свойственные ей, укрепить союз, основанный на узах родства и взаимопонимания. «Ты любишь Виланда: разве не веришь ты его любимым мыслям, что есть сродственные души, наслаждающиеся рассматриванием друг друга?.. Мое письмо почтешь ты, конечно, за письмо к сродственной душе». Эти строки раскрывают истоки основного тона писем, его зависимость от сентиментальной литературы вообще, от «Симпатий» Виланда в частности.

«Нежнейшие черты чувства», «живость чувствования», «уста сердца», «невинность сердца», «непорочность сердца», «нежность сердца», «сладостное воспоминание», сердце, исполненное «тихим удовольствием», «уста природы», «черты добродетели», «слезы умиления», «нежные страхи» и тому подобные стилистические узоры, которые кажутся заимствованными из поэтического арсенала последних лет XVIII—начала XIX в., переходят из писем, представляющих своего рода литературную школу, поэтическую лабораторию, в стихи Муравьева, а позднее и в прозу.

Сами письма делятся на дружески-деловые сообщения и навеянные литературой сентиментальные излияния. Соответственно различен и их язык. Утонченность, изысканность культивируется при характеристике чувства, жизни сердца. В тех же случаях, когда говорится об обычных вещах, появляется без всяких обиняков и извинений малоизысканное «сукин сын».

О Федосье Никитичне Муравьевой (1760?—1792?) почти ничего не известно, не установлены даже точные даты ее рождения и смерти. Ясно только, что она была моложе брата, очевидно, года на два-три, ибо в начале 1776 г. восемнадцатилетний Муравьев говорит с ней как с девочкой, подшучивает, журит, напоминает о необходимости играть на клавесинах, а к концу того же года тон меняется, становится более серьезным, письма же 1777—1778 гг. обращены к взрослой девушке.

Письма Ф. Н. Муравьевой почти не сохранились, но ответы брата в известной мере бросают свет и на ее облик. Обращаясь к сестре, Муравьев не передает сплетен, сравнительно немного (и чем дальше, тем меньше) говорит о туалетах, о модах. Рассказы о новых книгах, театральных новинках, рассуждения о добродетели, долге, любви к ближним составляют основное содержание их заочных бесед. Сам настроенный достаточно сентиментально, Муравьев вынужден умерять чувствительность сестры, просить, чтобы она позволяла себе «более веселия».

Одно из немногих уцелевших писем Ф. Н. Муравьевой (оно написано к отцу в июне 1778 г., когда Ф. Н. Муравьева гостила у двоюродной сестры А. Ф. Вульф в селе

Берново) показывает, что ей и на самом деле не чужда была сентиментальная чувствительность. О дальнейшей судьбе Ф. Н. Муравьевой известно немного. Выйдя замуж за С. М. Лунина, она ушла в заботы о воспитании и образовании детей, прибегая и в данном случае к помощи брата.

К числу наиболее интересных разделов переписки относятся театральные новости, сведения об актерах, о драматургах. Так, именно из письма Муравьева, пересказавшего слова Дмитриевского, стало известно об успешной работе Фонвизина над «Недорослем» уже в июле 1779 г. Любопытны также указания об увлечении любительскими спектаклями. Муравьев пишет о спектаклях у П. В. Бакунина, в которых принимает участие Н. А. Львов, его будущая жена М. А. Дьякова, ее сестры и даже ветеран русской сцены И. А. Дмитриевский. Ставились «Дидона» Княжнина, «Игрок» Реньяра, комическая опера Саккини «Колония». В 1789—1790 гг. любительскими спектаклями увлекается И. М. Муравьев младший (позднее Муравьев-Апостол). Он принимает участие в комической опере Паизиелло «Нина, или От любви сумасшедшая», «Деревенском колдуне» Руссо, которые шли в театре А. С. Строганова (а также выясняется, что державинская кантата «Песнь дому любящего науки и художества» исполнялась у Строганова с музыкой Бортиянского). Одновременно внимание светского общества занимали спектакли у А. А. Матюшкиной. Среди друзей Муравьева мы видим и актеров, и авторов пьес: Н. А. Львова, В. В. Ханькова, написавшего либретто оперы-буфф «Именины, или Меркуриев колпак».

Имя Василия Васильевича Ханькова часто упоминается в письмах, но они не дают истинного отражения отношения Муравьева к человеку, чье сердце, по его словам, было для него святилищем, кому он обязан был первым знакомством со стихотворством. Их связывала дружба на протяжении всей жизни, и много лет спустя после смерти Муравьева Ханьков заботился о больном Батюшкове, памятуя дружбу Муравьева. В муравьевских бумагах сохранилось неисчислимое количество записей, относящихся к Ханькову: от краткого и нежного восклицания «Васинька Ханьковушка» до попытки нарисовать портрет друга.⁹

Жизнь В. В. Ханькова (1759—1839) сложилась несколько иначе, чем судьба его друга. Сержант Преображенского полка в 70-е гг., гвардейский офицер, отличившийся в шведской кампании, в 80—90-е, видный дипломат с 1802 г., Ханьков писал стихи на русском и французском языках, причем последние удостоились высокой оценки Гете. Печатался Ханьков немного, достаточно обширное литературное наследие его доньше в известность не приведено. Помимо тех опубликованных произведений, на принадлежность которых перу Ханькова уже указывалось в печати,¹⁰ можно предположить, что ему принадлежат стансы «Надменные сердца», напечатанные в «Санктпетербургском вестнике» (1778, ч. 2, с. 32). В пользу этого говорит подпись «В. Х.», близкое знакомство Ханькова с Княжнинным (напомним, что Ханьков был одним из двух лиц, которым Княжнин читал «Вадима Новгородского», а Муравьев безоговорочно называет Княжнина одним из издателей «Санктпетербургского вестника»), наконец, сотрудничество Муравьева в том же журнале. Кроме того, среди записей Муравьева есть следующее сообщение: «1778 года в марте месяце напечатана Пляска Метастазиева переводу Васиньки», — и указание, что Ханьков переводил «Папскую туфлю» Вольтера.

В ГИМ хранятся письма Ханькова к Муравьеву, интересные по материалу и подтверждающие мнение современников об остроумии Ханькова. В них много язвительных и довольно тонких высказываний по вопросам литературы, гораздо меньше благодушия, успокоенности, чем в письмах Муравьева, больше критического отношения к людям. Познакомившись с Львовым, Ханьков осмеивает его страсть к

⁹ В сокращении см.: *Муравьев М. Н.* Стихотворения, с. 35. В Полное собрание сочинений вошел другой отрывок, выдержанный в более свойственном Муравьеву сдержанно-панегирическом тоне (см.: ч. 3. СПб., 1820, с. 262).

¹⁰ Сводку см. в кн.: Остафьевский архив князя Вяземского, т. 3, Примечания. СПб., 1908, с. 387.

позе и декламации. Начав читать только что вышедшую «Россиаду» Хераскова, Ханьков дает вежливый, но в сущности уничтожающий отзыв о ней: «Вчера получил я „Россиаду“, прочитал в оной по сю пору только 3 песни. Сколько я мог из одного по понятию своему заключить, она написана с <такой> тщательностью и красотой стихов, что мало таковой по-русски находится. В некоторых местах упадает. Мастерство писать стихи, но не поведения поэмы. Черты картин часто натянутые, мрачные, слабые. Нет génie. Повсюду явствует работа и труд. Со всем тем сочинение, наполненное красотами и которое считаю я первым монументом российской поэзии, коей делает оно честь. Я нахожу его лучшим, нежели ждал» (письмо Ханькова к Муравьеву от 4 апреля 1779 г.).

По существу «Россиада» для Ханькова уже явление прошлого, живой анахронизм. Его внимание занимают сборники «Pièces fugitives», и собственные стихотворения он пишет в том же плане «легкой поэзии». Продолжал писать Ханьков до преклонных лет.

Письма М. Н. Муравьева 1777—78 гг. представляют явление литературного порядка. В них есть тема, есть герой, для которого письма являлись школой «чувствований», лабораторией сентименталистского отношения к миру. Здесь складывалась новая формула: «Я чувствую, следовательно, я живу», заменившая классическое картезианское «Cogito ergo sum». Здесь выработывался слог одного из наиболее ранних представителей русского сентиментализма и предромантизма.

Сам Муравьев осознавал переписку как своеобразный литературный жанр, как роман. Лаконично, хотя и в шуточной форме, эта мысль выражена в письме сестре от 30 ноября 1777 г. (см. № 42), а всерьез она развернута в словах Муравьева, написанных на обороте письма Ханькова от 28 февраля 1779 г.: «Переписка друзей... это история сердца, чувствований, заблуждений. Роман, в котором мы сами были действующими лицами».

В заключение необходимо сказать о предыстории предлагаемой публикации. Подготовку собрания писем Муравьева 1776—1791 гг. покойная Л. И. Кулакова начала еще в конце 30-х гг. Однако во время войны оставшаяся в Ленинграде большая часть материалов погибла. В 1947 г. исследовательница вновь начала работу, и в 1948 г. публикация полного текста писем 1777—1778 гг. (с вступительной статьей и примечаниями Л. И. Кулаковой, всего до 10 печатных листов) была включена в состав намечавшегося к изданию 3-го сборника «XVIII век». Однако сборник в свет не вышел, оба сданные в редакцию оригинала работы пропали (в ИРЛИ имеется неполная машинописная копия одного цикла муравьевских писем, по предложению Г. А. Гуковского переданная туда Л. И. Кулаковой). Единственный уцелевший экземпляр корректуры сборника хранился в библиотеке П. Н. Беркова и теперь находится в Минском университете.

При подготовке настоящего издания письма Муравьева были заново прочитаны В. А. Западным. Пользуемся случаем принести глубокую благодарность дирекции ГИМ и сотрудникам Отдела письменных источников, которые в неблагоприятных обстоятельствах изыскали возможность предоставить для работы оригиналы муравьевских писем.

1. ГИМ, ф. 445, № 51, л. 62—63.

¹ Петр Семенович Муравьев — дальний родственник Муравьевых, генерал-майор, постоянно живший в Москве. Дом, видимо, был куплен им у Н. А. Муравьева, так как переговоры о продаже шли в 1776 г.

² С Василием Ивановичем Майковым (1728—1778) Муравьев познакомился в 1772 г., считал его одним из своих учителей в поэзии, но советам его следовал не всег-

да (см.: *Муравьев М. Н.* Стихотворения, с. 127—128, 129, 206, 333 и др.). В 1775 г. Майков переехал из Петербурга в Москву, выйдя в отставку; но 4 сентября того же года был пожалован чином бригадира и назначен главным членом Мастерской и Оружейной палаты.

³ Матвей Артамонович Муравьев меньшей (младший) — брат Н. А. Муравьева, полковник, в 1777 г. суздальский воевода. В дальнейшем в письмах говорится о неприятностях, связанных с отставкой М. А. Муравьева в том же году. Сменил его в должности суздальского воеводы кн. Василий Алексеевич Вяземский.

⁴ Федосья Алексеевна — родственница Муравьевых (в ряде писем она именуется тетушкой); фамилию выяснить не удалось.

⁵ Киреевский — возможно, Алексей Никитич (1745—1812), майор.

⁶ Иван Матвеевич Муравьев старший — сын Матвея Артамоновича младшего; квартирмейстер Измайловского полка.

⁷ Вольное российское собрание («Собрание») при Московском университете было организовано по инициативе И. И. Мелиссино в 1771 г. Деятельность Собрания приостановилась в связи с чумной эпидемией 1771 г. и возобновилась 14 января 1772 г. С 1774 по 1783 г. издано шесть частей «Опыта трудов Вольного российскою собрания при Московском университете». Муравьев был принят в Собрание 3 декабря 1776 г. В 4-й части «Опыта трудов» помещены его переводы из Горация, «Эпистола к Н. Р. Р ***» (Н. Р. Рожешникову), «Жалобы музам», «Роща».

⁸ Своей диссертацией Муравьев называет «Рассуждение о различии слогов высокого, великолепного, величественного, громкого, вздутого», опубликованное в 6-й части «Опыта трудов» (1783). Там же напечатан перевод из Клейста.

⁹ Куратор Московского университета — Иван Иванович Мелиссино (1718—1795).

¹⁰ Миллер Г. Ф. — Миллер Герард-Фридрих (1705—1783) — с 1730 г. профессор истории Петербургской Академии наук, с 1766 г. — начальник московского архива Иностранной коллегии (при этом за ним оставалось звание историографа Академии наук). Что Муравьев именуется своей «Тверской историей» — неизвестно; по-видимому, ее следует искать в известных «портфелях Миллера». Под «Чигиринским походом», очевидно, имеются в виду «Известия о двух Чигиринских походах, в 1677 и 1678 гг. из собственноручных дневных записок бывшего российского генерала Патрика Гордона» (пер. с нем. Н. С. и К. Штриттера), опубликованные много позднее, в 1788—1789 гг. в журнале «Новые ежемесячные сочинения».

¹¹ Гюнтер — Иоганн Христиан Гюнтер (1695—1723).

¹² «Не мрак ли в облаках развился» — начало 8-й строфы оды М. В. Ломоносова на восшествие на престол Екатерины II 1762 г.

¹³ Спор, о котором рассказывает Муравьев, имеет длительную предысторию. Еще при жизни Ломоносова его враги распускали слух о том, что «Ода на взятие Хотина» якобы целиком заимствована из Гюнтера. «Автором» этого «открытия» был Я. Штелин, утверждавший также и не самостоятельный характер ломоносовской реформы стихосложения (о Тредиаковском Штелин вообще умалчивал). В опубликованной позднее «Записке» Штелин заявлял, что по стихотворениям Гюнтера Ломоносов «писал... свои русские стихи с немецким размером в ямбах, трохеях и дактилях» (Материалы для истории русской литературы. Изд. П. А. Ефремова. СПб., 1867, с. 161—162). Та же мысль проводилась в «Чертах и анекдотах для биографии Ломоносова», опубликованных Штелином на немецком языке. Как явствует из возражений Мелиссино, Миллер разделял точку зрения Штелина, но спор шел не только об «Оде на взятие Хотина», но и поэзии Ломоносова вообще, ибо Муравьев прочел отрывок из оды 1762 г. Сам Муравьев очень высоко ценил Ломоносова-поэта (см., например, его «Похвальное слово Михаилу Васильевичу Ломоносову». СПб., 1774).

¹⁴То ли ошибка, то ли шутка Муравьева: 3 мая день памяти Феодосия Почерского, а память двух мучениц Феодосии — 29 мая, когда Ф. Н. Муравьева и отмечала свои именины.

¹⁵Видимо, речь идет о пьесе Гольдони «Le bourru bienfaisant» (1771). Переведена М. В. Храповицким под заглавием «Благодетельный грубиан» (СПб., 1772). Представлена впервые в 1775 г. в Москве.

¹⁶«Принужденная женитьба» — комедия в 1 действии Мольера (пер. Г. Н. Теплова (?), М., 1779). В «Хронике русского театра» И. Носова в качестве даты первой постановки названо 29 апреля 1779 г., однако, судя по объявлениям в «Московских ведомостях», «Принужденная женитьба» должна была идти 1 октября 1760 г.

¹⁷С Иваном Афанасьевичем Дмитревским (1734—1821) Муравьев познакомился в 1776 г.

¹⁸Татьяна Петровна — родственница Муравьевых, жившая в их семье в качестве «компаньонки» Федосьи Никитишны.

¹⁹Хазовой — щегольский, франтовской (о куске материи); возможно — газовый (из газа).

²⁰Сырсака — возможно, шелк-сырец.

2. ГИМ, ф. 445, № 51, л. 66.

¹ Изъединов Алексей Афанасьевич (1735—1782) — тверской помещик.

² Анисим Титыч — Князев; в 1777 г. служил в Московской губернской канцелярии.

³ Антон Алексеевич — Барсов (1731—1791), профессор Московского университета, издатель «Московских ведомостей», бессменный секретарь Вольного собрания, редактор «Опыта трудов», составитель первого печатного издания русских пословиц.

⁴ Василий Иванович — Майков.

⁵ В предисловии к «Санктпетербургским ученым ведомостям» 1777 г. напечатано обращение к «российским стихотворцам» с предложением сочинить надписи к «личным изображениям» Феофана Прокоповича, Кантемира, Поповского, Лосенко, Чемезова (Чемесова). На это приглашение откликнулись И. И. Дмитриев, Ф. Я. Козельский, В. И. Майков, а также Г. Р. Державин, который, вероятно, не успел передать свои надписи в журнал до его закрытия, и они были опубликованы в следующем году в «Санктпетербургском вестнике». В апрельской книжке журнала (№ 15, с. 115—116) помещены пять надписей с подписью «***», сопровождаемых автокритическим письмом без подписи и датой: «1777 года, апреля 18 дня. Тферь». Они и принадлежат Муравьеву.

⁶ Кто имеется в виду — неясно.

3. ГИМ, ф. 445, № 50, л. 2—3 (далее — все письма под этим шифром; указываем только листы).

¹ Миллер — вышневолоцкий трактирщик.

4. Л. 4—5.

¹ Дядюшка — Матвей Артамонович Муравьев старший, брат Н. А. Муравьева; в 1770-х гг. — генерал-майор, официально числившийся на службе при водяной коммуникации Новгородской губернии в канцелярии Боровицких порогов; был наиболее состоятельным из братьев Муравьевых. Деньги, отданные им в долг дальнему родственнику Михаилу Прокофьевичу Яковлеву, вскоре послужат причиной «дела», в которое вмешается и М. Н. Муравьев: не желая отдавать долг, Яковлев и его жена Олена Петровна будут требовать учреждения опеки над М. А. Муравьевым, как лишившимся разума.

² Иван Матвеевич Муравьев младший (1762—1851) — сын предыдущего. С 1800 г. стал именоваться Муравьев-Апостол по фамилии деда со стороны матери.

³ Олсуфьев Федор Яковлевич — секунд-майор Измайловского полка.

⁴ Речь идет о И. М. Муравьеве старшем.

⁵ Сергей Александрович — Хотяинцев, капитан-поручик Измайловского полка.

⁶ Подполковниками Измайловского полка в 1777 г. были гр. К. Г. Разумовский и кн. Николай Васильевич Репнин (1724—1801), крупный полководец и дипломат, видный масонский деятель. Муравьев имеет в виду Репнина, который фактически командовал Измайловским полком.

⁷ Николай Васильевич Леонтьев (1739—1824) — капитан Измайловского полка; баснописец и поэт.

⁸ Имя Ивана Абрамовича Ганнибала, дружески расположенного к М. Н. Муравьеву и его отцу, многократно упоминается в письмах.

⁹ Миллер Карл Вильгельм — переплетчик и книгопродавец, издатель «Санктпетербургских ученых ведомостей», ближайший сотрудник Новикова по «Обществу, старающемуся о напечатании книг».

¹⁰ Петров Василий Петрович (1736—1799) — поэт, переводчик, друг Потемкина.

¹¹ Вердеревские Иван Иванович (председатель палаты уголовного суда в Твери) и Николай Алексеевич — тверские знакомые Муравьевых.

5. Л. 6—7. Приписка рукой И. М. Муравьева старшего.

¹ Кн. А. И. Лобанов-Ростовский (1754—1830) — капитан-поручик Измайловского полка.

² Шипов Михаил Иванович (р. 1739) — секунд-майор Измайловского полка до 1782 г.

³ Кн. Петр Алексеевич Голицын (1731—1810) — генерал-поручик, секунд-майор Измайловского полка.

⁴ Федор Михайлович — Колокольцев (1732—1818), в 1770-х гг. Прокурор Адмиралтейской коллегии. Дворянин-откупщик, он владел несколькими тысячами крепостных, десятками тысяч десятин земли, миллионным состоянием, ссужал деньги дворянам и купцам. Характерно, что Муравьев обращался к нему по всем вопросам, связанным с деньгами. Впоследствии дочь Колокольцева Екатерина Федоровна (1771—1848) стала женой Муравьева.

⁵ Т. М. Флорова-Багреева (ум. 1789) — сестра Колокольцева.

⁶ Михаил Иванович Попов (1742—ок. 1790) — поэт, писатель, драматург. Среди поздних записей Муравьева есть такая: «Наш добрый Михайло Иванович Попов, канцелярский протоколист или что-нибудь подобное, сочинитель при Уложении и который мог бы быть лучше сочинителем <с пенсионом> при комиссии Муз и Граций. Верное изображение французских литераторов: беден, прост, добросердечен, трудолюбив — и забыт» (ГПБ, № III, л. 5).

⁷ Киприан Иванович — Горохов, ассессор палаты гражданского суда в Твери.

⁸ Докучаев — петербургский купец.

⁹ В 1770 г. при Измайловском полку были учреждены две кадетские роты, целью которых являлось образование «в науках и фронтовой части» молодых дворян, числившихся в гвардейских полках (от рядовых до сержантов включительно). С 1 сентября по 1 мая их обучали французскому и немецкому языкам, математике, фортификации, географии, истории, фехтованию, верховой езде и т. д., а с 1 мая начинались строевые занятия («строи»).

¹⁰ Николай Васильевич — Леонтьев.

¹¹ О каких списках истории говорится в письме, выяснить не удалось.

¹²Кн. Николай Васильевич — Репнин.

¹³Елагин И. П. (1725—1794).

¹⁴Муравьевы — вероятно, семейство А. А. Муравьевой (см. № 6).

6. Л. 8—9.

¹ Князь Александр Алексеевич — Вяземский (1727—1793), генерал-прокурор Сената.

² Князь Щербатов Михаил Михайлович (1733—1790) — историк и публицист.

³ Заворотков — сержант Измайловского полка.

⁴ Анна Андреевна — Муравьева, урожденная Волкова (ум. 1804), родственница Муравьевых, вдова Николая Ерофеевича Муравьева (1724—1770), инженера, математика, автора стихотворений и песен; с 1778 г. — жена князя А. В. Урусова.

⁵ Барышников Иван Иванович (1749—1834) — знакомый Муравьевых; служил в военной службе с 1774 г., вышел в отставку майором артиллерии в 1784 г. Имя его упоминается в списке подписчиков на «Утренний свет» (октябрь 1777 г.).

⁶ Александр Андреевич — Волков (1736—1783), брат А. А. Муравьевой, переводчик и драматург; по предположению П. Н. Беркова, автор лейпцигского «Известия о русских писателях».

⁷ Ханьков Василий Васильевич (1759—1839) — друг Муравьева.

⁸ Н. А. Львов (1751—1803) служил в коллегии иностранных дел. С ноября 1776 г. путешествовал по Германии, Голландии, Франции с М. Ф. Соймоновым и Хемницером.

⁹ Бакунин Петр Васильевич младший (1732—1786) — в 1777 г. Тайный советник, член Коллегии иностранных дел, любимец главы коллегии — Никиты Ивановича Панина. Современники упрекали Бакунина в корыстолюбии, в предательстве интересов Панина. Данное свидетельство Муравьева исправляет указание Я. К. Грота, что Львов жил у Соймонова в это время.

¹⁰Михайло Федорович — Соймонов (1730—1804), сенатор, главный директор Берг-коллегии; родственник и покровитель Н. А. Львова. Соймонов (вместе с Хемницером) вернулся в Петербург 9 октября 1777 г. Под его начальством служил Иван Иванович Хемницер (1745—1784), друг Муравьева и Львова, баснописец, поэт; в это время — обер-бергмейстер горного ведомства.

¹¹С. Г. Зорич (1733—1799) — фаворит Екатерины II с июня 1777 по июнь 1778 г. Рубан Василий Григорьевич (1742—1795) посвятил ему ряд стихотворений. Муравьев имеет в виду «На пожалование королевского шведского ордена Меча, Семenu Гавриловичу Зоричу...» (СПб., 1777) и в своем пародийном изложении, в общем, верно передает содержание. Для сравнения приводим выдержки из этого редкого издания:

С земных до горних мест взносяся,
Илия Дал милость спутнику, в знак силы своея.
Чудился взявший дар великости залога
И человека ль зрел с собою или бога?
Но видя пламенных коней и возника,
Познал, чья действует всемогущая рука.
Днесь августейшему сопутствуют, Густаву,
Внезапу облечен в геройску Зорич славу
Дивится, как тогда дивился Елисей,
Кто, смертный или бог, но зная, странник сей
Се зришь и узриши еще ты мзду заслуг,

Лишь только наблюдай, как начал, добродетель
И, сколько можешь, всем блага будь содетель...

7. Л. 10—11.

¹ Тимофей Иванович — Чонжин (1722—1803), советник тверской казенной палаты.

² Мария Ивановна — жена Ф. М. Колокольцева. О каком князе Козловском идет речь далее, неясно.

³ «Ученые ведомости» — «Санктпетербургские ученые ведомости», еженедельный журнал, посвященный критической библиографии; издавался с января по май (фактически с марта по август) 1777 г. на средства К. В. Миллера. Редактором считался Н. И. Новиков.

⁴ Речь идет о журнале «Утренний свет», который начал выходить с сентября 1777 г. и продолжался по август 1780 г.

⁵ Боэций (ок. 480—524 или 525) — римский философ, один из последних неоплатоников; «Об утешении философией» — его основной труд. Перевода книги Муравьев не закончил.

⁶ О Майковых — т. е. о надписях В. И. Майкова (см. № 2, примеч. 5). Они, очевидно, были известны М. М. Хераскову в рукописном виде, так как последний, 22-й номер «Санктпетербургских ученых ведомостей», в котором напечатаны майковские надписи, вышел в свет позднее.

⁷ Прасковья Глебовна — близкая знакомая Муравьевых, жена Ивана Андреевича Головцына; его брат Егор Андреевич — архангелогородский губернатор.

⁸ Полторацкий Марк Федорович (1727 или 1729—1795) — управляющий придворной капеллой.

⁹ Берново — родовое имение Вульфов в Старицком уезде Тверской губернии. В 70-х гг. оно принадлежало Ивану Петровичу Вульфу (ум. 1817), женатому на Анне Федоровне Муравьевой (ум. 1793). У нее жили сестры и братья, друзья Ф. Н. и М. Н. Муравьевых. Берново описано в ряде стихотворений Муравьева, в его прозаическом сочинении «Эмилиевы письма», которые он называл также «Берновскими письмами».

¹⁰ Любовь Федоровна Муравьева — сестра А. Ф. Вульф, двоюродная сестра и подруга Ф. Н. Муравьевой; к ней обращена концовка стихотворения «Итак, опять убежище готово...», написанного Муравьевым в Бернове в сентябре 1780 г.

¹¹ Мармонтель Ж. Ф. (1723—1799) — французский писатель-просветитель, сотрудник «Энциклопедии» по отделу искусств. Роман «Инки» (1777) направлен против фанатизма, деспотии, порабощения человека, в частности против насилий европейцев в Америке. Вышедшее в начале освободительной борьбы в Америке произведение приобрело особую остроту, мобилизуя общественное мнение в пользу восставших. «Сказки», о которых говорит Херасков, — небольшие рассказы Мармонтеля «Contes moaux» («Нравоучительные рассказы», 1756—1761).

8. Л. 12.

¹ Лепехин Иван Иванович (1740—1802) — академик, путешественник; впоследствии — непрременный секретарь Российской Академии, редактор «Новых ежемесячных сочинений».

² Дора К. Ж. (Dorât, 1734—1780) — французский поэт и драматург. В упоминаемой Муравьевым комедии «Les prôneurs, ou le Tartuffe littéraire» (1777) Дора выступил против энциклопедистов, их салонов, хотя в предисловии и отверг упреки в сатире на лица, утверждая, что он изобразил характеры, встречающиеся в Париже, Лондоне, Петербурге, Пекине. Резкие нападки на просветителей сочетаются в комедии с пре-

небрежительными отзывами об их противниках. Муравьев, как и многие поэты 70-х гг., увлекался «легкой поэзией» Дора. Это увлечение спало к 90-м гг. В «Эмилиевых письмах» Муравьев отметил, что Дора «удалился от благородной простоты, бегая за остроумием».

³ Герцогиня Кингстон (1720—1788) прибыла в Петербург после скандального процесса. Великолепная яхта герцогини привлекла внимание петербуржцев, и «знатные обоюбого пола» спешили осмотреть ее.

9. Л. 18—19.

¹ Х. М. Ганнибал (ум. 1781) — вторая жена Абрама Петровича, прабабка А. С. Пушкина.

² Петр Матвеевич — Херасков, брат поэта.

³ Княжна Урусова Екатерина Сергеевна (1747—после 1817) — двоюродная сестра Хераскова, поэтесса.

⁴ Нарвская поэма — «Нарвиада» или «Осада Нарвы», — большая поэма, задуманная Муравьевым, от которой сохранились лишь отрывки. Трагедия, о которой идет речь, — «Болеслав»; Муравьев работал над ней в 1773—1776 гг. и также не закончил.

⁵ «Сочинения Оссиана, сына Фингала» Д. Макферсона были переведены на французский П. Летурнером (1777).

⁸ Головин Михаил Евсеевич (1756—1802) — физик, адъютант Академии наук; племянник Ломоносова.

⁷ Самойлов — возможно, Александр Борисович, правитель владимирского наместничества.

⁸ Корсаков Алексей Иванович (1751—1821) — капитан 1-го фузилерного полка.

⁹ Козодавлев Осип Петрович (1754—1819) — поэт, переводчик. Товарищ Радищева по Лейпцигу, он по возвращении в Россию в 1774 г. был назначен в Сенат протоколистом.

¹⁰ Князь Григорий Григорьевич — Орлов Григорий Григорьевич (1734—1783) — один из организаторов дворцового переворота 1762 г. и фаворит Екатерины II.

¹¹ Муравьев называет комические и лирические оперы Мармонтеля.

¹² Эпистола к парижанам написана в 1776 г.

¹³ Речь идет о стихотворном послании французского поэта Мюрвиля (Murville) «L'Amant de Julie d'Etange, ou Épitre d'Herrmotime à son ami», напечатанном в 1776 г. Кроме того имеется в виду пересказ послания и краткий разбор его в «Almanach des Muses» 1777 г.

¹⁴ Стихотворение Дора посвящено смерти его друга Колардо (издано в 1777 г.). Ш. П. Колардо (1732—1776) — французский поэт и драматург, автор популярных героид «Элоиза к Абеляру» (переложение из А. Попа), «Армида к Рено» (в русском переложении — «Армида к Ринопольду»; по Т. Тассо) и т. д.

10. Л. 13—14.

¹ Кумберланд — Ричард Кемберленд (1732—1811), английский драматург, автор многочисленных «слезных» комедий. Пьеса, о которой пишет Муравьев, — «The West Indian» («Индеец», 1771).

² Шувалов Иван Иванович (1727—1797), фаворит Елизаветы Петровны, почетный член Академии наук и покровитель М. В. Ломоносова: в сфере его внимания находились основные культурно-просветительные учреждения (Московский университет, Академия художеств), в том числе и Российский театр, официально учрежденный 30 сентября 1756 г. во главе с Сумароковым в качестве директора. С апреля 1763 по 17 сентября 1777 г. находился за границей.

³ А. П. Сумароков умер 1 октября 1777 г.

⁴ В начале 1773 г. Яков Борисович Княжнин (1740—1791) под предлогом растраты (по предположению современных исследователей, действительной причиной расправы было или участие Княжнина в «драке» вокруг престола, или антиекатерининская трагедия «Ольга», — может быть, то и другое вместе) был приговорен к смертной казни, замененной конфискацией имения, лишением дворянства и чинов, разжалованием в солдаты. В апреле 1777 г. ему был возвращен капитанский чин, и он был зачислен переводчиком в Канцелярию от строений по предложению ее начальника И. И. Бецкого. В следующем году Княжнин стал секретарем Бецкого. Муравьев хорошо знал драматурга. Среди его записей можно найти и указание, что Княжнин сочинил «Ольгу» и «Вивлиду». Это единственное свидетельство современника о принадлежности Княжнину трагедии «Ольга», опубликованной нами в 1961 г. (вторая трагедия пока не обнаружена).

⁵ В первом номере «Санктпетербургских ученых ведомостей», вышедшем в марте 1777 г., читатели оповещались, что журнал первые два месяца будет выходить дважды в неделю, чтобы к концу года получился комплект в 52 номера; однако всего появилось 22 номера.

⁶ М. В. Сушкова (Храповицкая, 1752—1803) — писательница, переводчица. Первое издание ее перевода романа Мармонтеля «Инки» напечатано в 1778 г. в Москве.

⁷ См. № 56.

11. Л. 15.

12. Л. 16—17.

¹ Афанасий Матвеевич — Брянчанинов (ум. 1786), вологодский помещик, родственник Муравьева, который посвятил ему ряд стихотворений. В прозаических произведениях Муравьева он изображен под именем Осанова.

² Вейдемейер Иван Андреевич (1752—1820) — в 1777 г. Титулярный советник Коллегии иностранных дел.

³ Тургенев Иван Петрович (1752—1807) — друг Муравьева, в эти годы служил в Крыму старшим адъютантом в штате кн. А. А. Прозоровского; переводчик, сотрудник «Утреннего света»; впоследствии — видный масон, писатель. Был произведен в секунд-майоры во время приезда в Петербург 22 июля 1777 г.

⁴ Красильников Семен — купец, должник Муравьевых.

⁵ Захар Матвеевич — Муравьев (1759—1832), сын Матвея Артамоновича младшего, двоюродный брат М. Н. Муравьева; артиллерийский офицер.

⁶ Кронек — И. Ф. Кронек (Cronck, 1731—1758), немецкий поэт и драматург, представитель умеренного крыла немецкого просветительства. Двухтомное собрание его сочинений вышло в 1761 г. В него включены драматические произведения, сатиры, элегии, дидактические стихотворения. Философские ламентации и меланхолические элегии Кронекса дали современникам право называть его «немецким Юнгом». По-видимому, чтением сочинений Кронекса навеяны меланхолически-мрачные рассуждения Муравьева в нижеследующем письме к сестре, которое встревожило его родных.

⁷ Иван Иванович (убит в 1790 г.) и Василий Иванович Чаадаевы в 1777 г. — сержанты Преображенского полка. Их отец, тверской помещик и чиновник, сослуживец Н. А. Муравьева Иван Петрович Чаадаев (1732 или 1733—1786) — переводчик комедии Мольера «Жорж Дандин» (1758).

13. Л. 20-21.

¹ «Так и должно» — комедия М. И. Веревкина (1732—1795), напечатанная в 1773 г.

² Новая актриса — возможно, Прасковья Петровна Черникова, принятая на службу в 1777 г.

14. Л. 22.

¹ Яков Ефимович — Сиверс (1731—1808), один из виднейших чиновников екатерининского времени, в 1777—1778 гг. — наместник тверской, новгородский и псковский.

² «Дезертер» — лирическая драма М. Ж. Седена (1719—1797) «Le déserteur» (1769), музыка Монсиньи.

³ «Considérations sur les causes de la grandeur et de la décadence des Romains» — одна из популярнейших книг Монтескье. Изданная впервые в 1734 г., она к 1781 г. выдержала свыше тридцати изданий. В этом сочинении Монтескье впервые формулирует принципы отношения к истории, которые лягут в основу «Духа законов» (1748). Поэма в прозе «Книдский храм» опубликована в 1724 г., эстетический трактат «Опыт о вкусе» — в 1757 г.

⁴ Бастидон Матрена Дмитриевна (1734—1805) — кормилица цесаревича Павла Петровича, мать Катерины Яковлевны Бастидон (1760—1794), первой жены Г. Р. Державина, подруги Ф. Н. Муравьевой, Муравьев постоянно бывал в доме М. Д. и К. Я. Бастидон.

⁵ Балк — вероятно, Захар Михайлович (1753—1821), в эти годы подпрапорщик Преображенского полка.

⁶ Сестрица ... помнит — приписка М. Н. Муравьева.

15. Л. 23-24.

¹ 30 августа — традиционный день так называемого «кавалерского праздника». Описание его см. «Санктпетербургские ведомости» от 1 сентября 1777 г.

² Николай Федорович — Муравьев, брат А. В. Вульф, двоюродный брат М. Н. Муравьева, поручик артиллерии.

³ Дмитрий Васильевич — Камынин (1740—1807), чиновник тверского верхнего земского суда.

16. Л. 25-26.

¹ М. Н. Кречетников (1723—1793) в 1777 г. — наместник калужский и тульский, в 1778—1781 гг. — калужский, тульский и рязанский.

² Федор Леонтьевич — Карабанов (1738—1813), тверской вице-губернатор до назначения на эту должность Н. А. Муравьева.

³ С. С. Муравьев (1728—1899) — дальний родственник Муравьевых, секунд-майор.

⁴ Книжная лавка Миллера располагалась в доме купца Т. Позднякова на Луговой Миллионной, а затем Миллер перевел ее в собственный дом на той же улице (оба дома находились примерно на месте нынешней арки Главного штаба).

⁵ Василий Евдокимович — Адодуров (1709—1780), математик, писатель; первый русский ученый, получивший ученое звание. С 1762 г. — куратор Московского университета, с 1774 г. — сенатор, дальний родственник Муравьевых.

⁶ Голохвастов — Алексей Иванович.

⁷ Николай Николаевич Муравьев (1768—1840) — сын Н. Е. и А. А. Муравьевых; Варвара Николаевна — его сестра.

⁸ «Жюли» — комическая опера Ж. М. Буте де Монвеля (1745—1812), музыка Дездеда. Впервые поставлена в 1772 г.

17. Л. 27—28.

¹ Гавриил — Тверским архиереем в 1768 г. был Гавриил Шапошников (Петров) (1730—1801), позднее придворный проповедник и митрополит С.-Петербургский.

С 1765 г. он находился в Петербурге при Комиссии о преобразовании духовных училищ. Похвальный отзыв о нем как о проповеднике Сумароков дал в статье «О российском духовном красноречии»: «Гавриил архиепископ петербургский есть больше сочинитель разумнейших философических диссертаций, нежели публичных слов... Скажу я о нем, что красота плавного и важного его склада приносит ему пред всем просвещенным светом достойную любезного имени его похвалу» (ПСВС, т. 6, с. 282—283).

² Домашнев Сергей Герасимович (1743—1795) в конце 1775 г. был назначен директором Академии наук.

³ О лекциях по математике и физике, читаемых в Академии наук, Муравьев часто писал в 1776 г. Особым успехом, по его словам, пользовались лекции профессора Крафта по экспериментальной физике, на которые съезжалось много петербуржцев.

⁴ В списке Академии наук адъюнкта Ивана Алексеевича не найдено.

⁵ Дьяков Алексей Афанасьевич (1721—1791) — обер-прокурор Сената; в его доме часто собирались молодые писатели и поэты. Дочери его — Марья (подруга Ф. Н. Муравьевой) — впоследствии жена Н. А. Львова; Александра — Капниста; Дарья — вторая жена Державина; Екатерина — графиня Стейнбок.

18. Л. 29-30.

¹ А. Л. Львов (1751—1829) — впоследствии сенатор. Возможно, ему принадлежит перевод книги Антонио де Гевары «Золотые часы государей» (ч. 1—6. СПб., 1773—1780).

² Наталья Александровна Репнипа (1737—1798).

³ Грейг Самуил Карлович (1736—1788), шотландец по происхождению, в русской службе с 1764 г.; один из руководителей Чесменского сражения 1770 г.

⁴ Утром 10 сентября 1777 г. в Петербурге было самое сильное со дня основания города наводнение (и третье до настоящего времени). Высота подъема воды достигла примерно 321 см. выше ординара, причем разрушительная сила наводнения усугубилась бурей, в результате которой самые высокие и лучшие деревья на Васильевском острове и в Коломне были вырваны с корнем; по преданию, небольшой купеческий корабль проплыл мимо Зимнего дворца поверх каменной набережной.

19. Л. 31—32.

¹ Судя по переписке, Муравьев думал издать книгу по механике. Следы работы над ней можно найти в бумагах, хранящихся в ГПБ, но документов, свидетельствующих о том, что его книга была напечатана, не обнаружено.

² «Механические предложения для употребления обучающегося при Артиллерийском и инженерном кадетском корпусе благородного юношества, сочиненные артиллерии капитаном Яковом Козельским». СПб., 1764.

³ П. Н. Трубецкой (1724—1791) — сводный брат М. М. Хераскова, в 1777 г. — камергер, «почетный любитель» Академии художеств.

⁴ Связно — скорописью, неразборчиво.

20. Л. 33—34.

¹ Осип Абрамович — Ганнибал (1744—1806), дед А. С. Пушкина. Петр Абрамович (1742—1822) — его брат. Жена П. А. Ганнибала — О. Г. фон Даннерштерн.

21. Л. 35—36.

¹ Румовский Степан Яковлевич (1734—1812) — академик; известен работами в области математики, астрономии, геодезии; один из составителей «Словаря Академии Российской».

² Крафт Вольфганг Людовик (Логин Юрьевич, 1743—1814), сын академика И. В. Крафта, — известный математик, академик; работал вместе с Л. Эйлером, преподавал в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, Артиллерийском корпусе и т. д. О лекциях его см. № 17, примеч 3.

³ Данила Афанасьевич — Мерлин (ум. 1783), генерал-поручик.

⁴ Василий Лаврентьевич — Львов (1745—1820), в 1777 г. секунд-майор тверского наместничества.

22. Л. 37—38. Первая часть письма, кроме подписи, написана рукой М. Н. Муравьева от имени Матвея Артамоновича старшего.

¹ Перемены 22 числа — награждения в связи с годовщиной коронации императрицы.

² Генерал-прокурор — А. А. Вяземский; наместник — Я. Е. Сиверс; вице-губернатор — Ф. Л. Карабанов. Л. С. Созонов привлекался тверской гражданской палатой к суду по ходатайству представителей купечества и мещанства г. Ржева, где он раньше был головой.

³ Неточная цитата из 3-й песни поэмы Майкова «Игрок ломбера».

23. Л. 39.

¹ Елисавета Васильевна — Хераскова (1737—1809), поэтесса, жена М. М. Хераскова.

² А. И. Васильев (1742—1807) в 1777 г. — обер-секретарь экспедиции о государственных доходах. Он был женат на Варваре Сергеевне Урусовой (1751—1831), двоюродной сестре Хераскова.

³ Храповицкий Александр Васильевич (1749—1801) в 1777 г. — оберсекретарь Сената; поэт, переводчик, драматург.

⁴ Хвостов Александр Семенович (1753—1820) в 1777 г. служил в Сенате; поэт, драматург, переводчик, в 1778—1779 гг. он был относительно близок к львовскому кружку, но вскоре отошел от него.

⁵ Старик Гурьев — может быть, Андрей Васильевич (1731—1808), бывший генерал-адъютант Петра III.

⁶ Афонин Матвей Иванович (1739—1810) — школьный товарищ Потемкина, Фонвизина, Новикова; профессор натуральной истории и земледелия Московского университета. Оставив в 1777 г. кафедру по слабости здоровья, Афонин стал секретарем Зорича. В дальнейшем Муравьев пишет о неблагодарности Зорича по отношению к Афонину, возникших между ними неприятностях.

24. Л. 42—43.

¹ И. П. Шагаров — офицер Измайловского полка.

25. Л. 40—41.

, М. Я. Неручев — орловский купец.

² Вателет — К. А. Ватле (Watelet, 1718—1786), художник, гравер, скульптор, писатель. Муравьев говорит о его поэме «Искусство живописи» («L'art de peindre. Poème avec des réflexions sur les différentes parties de la peinture». Paris, 1760).

³ Письма Эйлера, о которых говорит Муравьев, — «Lettres à une princesse d'Allemagne sur divers sujets de physique et de philosophie» (3 vol., 1768—1772). Они переведены С. Румовским под заглавием: «Письма о разных физических и философических материях, писанные к некоторой немецкой принцессе...». Ч. 1—3. СПб., 1768—1774.

⁴ Гравер де Виль — И. Г. Вилле (1715—1808), немец по национальности, работавший во Франции.

26. Л. 44.

¹ А. Я. Олсуфьева — сестра Ф. Я. Олсуфьева.

27. Л. 45. Конец письма оторван.

¹ По-видимому, речь идет о гибели Ф. П. Чаадаева (см. № 24).

28. Л. 46.

¹ Мать Муравьева, урожденная Софья Петровна Ижорина (1732—1768). См. также «Слово на погребение супруги действительного статского советника Никиты Артемоновича Муравьева, Сарры Петровны, говоренное Большого Успенского собора ключарем иереем Петром Алексиевым декабря 14 дня, 1768 года» (М., 1768). Несмотря на то, что Муравьеву было 11 лет, когда умерла его мать, он очень редко вспоминает ее. Основное чувство, о котором он пишет в письмах, записках, стихах, — любовь к отцу и сестре.

² Эти размышления показывают, насколько неглубоким было собственно религиозное чувство Муравьева. И церковь должна в первую очередь удовлетворить его эстетические запросы. Псковское подворье с церковью, перестроенной в 1760-х гг. архитектором А. Ф. Вистом, находилось на Васильевском острове, в Шестой линии. «Полковая» — небольшая Троицкая полковая церковь Измайловского полка, находившаяся напротив «холодной» деревянной Троицкой церкви, которая стояла на месте одноименного каменного собора, завершеного в 1835 г.

³ Мячков Дмитрий Дмитриевич (1716—1781) — тверской помещик.

⁴ Зорич получил во владение Шклов, где жил после удаления от двора.

⁵ Д. В. Волков (1718—1785) в 1776—1777 гг. — наместник в Смоленске. В 1777 г. назначен петербургским обер-полицмейстером; вышел в отставку в 1782 г.

29. Л. 47—48.

¹ С неделю места — с неделю времени.

² Целлариев лексикон — словарь К. Целлария (1638—1707), озаглавленный в русских изданиях: «Краткий латинский лексикон с российским и немецким переводом...» СПб., 1746; 2-е изд. — 1768.

³ Французский поэт П.-С. Марешаль (1750—1803) начал литературную деятельность как автор пасторалей и «*pièces fugitives*» (сборники «*Bergères*», 1770; «*Bibliothèque des Amants*», 1777). В дальнейшем Марешаль выступал как последовательный атеист и революционер. В частности, ему принадлежит памфлет — мнимое завещание Екатерины II Павлу.

30. Л. 50—51.

31. Л. 54—55.

¹ Карманов Диомид Иванович — тверской публичный нотариус; с 1777 г. — сотрудник Вольного российского собрания при Московском университете.

² Небольшое имение Устреха было подарено М. Н. Муравьеву отцом.

³ Стихи Урусовой на смерть Сумарокова точно не атрибутированы; при письме их текста нет.

⁴ Это имя несколько раз встречается в письмах в сопровождении весьма неслестных эпитетов.

32. Л. 52—53.

¹ Данные стихи Муравьева на смерть Сумарокова не сохранились. В июне 1778 г. им написаны другие.

² Тейльс Игнатий Антонович (1744—1815) — писатель и переводчик. В 1777 г. — секретарь Совета Сухопутного шляхетного кадетского корпуса.

33. Л. 56—57.

¹ Речь идет о хлопотах, которые собирался предпринять для производства М. Н. Муравьева в офицеры Н. А. Муравьев.

² Брюс Яков Александрович (1732—1791) в 1777 г. — генерал-аншеф, сенатор, подполковник Семеновского полка, командир Финляндской дивизии.

³ Уц И. П. (1720—1796) — немецкий поэт. В 1746 г. он вместе с Гетцем (1721—1781) перевел и издал сборник од Псевдо-Анакреона. В 1749 г. вышел в свет сборник лирических стихотворений Уца «*Lyrische Gedichte*», переизданный в 1775 г. О нем, очевидно, и говорится в письме.

⁴ Бастидонша — несомненно, К. Я. Бастидон, о близких дружеских отношениях которой с Ф. Н. Муравьевой говорится во всех циклах писем М. Н. Муравьева от 1776 до 1792 г.

34. Л. 58—59.

¹ Аграфена Петровна — жена Семена Саввича Муравьева.

35. Л. 103—104.

36. Л. 60.

37. Л. 61.

¹ Ознобишин Василий Петрович — в 1777 г. квартирмейстер Измайловского полка.

² Комические оперы Мармонтеля.

38. Л. 62—63.

¹ Ушаков — прапорщик Измайловского полка, сын тверского помещика.

39. Л. 64.

40. Л. 65—66.

¹ Ипполит Тимофеевич Пучков — знакомый Муравьевых.

² О какой «сшибке» с татарами пишет Муравьев, выяснить не удалось. Произошла она, очевидно, незадолго до письма, ибо Иван Дунин и Егор Любимов были произведены в полковники 11 июля.

³ «Тускуланские беседы» («вопросы») Цицерона Муравьев взял для перевода в «Собрании, старающемся о переводе иностранных книг». О своей работе над книгой он писал еще в 1776 г. В бумагах не обнаружена.

⁴ Фолард — французский военный историк Ж. Ш. де Фолар (1669—1752); наиболее известное произведение его — «Комментарии на Полибия» (1727—1730).

⁵ Раммлер — К. В. Рамлер (1725—1798), немецкий поэт. Из его сборников Муравьев мог читать «*Oden*» (1768), а также «*Lieder der Deutschen*» (1766), «*Lyrische Gedichte*» (1772), «*Lyrische Blumenlese*» (1774—1778).

41. Л. 67—68.

¹ Петр Андреевич — Мантуров, ассессор палаты гражданского суда в Твери.

² Сыновья Прокофия Демидова — Степан и Григорий, сержанты Преображенского полка, произведены в прапорщики 1 января 1778 г.

³ Соймонов — очевидно, Михайло Федорович.

42. Л. 69—70.

¹ Лев Андреевич — Батюшков, дед К. Н. Батюшкова. Был женат на сестре матери Муравьева; в 1777 г. — предводитель дворянства Устюжско-Железопольского уезда, в 1778 г. — предводитель дворянства Крестецкого уезда Новгородского наместничества.

² Марья — побочная дочь Матвея Артамоновича старшего.

43. Л. 71—72.

¹ Имеется в виду «Люцинда и Армидор», музыкальная драма итальянского драматурга Марко Колтеллини, жившего в конце 60—70-х гг. в Петербурге. Впервые представлена в 1777 г. (музыка Дж. Паизиелло).

44. Л. 73—74.

45. Л. 75—76.

46. Л. 77—78.

¹ Алексей Минич — Муравьев (ум. 1807), дальний родственник Муравьевых.

² Лирическая драма «Генрих IV» (1774) принадлежит Розуа (1743—1792), французскому поэту и драматургу, казненному за попытку освободить Людовика XVI.

47. Л. 79—80.

¹ «Шрок» — известная комедия Ж. Ф. Реньяра (1655—1709). «Колония, или Новое селение» — комическая опера Н. Э. Фрамери (1745—1810), музыка Саккини.

48. Л. 81.

¹ После возвращения из Турции в 1776 г. Н. И. Панин предполагал поручить Н. В. Репнину управление иностранными делами. Недовольная сближением Репнина с Паниным и «малым двором» императрица отклонила это предложение. Почти безотлучно находясь в Петербурге, Репнин уделял большое внимание Измайловскому полку. Этим и можно объяснить слегка иронический характер замечания Муравьева о назначении Репнина наместником смоленским и орловским.

49. Л. 83—84.

¹ Автограф сборника «Новые лирические опыты Михаила Муравьева. 1776» хранится в ГПБ. Издать сборник Муравьеву не удалось, и одно лишь стихотворение он напечатал в «Санктпетербургском вестнике» 1778 г., два опубликованы посмертно в 1819 г., четыре — в 1967 г.

² Леонар (1744—1793) — французский поэт, в творчестве которого сильны предромантические тенденции. Муравьев переводил Леонара (в 1779 г. в «Модном ежемесячном издании» опубликовано стихотворение «Буря. Перевод осьмой идиллии г. Леонарда» с «приписанием», т. е. посвящением, сестре — Ф. Н. Муравьевой), упоминал о нем в своих стихах.

50. Л. 85.

¹ Гизелевский после падения Зорича стал (в 1778 г.) секретарем правления Новгородского наместничества.

51. Л. 89—90.

¹ В Авдотью Александровну Львову, сестру Н. А. Львова, Муравьев был влюблен в 1776 г. В 1777 г. она вышла замуж за тверского землемера Н. И. Рудакова.

52. Л. 91—92.

53. Л. 93—94.

¹ П. А. Соймонов (ум. 1800) впоследствии — один из статс-секретарей императрицы.

54. Л. 95—96.

¹ В. Н. Трубецкой (род. 1752) — сводный брат М. М. Хераскова. Указ о производстве гвардейских офицеров от 7 января 1778 г. см.: «Санктпетербургский вестник», 1778, ч. 1, с. 79; «Санктпетербургские ведомости» от 12, 16, 19, 26 января 1778 г.

² То есть у М. М. Хераскова.

55. Л. 97.

¹ И. С. Караулов (1739—1812) — тверской помещик, заседатель верхнего земского суда, премьер-майор. Его жена Анна Львовна (1758—1819) — дочь Л. А. Батюшкова, двоюродная сестра Муравьева.

² Текста «маленькой пьесы в гексаметрах» в письмах нет, однако речь, несомненно, идет о стихотворении «Роцца». Во-первых, это единственное оригинальное стихотворение, написанное гекзаметром, на что Муравьев обращал внимание Д. И. Хвостова, посылая ему экземпляр «Опыта трудов», где была напечатана «Роцца»: «Я избрал в ней малоупотребительное стихосложение, но которое в языке нашем имеет права гражданства, по присуждению начальников искусства, Ломоносова и Тредьяковского. Сей последний обесславил его, написав им „Тилемахиду“. Но сей ученый человек — достопамятное доказательство, что дарования разделяются природою, — обезображивал всякий род стихотворства, к которому он ни касался. Я, может быть, употребил его без пользы... Это, что называется, своенравие художника, если только мне позволено иметь свое». Во-вторых, в стихотворении «Успех британской музыки. К В. П. Петрову» (1778) сам Муравьев засвидетельствовал факт чтения Петрову именно «Роцци». Обращаясь к адресату стихотворения, Муравьев писал: «Со снисхождением зришь моей мечтанья „Роцци“...».

56. Л. 98—99.

¹ Пестов — тверской знакомый Муравьевых.

² Может быть, Матвей Батюшков — майор санктпетербургского гарнизона.

³ Письма Расина к сыну Жан Батисту, написанные в 1691—1699 гг., были опубликованы Луи Расином в 1747 г. в сборнике «Lettres de Jean Racine». Муравьев пользовался либо этим изданием, либо переводом на немецкий язык, появившимся в 1776 г.

⁴ Настасья Федоровна Муравьева — монахиня; двоюродная сестра М. Н. и З. М. Муравьевых, сестра А. Ф. Вульф.

⁵ Мармонтель являлся одним из любимейших писателей Муравьева. В своих записках он называл Мармонтеля «мудрецом словесников» и, сравнивая с Вольтером и Руссо, отдавал ему предпочтение, потому что у него «меньше желчи, чем у Вольтера, и больше простоты и мягкости, чем у Руссо» (ГПБ, № XXII, л. 46). В 1776 г. Муравьев советовал сестре читать Мармонтеля «pour l'élégance de la langue» (для изящества языка, — письмо 7 апреля 1776 г.). Близость Муравьева к Мармонтелю выходит за пределы читательского восхищения; она чувствуется в самой системе литературных взглядов: в отношении к древним и новым писателям, проблеме прекрасного и т. д.

57. Л. 100—101.

¹ Очевидно, речь идет о написанной в это время комической опере Львова «Сильф, или Мечта молодой женщины» на сюжет рассказа Мармонтеля «Le mari-Sylphe» («Су-

пруг Сильф»). Неопубликованное либретто хранится среди бумаг Державина в его фонде в ГПБ (№ XXXVIII). Музыка написана Яхонтовым. Упоминаемая далее «Анюта» — комическая опера М. И. Попова.

58. Л. 102 и 105.

¹ Петр Антонович — Костливцев, родственник Муравьевых. В 1776 г. — капитан Таганрогского порта, позднее — вице-адмирал.

² «26 января па придворном театре представлена итальянская опера „Ахилл во Сциросе“ соч. Мотастазио, музыка Паизиелло, придворного капельмейстера» (Санктпетербургский вестник, 1778, ч. 1, с. 165). В «Летописи русского театра» Арапова отмечено великолепие постановки оперы «Ахилл во Сцире», связанное с празднествами по случаю рождения великого князя Александра Павловича. Отдельное издание «Ахилл во Сцире» — СПб., 1778.

59. Л. 108—109.

60. Л. 110.

¹ Речь идет о задержке с отпуском. Н. А. Муравьев желал, чтобы сын приурочил отпуск к рождественскому посту, однако тот реально начал хлопотать об отпуске значительно позднее.

61. Л. 111—112.

¹ П. И. Черевин (1733—1813) — солигаличский предводитель дворянства.

62. Л. 86—87.

Письмо не датировано, помещено между декабрьскими письмами 1777 г., но написано оно, без сомнения, 8 февраля 1778 г., так как в письме 6 февраля Муравьев писал о предстоящем на следующий день представлении «Дидоны».

¹ В данном письме (а также в № 64) Муравьев называет полковником Н. В. Леонтьева (к этому времени ставшего майором Измайловского полка), очевидно, в отличие от Олсуфьева, которого он везде именует майором. Подполковник — князь Н. В. Репнин.

² Имя И. А. Дмитревского многократно встречается в записях, дневнике, стихах Муравьева. Наиболее развернуто впечатление от игры актера в стихотворении «Сожаление младости» (1780):

Я плакал сладостно, Дмитревский, в первый раз
Твой сердцу сродственный, волшебный слыша глас,
Трепеща, спровождал твоё рукодвиженъе,
Всесильно быстрое делил обвороженье
Неудовольственной и ропщущей любви
Иль стужу ужаса, лиющуся по крови.

63. Л. 114—115.

¹ Н. Ф. Муравьева.

² Петр Николаевич — Львов, дядя Н. А. Львова.

64. Л. 118—119.

65. Л. 116—117.

¹ Порри — известный артист итальянской оперы. На время великого поста все светские увеселения прекращались, в течение второй—шестой недель могли устраиваться лишь концерты духовной музыки, а на первой и седьмой неделях великого поста не позволялись и они. Поэтому любители музыки, подобно Муравьеву, нередко посещали «католицкую церковь». Так, в письме от 29 марта 1781 г. Муравьев сообщает Л. Ф. Муравьевой, что ее брат Александр Федорович Муравьев собирается ехать в католический храм, «ибо будет новая прекрасная музыка, присланная к государыне от императора, а к императору от папы», которая будет сопровождать обряд умовения ног, совершаемый в четверг седьмой («страстной») недели. В течение второй—шестой недель великого поста 1779 г. дважды в неделю исполнялись оратории; организовал их исполнение французский композитор, дирижер и скрипач Пезибль. 8 марта 1780 г. в Музыкальном клубе, членом которого был Муравьев, он слушал ораторию Перголезе «Stabat mater» (письмо от 11 марта 1780 г.), и т. д.

66. Л. 120—121.

¹ Муравьев приехал в Москву из Твери вместе с сестрой, Л. Ф. Муравьевой, А. Ф. и И. П. Вульфами.

67. Л. 122.